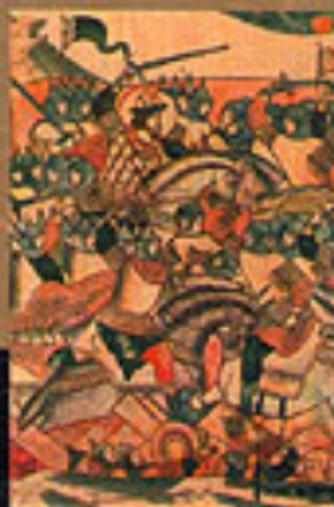

СОЧИНЕНИЯ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
КАРАМЗИНА

В 12 ТОМАХ
С ПОЛНЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ
АВТОРА

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Николай Михайлович Карамзин

**История государства
Российского. Том IV**
(История государства Российского #4)

«История Карамзина» — один из величайших памятников русской национальной культуры.

Четвертый том охватывает период российской истории с 1238 по 1362 год и содержит комментарии, указатель имен, указатель географических и этнических названий, указатель литературных и документальных источников, летописей, церковных праздников и событий и список сокращений, принятых в указателях.

Содержание

Глава I Великий князь Ярослав II Всеволодович. 1238—1247 г.	0006
Глава II Великие князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский (один после другого). 1247—1263 г.	0075
Глава III Великий князь Ярослав Ярославич. 1263—1272 г.	0110
Глава IV Великий князь Василий Ярославич. 1272—1276 г.	0140
Глава V Великий князь Димитрий Александрович. 1276—1294 г.	0148
Глава VI Великий князь Андрей Александрович. 1294—1304 г.	0181
Глава VII Великий князь Михаил Ярославич. 1304—1319 г.	0198
Глава VIII Великие князья Георгий Даниилович, Димитрий и Александр Михайловичи (один после другого). 1319—1328 г.	0228
Глава IX Великий князь Иоанн Даниилович, прозванием Калита. 1328—1340 г.	0252
Глава X Великий князь Симеон Иоаннович, прозванный Гордый. 1340—1353 г.	0295
Глава XI Великий князь Иоанн II Иоаннович. 1353—1359 г.	0331
Глава XII Великий князь Димитрий	

Константинович. 1359—1362 г. 0347

**Николай Михайлович
Карамзин
«История государства
Российского»
Том IV**

Глава I

Великий князь Ярослав II Всеволодович. 1238—1247 г.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгия. Освобождение Смоленска. Междоусобия. Батый опустошает южную Россию. Красота Киева. Великодушные граждане. Осада и взятие Киева. Состояние России. Причина успехов Батыевых. Свойства и оружие Моголов. Происшествия в западной России. Спесь Венгерского Короля. Слава Александра Невского. Россия в подданстве Моголов. Кончина и свойства Ярослава. Убиение Михаила. Даниил, честимый в Орде. Любопытные известия о России и Татарах. Политика Даниилова. Даниил — Король Галицкий.

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах Государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей Князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а

не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оногo. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить Государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквях и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, Великий Князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку, благодарил Небо за спасение еще многих Князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости — и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова в Владимир. [1239 г.] Георгий

в безрассудной надменности допустил Татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты Государства; но он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил Монахов — и граждане благословили его память.

Ко славе Государя, попечительного о благе народном, Великий Князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области: Ярослав, разбив их, пленил Князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новгороде.

Между тем Князя южной России, не имев участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Через несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со

всеми Боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! Доколе вам терпеть державу Князей иноплеменных? Не я ли ваш Государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «ты, ты — наш отец, Богом данный! Иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкий Епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, изменами, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению Летописца, стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному, поздравляя друг друга с Князем любимым. Даниил принес благодарность Всевышнему в Соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на Немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Галича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом Коро-

левы, Белиной дочери; а Бояре Галицкие упали к ногам Данииловым. Редкое милосердие сего Князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только «исправьтесь!» и надеялся великодушием обезоружить мятежников. В самом деле они усмирились; но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею Половцев. Знаменитейший из их Ханов, Котян, тесть храброго Мстислава Галицкого, был еще жив и мужественно противился Татарам; наконец, разбитый в степях Астраханских, искал убежища в Венгрии, где Король, приняв его в подданство с 40000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший Владимирскому храму Богоматери Тогда жители Великого Княжества снова обеспамятели от ужаса: оставляя дома свои, бегали из места в место и не знали, где найти безопасность.

Но Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые Россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, Татары сожгли Чернигов; но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими Епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. — Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

[1240 г.] Уже Батый давно слышал о нашей

древней столице Днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской Империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных: ибо Арабские Историки и Географы говорят об ней в своих творениях. Внук Чингисхана, именем Мангу, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и, по словам Летописца, не мог надивиться красоте оного. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов, — высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством Византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству. Битва на Калке, на Сити, — пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов, свидетельствовали грозную силу Моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь на-

родная и великодушные не следуют внушениям боязливому рассудку. Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие Россияне, гнушаясь унижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили Послов Мангухана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее Князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть Татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом Киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к Королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице Вождя искусного и мужественного: Князь не ошибся в выборе, поручив оную Бо-

ярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию Летописца, едва позволяли жителям слышать друг друга в разговорах. — Димитрий бодрствовал и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен Татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми Воеводами Могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын Великого Хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель Ниучей Китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и Княжения Суздальского. Сей пленник рассказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началась приступом к воротам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и Киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копыя трещали и

ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но Татары ввечеру овладели стеною. Еще воины Российские не теряли бодрости; отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с драгоценнейшим своим именем заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам и гражданам необходимостью, предписанною для них отечеством и Верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением Моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили брэнную ограду Россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб Св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного

Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал Воеводе Российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать градов Российских*, в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для Россиян: где гроб Ольгин? где кости Св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних Князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная и вернейшая... Первое великолепное здание греческого зод-

чества в России, храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оно, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего. — Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные к святыне сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища и, сняв *златокованный* крест с главы храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить Летописцам XVII века, то первобытное строение Лавры красотою и величию превосходило новейшее. Они же повествуют, что некоторые Иноки Печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.

Батый — узнав, что Князья южной России находятся в Венгрии, — пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умев двенадцатью орудиями раз-

бить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив: ибо Татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михайлов, Изяслав Владимирович, внук Игорев, Татары отступили с неудачею от Кременца, Даниилова города; но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный Воевода Киевский, Димитрий, находился с Батыем и, сокрушаясь о бедствиях России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он всеми силами ударит на Моголов. Батый, уважив совет Димитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный Воевода Российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благоденствие и драгоценная народная независимость погиб-

ли для них на долгое время: по крайней мере они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительство; могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый, как лютой зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие Князья Российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями Татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бро-

сались на острый нож или в глубокие реки! Жены Боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные золотыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опаляли над очагом, готовя пищу неверным... Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою Империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действо-

вали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом: в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей Татарских как беззащитные жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы. Впрочем, Моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сорокалетними победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки и семейства, жен, детей и везде находили отечество, где могло пастись их стадо. В свободное от человеубийств время занимались звериною ловлею: видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров как волны стремились

одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих людей и стараясь убивать врагов издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками давали повеления и не стыдились иногда общего бегства; но смертью наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы Моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копыя с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев.

В то время, как сии губители свирепствовали в южной России, ее Князья находились в Польше. Король Венгерский, видя Михаила изгнанником, не хотел выдать дочери за его сына и велел им удалиться. Даниил, готовый тогда ехать к Беле IV, имел случай оказать свое великодушие: убедил Великого Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествия Батыева плененную им в Каменце; возвратил ее супругу и, забыв вражду, обещал навсегда уступить ему Киев, если благодать Всевышнего избавит Россию от иноплеменников; а Ростиславу отдал Луцк. Чтобы в общей опасности действовать согласнее с Бе-

лою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастье Российских Княжений есть счастье для Венгрии: мысль ума слабого, внушаемая обыкновенно взаимною завистию держав соседственных! Предсказав Королю гибельное следствие такой системы, Даниил спешил защитить свое Княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже Татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастись от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении Моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов, дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России. Получив сию утешительную весть,

они возвратились в отечество; не могли от смрада въехать ни в Брест, ни в Владимир, наполненный трупами, и решились жить в Холме, основанном Даниилом близ древнего Червена и, к счастью, уцелевшем от Могольского разорения. Сей городок, населенный отчасти Немцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалин всей окрестной страны казался тогда очаровательным, имея веселые сады, насажденные рукою его основателя, новые здания и церкви, им украшенные (в особенности церковь Св. Иоанна, поставленную на четырех, искусно изваянных головах человеческих, с медным помостом и с *Римскими* стеклами в окнах). Как бы следуя указанию Неба, столь чудесно защитившего сие приятное место, Даниил назвал Холм своим любимым городом и, подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неумоимо старался воскресить жизнь и деятельность в областях юго-западной России. Ему надлежало не только вызвать людей из лесов и пещер, где они скрывались, но и сражаться с буйностию легкомысленных Бояр, которые думали, что внук Чингисханов опу-

стошил наше государство для их пользы и что им настало время царствовать. Воевода Дрогичинский не впустил Князя в сей город, а Бояре Галицкие хотя и называли Даниила своим Государем, однако ж самовольно повелевали областями, явно над ним смеялись, присвоили себе доходы от соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье так называемым Княжеским Оружникам, и тайно сносились с Михайловым сыном, Ростиславом. Долго бегав от Татар из земли в землю, Михаил, ограбленный Немцами близ Сирадии, возвратился в Киев и жил на острове против развалин сей древней столицы, послав сына в Чернигов. Он уже не помнил благоденний шурина и старался ему злодействовать. Ростислав хотел овладеть Бакотою в Понизье; был отражен Данииловым Печатником, но занял Галич и Перемышль. Столь мало Князья Российские научились благоразумию в несчастиях, с бессмысленным властолюбием споря между собою о бедных остатках Государства растерзанного! Несмотря на измены Бояр и двух Епископов, Галицкого и Перемышльского, друзей Михайлова сына;

несмотря на изнурение своего Княжества и малочисленность войска, большею частию истребленного Татарами, Даниил смирил мятежников и неприятелей; изгнал Ростислава из Галича и пленил его союзников, Князей Болховских, прежде облагодетворенных им и Васильком. Достоин замечания, что сии Князья умели спасти их землю от хищности Батыевой, обязавшись сеять для Татар пшеницу и просо. — В то же время оскорбленный Поляками Даниил осаждал и взял бы Люблин, если бы жители не испросили у него мира. Восстановив свою державу, он ждал с беспокойством, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще некоторые отряды Моголов не выходили из России, довершая завоевание восточных Уделов Черниговских, и Князь Мстислав, потомок Святослава Ольговича Северского, был умерщвлен Татарами.

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость Небесную и счастье своего юного Князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с

любовию и почтением; приятный голос сего Князя гремел как труба на Вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александра. Достигнув лет юноши, он женился на дочери Полоцкого Князя, Брячислава, и, празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область от внезапных нападений Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские Рыцари, Финны и Шведы были неприятелями Новгорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для Россиян опаснее: ибо, лишася Магистра своего, Вольквина, и лучших сподвижников в несчастной битве с Литвою, присоединились к славному Немецкому Ордену Св. Марии. Скажем несколько слов о сем достопамятном братстве. Когда Государи Европейские, подвигнутые и славолюбием и благочестием, вели кровопролитные войны в Палестине и в Египте; когда усердие видеть Святые места ежегодно влекло толпы людей из Европы в Иерусалим: многие

Немецкие Витязи, находясь в сем городе, составили между собою братское общество, с намерением покровительствовать там своих единоплеменников, бедных и недужных, служить им деньгами и мечем, — наконец быть защитниками всех богомольцев и неутомимыми врагами Сарацинов. Сие общество, в 1191 году утвержденное Папскою Буллою, называлось Орденом Св. Марии Иерусалимской, и Рыцари его ознаменовали белые свои мантии черным крестом, дав торжественный обет целомудрия и повиновения начальникам. Великий Магистр говорил всякому новому сочлену: «Если вступаешь к нам в общество с надеждою вести жизнь покойную и приятную, то удалися, несчастный! Ибо мы требуем, чтобы ты отрекся от всех мирских удовольствий, от родственников, друзей и собственной воли: что ж в замену обещаем тебе? хлеб, воду и смиренную одежду. Но когда придут для нас времена лучшие, тогда Орден сделает тебя участником всех своих выгод». Сии лучшие времена настали: Орден Св. Марии, переселясь в Европу, был уже столь знаменит, что великий магистр его, Герман Зальца, мог су-

дить Папу, Гонория III, с Императором Фридрихом II; завоевал Пруссию — ревностно обращая ее жителей в Христианство, то есть огнем и мечем — принял Ливонских Рыцарей под свою защиту, дал им магистра, одежду, правила Ордена Немецкого и, наконец, слово, что ни Литовцы, ни Датчане, ни Россияне уже не будут для них опасны.

В сие время был Магистром Ливонским некто Андрей Вельвен, муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия Ливонских Рыцарей и Новгородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего Летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением». Сей юный Князь скоро имел случай важным подвигом возвеличить свою добрую славу.

Король Шведский, досадуя на Россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом Шведов, Норвеж-

цев, Финнов. Сей Вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород, и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъясил ни страха, ни гордости Послам Шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение Архиепископа Спиридона, отер на Праге слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим Князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые Новгородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 июля [1240 г.] приблизился к берегам Невы, где стояли Шведы. Там встретил его знатный Ижерянин, Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях неприятеля. Здесь современный Летописец рассказывает чудо. Ижеряне, подданные Новгородцев, большею частью жили еще в идолопоклонстве; но Пелгуй был Христиа-

нин, и весьма усердный. Ожидая Александра, он провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве. Мрак исчез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладью, гребцов, *одеянных мглою*, и двух лучезарных Витязей в ризах червленных. Сии Витязи совершенно походили на Святых Мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Нелгуй слышал голос старшего из них: «Поможем родственнику нашему Александру!» По крайней мере так он сказывал Князю о своем видении и предзнаменовании столь счастливом; но Александр запретил ему говорить о том и как молния устремился на Шведов. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера. Витязь Российский, Гавриил Олексич, гнал Принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с Воеводою Шведским. Новгородец Сбыслав Якунович с одним топором вломился в середину неприятеля.

лей; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел. Ратмир, верный слуга Князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров; Отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и Россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки Шведов. Они не хотели ждать утра: нагрузили две шнеки телами чиновников, зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный Воевода их, Спиридон, и Епископ, по рассказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что Летописец, служа сему Князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Рыцари Ливонские не помогали Шведам,

однако ж старались вредить Новугороду. Ярослав, сын Владимира Псковского, в 1233 году сосланный в область Суздальскую, получил свободу, жил тогда у Немцев в Эстонии и питал их ненависть к Россиянам. Во Пскове были также некоторые изменники — чиновник Твердило и другие, — склонявшие Рыцарей овладеть сим городом. Обнадеженные ими в верном успехе, Немцы собрали войско в Оденпе, Дерпте, Феллине и с Князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Псковитяне сразились с ними; но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на мир постыдный. Рыцари хотели аманатов: знатнейшие люди представили им своих детей, и гнусный изменник, Твердило, начал господствовать во Пскове, деляся властью с Немцами, грабя села Новгородские. Многие добрые Псковитяне ушли с семействами к Александру и требовали его защиты. К несчастью, сей Князь имел тогда распрю с Новгородцами: досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль Залесский, с матерью, супругою и всем Двором.

Между тем Немцы вступили в область Новгородскую, обложили данию Вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить свое господство в нынешнем Ораниенбаумском уезде; взяли на границах Эстонии Российский городок Тесов и грабили наших купцов верст за 30 до Новгорода, где чиновники дремали или тратили время в личных ссорах. Народ, видя беду, требовал себе защитника от Ярослава Всеволодовича и признал второго сына его, Андрея, своим Князем; но зло не миновалось. Литва, Немцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибегнуть к Герою Невскому: Архиепископ со многими Боярами отправился к Александру; убеждал, молил Князя и склонил его забыть вину Новгорода.

[1241 г.] Александр прибыл, и все переменилось. Немедленно собралось войско: Новгородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье и пленили многих Немцев. Александр освободил некоторых; но Вожане и

Чудские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены.

[1242 г.] Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя, Твердила, и чужеземцев. Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных Немцев и Чудь. Летописец Ливонский рассказывает, что 70 мужественных Рыцарей положили там свои головы и что Князь Новгородский, пленив 6 чиновников, велел умертвить их. Победитель вошел в Ливонию, и когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил малочисленный передовой отряд Новгородский. Тут Александр оказал искусство благоразумного Военачальника: зная силу Немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере [5 апреля 1242 г.]. Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Ры-

царей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела Чуди лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр Ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь от *неверных*, жестоких Россиян; но храбрый Князь, довольный ужасом Немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей Рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило Героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцем и спасителем. Счастливый делом своим и радостью общою, сей добрый Князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: «О Псковитяне! Если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии: то вы будете примером неблагодарности!» — Новгородцы радовались не менее Псковитян, и ско-

ро послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, отказавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и знатную часть Летгаллии.

[1243—1245 гг.] В сие время Литовцы разбили Ярослава *Владимировича*, который, оставив Немцев, с изволения Александра начальствовал в Торжке. Соединясь с Тверскою дружиною, Ярослав гнался за хищниками до Торопца, где они считали себя уже в безопасности, овладев крепостию; но Герой Невский приспел, взял город, истребил их всех, одних на стенах, других в бегстве, и в том числе 8 Князьков Литовских. Совершив подвиг, Александр отпустил войско, ехал с малочисленною дружиною и вдруг увидел себя окруженного новыми толпами неприятелей: ударил неустрашимо, рассеял оные, благополучно возвратился в Новгород. — Одним словом, Александр, в несколько дней, семь раз победил Литовцев; воины его, ругаясь над ними, привязывали пленников к хвостам конским.

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы Россиян, уже данников Татар-

ских. Батый, завоевав многие области Польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление Моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь Ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы. Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звал к себе великого Князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоприятным в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, Великий Князь отправился со многими Боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к Великому Хану Октаю который в сие время, празднуя блестящие завоевания Моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию Историка Татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было

несметно. — Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех Князей Российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для Удельных Князей Суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также били челом надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих.

[1246 г.] Сын Ярославов чрез два года возвратился из Китайской Татарии; а Великий Князь, вторично принужденный ехать в Орду со всеми родственниками, должен был сам отправиться к берегам Амура, где Моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового Великого Хана. Ярослав простился навеки с любезным отечеством: сквозь степи и пустыни достигнув до Ханского стана, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника, оправдал себя в каких-то доносах, сделанных на него Хану одним Российским Вельможею, и, получив ми-

лостивое дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути [30 сентября]. Таким образом, сей Князь несчастный, быв свидетелем и жертвою народного уничтожения России, не имел и последнего утешения сомкнуть глаза в недрах святого отечества! Верные Бояре привезли его тело в столицу Владимирскую. Говорили, что он был отравлен; что мать нового хана Гаюка, как бы в знак особенного благоволения предложив Ярославу пищу из собственных рук, дала ему яд, который в седьмой день прекратил его жизнь и ясно обнаружился пятнами на теле умершего. Но Моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли Князь Владимирской области казаться страшным Монарху, повелевавшему народами от Амура до устья Дунайского?

Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благоразумием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного Великого Княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение

варваров, Батяя и Гаюка, но не заслужил *ревностной* похвалы наших Летописцев, ибо не раздавал имения церквям и Монахам, отличаясь, может быть, Верою просвещенною, а не суесвятством. — Супруга его, именем Феодосия, оставленная им в Новегороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была схоронена в оном подле ее сына, Феодора.

Россия, огорченная смертью Ярослава, почти в то же время сведала ужасные обстоятельства кончины Михайловой. Узнав, что сын его, Ростислав, принят весьма дружелюбно в Венгрии и что Бела IV, в исполнение прежнего обязательства, наконец выдал за него дочь свою, Михаил вторично поехал туда советоваться с Королем о средствах избавить себя от ига Татарского; но Бела изъявил к нему столь мало уважения и сам Ростислав так холодно встретил отца, что сей Князь с величайшим неудовольствием возвратился в Чернигов, где сановники Ханские переписывали тогда бедный остаток народа и налагали на всех людей дань поголовную, от земле-

дельца до Боярина. Они велели Михаилу ехать в Орду. Надлежало покориться необходимости. Приняв от Духовника благословение и запасные Святые Дары, — ободренный, утешенный его Христианскими наставлениями, он с Вельможею Феодором и с юным внуком, Борисом Васильковичем Ростовским, прибыл в стан к Моголам и хотел уже вступить в шатер Батыев; но волхвы, или жрецы сих язычников, блюстители древних суеверных обрядов, требовали, чтобы он шел сквозь разложенный перед ставкою священный огонь и поклонился их кумирам. «Нет! — сказал Михаил: — я могу поклониться Царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу Государств земных; но Христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Услышав о том, свирепый Батый объявил ему чрез своего Вельможу, именем Эльдега, что должно повиноваться или умереть. «Да будет!» — отвечивал Князь; вынув Запасные Дары, вместе с любимцем своим, Феодором, причастился Святых Таин и, пылая ревностию Христианских мучеников, пел громогласно святыя Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борис хотел его

смягчить молением и слезами; напрасно Вельможи Ростовские брали на себя грех и торжественное покаяние, если Михаил исполнит волю Батыеву, следуя примеру других Князей наших. «Для вас не погублю души, — говорил он и, свергнув с себя мантию Княжескую, примолвил: — Возьмите славу мира; хочу Небесной». По данному знаку убийцы бросились, как тигры, на Михаила, били его в сердце, топтали ногами: Бояре Российские безмолвствовали от ужаса. Один Феодор стоял покойно и с веселым лицом ободрял терзаемого Князя, говоря, что он умирает, как должно Христианину; что муки земные непродолжительны, а награда Небесная бесконечна. Желая, может быть, прекратить Михайлово страдание, какой-то отступник Веры Христианской, именем Доман, житель Путивля, отсек ему голову и слышал последние, тихо произнесенные им слова: Христианин *есмь* ! Пишут, что сам Батый, удивляясь твердости сего несчастного Князя, назвал его великим мужем. Боярин Феодор приял также венец Мученика и доказал, что он, утешая Михаила, не лицемерил: ибо, раздираемый

на части варварами, славил благость Небесную и свою долю. Тела их, поверженные на снедение псам, были сохранены усердием Россиян; а Церковь признала Святыми и великодушного Князя и верного слугу его, которые, не имев сил одолеть Моголов в битве, редкою твердостью доказали по крайней мере чудесную силу Христианства. — Юный Борис Василькович, оплакав жребий деда, должен был ехать к Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границах России, и получил дозволение возвратиться в свой Удел; о Князьях же Черниговских с того времени почти совсем не упоминается в наших летописях: знаем единственно, что там около 1261 года властвовал Андрей Всеволодович, зять Даниилова брата, Василька. Сыновья Михайловы, по кончине отца, княжили в Уделах: Роман в Брянске, Мстислав в Карачеве, Симеон в Глухове, Юрий в Торуссе; а старший их брат, Ростислав, зять Короля Белы, остался в Венгрии и, получив в Удел от своего тестя Банат Маховский (в Сервии), назывался Государем сей области, Герцогом Болгарии и повелителем Славонии (Rex de Madschau, dux et Imperator

Bulgariae et Vanus totius Sclavoniae). От сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховские и Боснийские; сестра же их совокупилась браком с Лешком Черным, Герцогом Польским.

Счастливейе Князя Черниговского был Даниил в своих первых сношениях с Ордою. Послы за Послами являлись у него от имени Ханского, требуя, чтобы он искал милости Батыевой раболепством или отказался от земли Галицкой. Наконец Даниил поехал к сему завоевателю чрез Киевскую столицу, управляемую Боярином Ярослава Суздальского, Димитрием Ейковичем; встретил Татар за Переяславлем, гостил у Куремсы, их Темника, и в окрестностях Волги нашел Батыя, который в знак особенного благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших Князей. «Ты долго не хотел меня видеть (сказал Батый), но теперъ загладил вину повиновением». Горестный Князь пил кумыс, преклоняя колена и славя величие Хана. Батый хвалил Даниила за соблюдение Татарских обычаев; однако ж велел дать ему кубок

вина, говоря: «Вы не привыкли к нашему молоку». Сия честь стоила недешево: Даниил, пробыв 25 дней в улусах, выехал оттуда с именем слуги и данника Ханского. — Далее откроется, что сей Князь, лаская Моголов, хотел единственно усыпить их на время и думал о средствах избавить отечество от ига. Между тем Государи соседственные, устрашенные его дружественною связию с Ордою, начали оказывать к нему гораздо более уважения. Незадолго до того времени Король Бела имел с ним новую вражду. Ростислав Михайлович, зять Королевский, предводительствуя Венграми, осаждал Ярославль; с обеих сторон изъявляли остервенение и казнили знатнейших пленников; в том числе Россияне умертвили славного гордостию Полководца Венгерского, Фильнию, и в кровопролитной битве одержали верх. Боясь, чтобы Моголы, как покровители Даниила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложил ему тесный союз и выдал меньшую дочь, именем Констанцию, за его сына, Льва, чему способствовал Митрополит Кирилл, избранный Даниилом и Васильком на место Иосифа; он ехал ставить-

ся в Константинополь через Венгрию, говорил с Белою и ручался своим Князьям за искренность сего Монарха. Утвердив вечный с ним мир, Даниил жил согласно и с Поляками. Конрад умер его другом: Болеслав Мазовский также. Последний, женатый на дочери Александра Бельзского, Анастасии, в угодность Даниилу отказал Мазовию брату своему, Самовиту.

Описав случаи времен Ярославовых, мы должны упомянуть о любопытном путешествии Иоанна План-Карпина, Монаха Францисканского, в Татарию к Великому Хану. Европа, приведенная в ужас нашествием Батыевым, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгрии: ибо Татары могли возвратиться. Немецкий Император писал ко всем Государям, чтобы они собрали войско для спасения Царств и Веры. Беспокойство, волнение было общее; народ постился; Духовенство день и ночь молилось в храмах. Один Св. Людовик, мужественный Король Французский, не терял бодрости и спокойно ответствовал матери, что он, в надежде на Бога и меч свой, смело встретит варваров. Но Папа, Иннокен-

тий IV, желая миром удалить бурю, отправил к Хану Монахов с дружелюбными письмами. Иоанн Карпин, один из сих Послов, в 1246 году проезжал из Италии чрез Россию и сообщает следующие известия о тогдашнем ее состоянии и Моголах. Увидим, что Папа, думая о Татарах, не забывал и наших предков, усиленно домогаясь подчинить нас Латинской Церкви. Несчастия Россиян давали ему тем более надежды успеть в сем важном деле.

«В Мазовии, — пишет Карпин, — встретили мы Князя Российского Василька (брата Даниилова, ходившего тогда с мазовским Герцогом на Ятвягов), который рассказал нам весьма много любопытного о Татарах. Узнав, что не должно ехать в Орду с пустыми руками, мы купили несколько бобровых и других шкур. Конрад, Герцог Краковский, Епископ и Бароны Польские снабдили нас также всякими мехами, прося Князя Василька быть нашим покровителем. Вместе с ним приехали мы в его столицу (Владимир Волынский), где, отдохнув, желали беседовать с Российскими Епископами и предложили им письма от Папы, который убеждал их присоединиться к

Латинской Церкви; но Епископы и Василько ответствовали, что они не могут ничего сказать нам без Князя Даниила, брата Василькова, бывшего тогда в Орде. После чего Василько отправил нас с вожатым в Киев, куда мы и прибыли благополучно, несмотря на глубокий снег, холод и многие опасности: ибо Литовцы беспрестанными набегами тревожат сию часть России. Жителей везде мало: они истреблены Моголами или отведены ими в плен. В Киеве наняли мы Татарских лошадей, а своих оставили: ибо они могли бы умереть с голода в дороге, где нет ни сена, ни соломы; а Татарские, разбивая копытами снег, питаются одною мерзлою травою.

Первое место, в коем живут Моголы (близ Киева), называется Хановым. Они со всех сторон окружили нас, спрашивая, зачем и куда едем? Я отвечал, что мы послы отца и владыки всех Христиан, который, ничем не оскорбив Государей Татарских, с крайним изумлением сведал о разорении Венгрии и Польши, где живут *его подданные*, что он, желая мира, в письмах своих убеждает Ханов принять Веру Христианскую, без коей нет спасения. Мо-

голы удовольствовались некоторыми подарками и дали нам вожатым до Орды главного их начальника. Он называется Куремсою, предводительствует шестидесятью тысячами воинов и хранит западные пределы Могольских владений. — Куремса отправил нас к Батю, первейшему из Ханов после Великого.

Мы проехали всю землю Половецкую, обширную равнину, где текут реки Днепр, Дон, Волга, Яик и где летом кочуют Татары, повинаясь разным Воеводам, а зимою приближаются к морю *Греческому* (или Черному). Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор и 600000 воинов, 160000 Татар и 450000 иноплеменников, Христиан и других подданных. В пятницу Страстной недели провели нас в ставку его между двумя огнями, для того, как говорили Татары, что огонь есть чистилище для всяких злых умыслов, отнимая даже силу у скрываемого яда. Мы должны были несколько раз кланяться и вступить в шатер, не касаясь порога. Батый сидел на троне с одною из жен своих; его братья, дети и Вельможи на скамьях; другие на земле, мужчины на правой, а женщины на

левой стороне. Сей шатер, сделанный из тонкого полотна, принадлежал Королю Венгерскому: никто не смеет входить туда без особенного дозволения, кроме семейства Ханского. Нам указали место на левой стороне, и Батый с великим вниманием читал письма Иннокентиевы, переведенные на языки Славянский, Арабский и Татарский. Между тем он и Вельможи его пили из золотых или серебряных сосудов: причем всегда гремела музыка с песнями. Батый имеет лицо красноватое; ласков в обхождении с своими, но грозен для всех; на войне жесток, хитр и славится опытностью. — Он велел нам ехать к Великому Хану.

Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь пост одним просом и пили только снежную воду, однако ж ехали скоро, пять или шесть раз в день меняя лошадей, где находили их. Земля Половецкая во многих местах есть дикая степь: жители истреблены Татарами или бежали; другие признали себя их подданными. Она граничит к северу с Россиею, Мордвою, Болгариею, Башкириею (pays des Bastarques), отечеством Венгров, и с Само-

едами (Samogedes), обитающими на пустынных берега Океана; к югу с Аланами (Осетинцами), Черкесами, Козарами и Грециею. За Половцами начинается страна Кангитов (Канглей или Хвалисов), совершенно безводная и малонаселенная. В сей печальной степи (ныне Киргизской) умерли от жажды Бояре Ярослава, Князя Российского, посланные им в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена Моголами; жители, не имея домов, обитают в шатрах и так же, как Половцы, не знают хлебопашества, а кормятся одним скотоводством.

Около Вознесения Христова въехали мы в страну Бесерменов (Харазов или Хивинцев), говорящих языком Половцев, не исповедующих веру Сарацинскую. Там представилось нам множество сел и городов опустошенных. Владетель их, называемый Великим Султаном, погиб со всем родом от меча Татарского. Сия земля имеет большие горы и сопредельна к Северу (Востоку) с Черными Китанами (в Малой Бухарии), где живет Сибан, брат Батыев и где находится дворец Ханский. Далее мы увидели обширное озеро (Байкал), оставили

его на левой стороне и чрез землю кочующих Найманов в исходе Июня прибыли в отечество Моголов, которые суть истинные Татары.

Уже несколько лет они готовились к избранию Великого Хана; но Гаюк еще не был торжественно возглашен Октаевым преемником: он велел нам ждать сего времени и послал к матери, вдовствующей супруге Октаевой, именем Туракане, у коей собирались все чиновники и старейшины: ибо она была тогда правительницею. Ее ставка, обнесенная тыном, могла вместить более 2000 человек. Воеводы сидели на конях, богато украшенных серебром, и советовались между собою. Одежда их в первый день была *пурпуровая белая*, на другой день красная, на третий синеватая, а на четвертый алая. Народ толпился вне ограды. У ворот стояли воины с обнаженными мечами; в другие ворота, хотя оставленные без стражи, никто не смел входить, кроме Гаюка. Вельможи беспрестанно пили кумыс и хотели нас также поить; но мы отказались. Они везде давали первое место нам и Российскому Князю Ярославу; тут же находились два сына Грузинского Царя, Посол Кали-

фа Багдадского и многие другие Послы Сарацинские, числом до четырех тысяч: одни с дарами, иные с данию.

Таким образом мы жили целый месяц в сем шумном стане, называемом Сыра Орда, и часто видели Гаюка. Когда он выходил из шатра своего, певцы обыкновенно шли впереди и громко пели его славу. Наконец Двор переехал в другое место и расположился на берегу ручья, орошающего прекрасную долину, где стоял великолепный шатер, называемый *Златая Орда*. Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшенного богатыми тканями, были окованы золотом. Там надлежало Гаюку торжественно воссесть на престол в день Успения Богоматери. Но ужасная непогода, град и снег препятствовали совершению обряда до 24 Августа. В сей день собрались Вельможи и, смотря на Юг, долго молились Всевышнему: после чего возвели Гаюка на золотой трон и преклонили колена; народ также. Князья и Вельможи говорили Императору: *мы хотим и требуем, чтобы ты повелевал нами*. Гаюк спросил: *желая иметь меня Государем, готовы ли вы исполнять мою во-*

лю; являться, когда позову вас; идти, куда велю, и предать смерти всякого, кого наименую? Все ответствовали: готовы!.. Итак (сказал Гаюк), слово мое да будет отныне мечем! Вельможи взяли его за руку, свели с трона и посадили на войлок, говоря Императору: Над тобою Небо и Всевышний; под тобою земля и войлок. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая Князей и Вельмож по их достоинству, то Царство Гаюково прославится в мире, земля тебе покорится и Бог исполнит все желания твоего сердца. Но если обманешь надежду подданных, то будешь презрителен и столь беден, что самый войлок, на котором сидишь, у тебя отнимется. Тогда Вельможи, подняв Гаюка на руках, возгласили его Императором и принесли к нему множество серебра, золота, камней драгоценных и всю казну умершего Хана; а Гаюк часть сего богатства роздал чиновникам в знак ласки и щедрости. Между тем готовился пир для Князей и народа; пили до самой ночи и развозили в телегах мясо, варенное без соли.

Гаюк имеет от роду 40 или 45 лет, росту среднего, отменно умен, догадлив и столь ва-

жен, что никогда не смеется. Христиане, служащие ему, уверяли нас, что он думает принять Веру Спасителю, ибо держит у себя Христианских Священников и дозволяет им всенародно перед своим шатром отправлять Божественную службу по обрядам Греческой Церкви. Сей Император говорит с иностранцами только через переводчиков, и всякий, кто подходит к нему, должен стать на колена. У него есть гражданские чиновники и Секретари, но нет стряпчих: ибо Моголы не терпят ябеды, и слово Ханское решит тяжбу. Что скажет Государь, то и сделано; никто не смеет возражать или просить его дважды об одном деле. Гаюк, пылая славолубием, готов целый мир обратить в пепел. Смерть Октаева удержала Моголов в их стремлении сокрушить Европу: ныне, имея нового Хана, они ревностно желают кровопролития, и Гаюк, едва избранный, в первом совете с Князьями своими положил объявить войну Церкви нашей, Империи Римской, всем Государям Христианским и народам Западным, если Св. Отец — чего Боже избави — не исполнит его требования, то есть не покорится ему со всеми Госу-

дарями Европейскими: ибо Моголы, следуя завещанию Чингисханову, непременно хотят овладеть вселенною.

Гаюк чрез несколько дней принял нас, равно как и других Послов. Секретарь его сказывал ему имя каждого; однако ж не многие из них были впущены в ставку Императорскую. Дары, поднесенные ими Хану, состояли в шелковых тканях, поясах, мехах, седлах, также вельблюдах и лошаках, богато украшенных. Между сими бесчисленными дарами мы заметили один зонтик, весь осыпанный драгоценными камнями. В некотором расстоянии от шатров стояло более пяти сот телег, наполненных золотом, серебром, шелковыми одеждами: что все было отдано хану, Князьям и Вельможам, которые после дарили тем своих чиновников. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имели.

В намерении завоевать Запад Гаюк не хотел вступить с нами в переговоры, и мы около месяца жили праздну, в скуке, в недостатке, получая от Моголов на пять дней не более того, что надлежало издержать в один день; а купить было нечего. К счастью, добрый Рос-

сиянин, золотарь, именем Ком, любимец Гаюков, наделял нас всем нужным. Он сделал печать для Хана и трон из слоновой кости, украшенный золотом и камнями драгоценными с разными изображениями, и с удовольствием показывал нам свою работу. — Наконец Гаюк, призвав нас, спросил, есть ли у Папы люди, знающие язык Татарский, Русский или Арабский? Нет, отвечали мы: хотя в Европе и находятся некоторые Арабы, но далеко от того места, где живет Папа. Впрочем, мы брались сами перевести на Латинский язык, что будет угодно Хану написать к Св. Отцу. Вследствие того пришел к нам Кадак, государственный Министр, с тремя Ханскими Секретарями для сочинения грамоты, которую мы, слушая их, писали на Латинском языке и толковали им каждое слово: ибо они боялись ошибки в переводе и спрашивали, ясно ли разумеем, что пишем? Приставы наши говорили, что Хан отправит с нами собственных послов в Европу, если будем о том просить его; но сего мы не хотели: во-первых, для того, что они увидели бы несогласие и междоусобие Государей Христианских, столь благоприятное для

неверных; во-вторых, ежели бы с послами Гаюка сделалось какое несчастье в Европе, то он еще более остервенился бы против Христиан. К тому же Хан не уполномочил бы сих Послов для заключения надежного мира, а велел бы им единственно вручить письма Св. Отцу такого же содержания, как и данные нам за его печатью.

Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала нам по шубе лисей и по красному кафтану, мы отправились в обратный путь, 14 ноября, чрез необозримые пустыни; не видали ни селений, ни лесов; ночевали в степях, на снегу, и приехали к Вознесению в стан Батыев, чтобы взять у него письма к Папе. Но Батый сказал, что он не может ничего прибавить к ответу Хана, и дал нам пропуск, с коим мы благополучно доехали до Киева, где считали нас уже мертвыми, равно как и в Польше. Князь Российский Даниил и брат его, Василько, оказали нам много ласки в своем владении и, собрав Епископов, Игуменов, знатных людей, с общего согласия объявили, что они намерены признать Св. Отца Главою их Церкви, подтверждая все сказанное ими о

том прежде чрез особенного Посла, бывшего у Папы ».

Сие важное известие согласно с грамотами Иннокентия IV, с летописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великим намерением свергнуть иго Батыево, Даниил с горестию видел слабость России, уныние Князей и народа; не мог надеяться на их содействие и долженствовал искать способов вне отечества. Единоверная Греция, стесненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даниил обратил глаза на Запад, где Рим был душою и средоточием всех государственных движений. Сей Князь (в 1245 или 1246 году) дал знать Иннокентию, что желает соединить Церковь нашу с Латинскою, готовый под ее знаменами идти против Моголов. Началось дружелюбное сношение с Римом. Папа, называя Даниила Королем и любезнейшим сыном, велел Архиепископу Прусскому ехать в Галицию и выбрать там Святителей из ученых Монахов Католических; объявил снисходительно, что все обряды Греческой Веры, не противные Латинской, могут и впредь быть у нас соблюдаемы невозбранно

(как то служение на квасных просфорах), и в знак особенной благосклонности утвердил супружество Князя Василька, женатого на родственнице *в третьем и четвертом колене* (так сказано в письме Иннокентиевом, где сия дочь Георгия Суздальского именована Добравою), наконец, чтобы обольстить Даниилово честолюбие, предложил ему венец Королевский. Разумный Князь ответствовал: «Требую войска, а не венца, украшения суетного, пока варвары господствуют над нами». Иннокентий обещал и войско: но Даниил в ожидании того медлил объявить себя Католиком; оба хитрили, досадовали, и в 1249 году Легат Папский с неудовольствием выехал из Галиции. Посредничество Короля Венгерского утетило сию явную ссору: в залог милости Иннокентий (в 1253 или 1254 году) прислал к Даниилу венец с другими Царскими украшениями. Достоинно замечания, что Князь Галицкий, нечаянно встретив послов Римских в Кракове, не хотел видеть их, сказав: «Мне, как Государю, непристойно беседовать с вами в земле чуждой». Он вторично не хотел принять и короны; но, убежденный матерью,

вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентий взял действительные меры для обороны Христиан от Батыя и до всеобщего Собора не осуждал догматов Греческой Церкви: вследствие чего Даниил признал Папу своим отцом и Наместником Св. Петра, коего властью Посол Иннокентиев, Аббат Мессинский, в присутствии народа и Бояр возложил венец на главу его. Сей достопамятный обряд совершился в Дрогичине, и Князь Галицкий с того времени именовался *Королем*, а папа написал грамоту к Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другим народам, чтобы они вместе с Галичанами *под знаменем креста* ударили на Моголов; но как от безрассудного междоусобия Христианских Государей сие ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и презрел гнев папы, Александра IV, который (в 1257 году) писал к нему, что «он забыл духовные и временные благодеяния Церкви, венчавшей и помазавшей его на царство; не исполнил своих обетов и погибнет, если с новым раскаянием не обратится на путь исти-

ны; что клятва церковная и булат мирской готовы наказать неблагодарного». В надежде смирять Моголов Посольствами и дарами новый Король Галицкий, богатый казною, сильный войском, окруженный соседями или несогласными или слабыми, уже смеялся над злобою Папы и, строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказал, что мнимое присоединение его к Латинской было одною государственною хитростию.

Обращаясь к путешествию Карпина, предложим сказанное им о свойстве, нравах и вере Моголов: сии известия также достойны замечания, сообщая нам ясное понятие о народе, который столь долгое время угнетал Россию.

«Татары (повествует Карпин) отличны видом от всех иных людей, имея щеки выпуклые и надутые, глаза едва приметные, ноги маленькие; большею частию ростом не высоки и худы; лицом смуглы и рябы. Они бреют волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинные косы назад; выстригают себе также гуменцо, подобно нашим Священникам. Мужчины и женщины носят

кафтаны парчовые, шелковые и клееношные или шубы навыворот (получая ткани из Персии, а меха из России, Болгарии, земли Мордовской, Башкирии) и какие-то странные высокие шапки. Живут в шатрах, сплетенных из прутьев и покрытых войлоками; вверху делается отверстие, чрез которое входит свет и выходит дым: ибо у них всегда пылает огонь в ставке. Стада и табуны Могольские бесчисленны: в целой Европе нет такого множества лошадей, вельблюдов, овец, коз и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сих дикарей, довольных малым ее количеством. Они не знают хлеба; едят все нечистыми руками, обтирая их об сапоги или траву; не моют ни котлов, ни самой одежды своей; любят кумыс и пьянство до крайности, а мед, пиво и вино получают иногда из других земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматривают только за стадами или делают стрелы. Младенцы трех или двух лет уже садятся на лошадь; женщины также ездят верхом и многие стреляют из лука не хуже воинов; в хозяйстве же удивительно трудолюбивы; стряпают, шьют

платье, сапоги; чинят телеги, навьючивают вельблюдов. Вельможи и богатые люди имеют до ста жен; двоюродные совокупляются браком, пасынок с мачехою, невестки с деверем. Жених обыкновенно покупает невесту у родителей, и весьма дорогою ценою. Не только прелюбодеяние, но и блуд наказывается смертию, равно как и воровство, столь необыкновенное, что Татары не употребляют замков; боятся, уважают чиновников и в самом пьянстве не ссорятся или по крайней мере не дерутся между собою; скромны в обхождении с женщинами и ненавидят срамословие; терпеливо сносят зной, мороз, голод и с пустым желудком поют веселые песни; редко имеют тяжбы и любят помогать друг другу; но зато всех иноплеменных презирают, как мы видели собственными глазами: например, Ярослав, Великий Князь Российский, и сын Царя Грузинского, будучи в Орде, не смели иногда сесть выше своих приставов. Татарин не обманывает Татарина; но обмануть иностранца считается похвальною хитростию.

Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего лю-

дей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к Югу; славятся терпимостию и не проповедуют Веры своей; однако ж принуждают иногда Христиан следовать обычаям Могольским: в доказательство чего расскажем случай, которому мы были свидетелями. Батый велел умертвить одного Князя Российского, именем Андрея, будто бы за то, что он, вопреки Ханскому запрещению, выписывал для себя лошадей из Татарии и продавал чужеземцам. Брат и жена убитого Князя, приехав к Батюю, молили его не отнимать у них княжения: он согласился, но принудил деверя к брачному совокуплению с невесткою, по обычаю Моголов.

Не ведая правил истинной добродетели, они вместо законов имеют какие-то предания и считают за грех бросить в огонь ножик, опереться на хлыст, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть из рта пищу; но убивать людей и разорять государства кажет-

ся им дозволенною забавою. О жизни вечной не умеют сказать ничего ясного, а думают, что они и там будут есть, пить, заниматься скотоводством и проч. Жрецы их суть так называемые волхвы, гадатели будущего, коих совет уважается ими во всяком деле. (Глава их, или Патриарх, живет обыкновенно близ шатра Ханского. Имея астрономические сведения, они предсказывают народу солнечные и лунные затмения).

Когда занеможет Татарин, родные ставят перед шатром копьё, обвитое черным войлоком: сей знак удаляет от больного всех посторонних. Умиравшего оставляют и родные. Кто был при смерти человека, тот не может видеть ни Хана, ни Князей до новой луны. Знатных людей погребают тайно, с пищею, с оседланным конем, серебром и золотом; телега и ставка умершего должны быть сожжены, и никто не смеет произнести его имени до третьего поколения. — Кладбище Ханов, Князей, Вельмож неприступно: где бы они ни скончали жизнь свою, Моголы отвозят их тела в сие место; там погребены многие, убитые в Венгрии. Стражи едва было не застрелили

нас, когда мы нечаянно приблизились к гробам.

Таков сей народ, ненасытимый в кровопролитии. Побежденные обязаны давать Моголам десятую часть всего имения, рабов, войско и служат орудием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали в Россию Вельможу своего, с тем, чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а не платящие должны быть рабами Моголов. Сии жестокие завоеватели особенно стараются искоренять Князей и Вельмож; требуют от них детей в аманаты и никогда уже не позволяют им выехать из Орды. Так сын Ярославов и Князь Ясский живут в неволе у Хана. Начальники Могольские в землях завоеванных именуются баскаками и при малейшем неудовольствии льют кровь людей безоружных: так истребили они великое число Россиян, обитавших в земле Половецкой

Одним словом, Татары хотят исполнить завещание Чингисханово и покорить всю землю: для того Гаюк именуется себя в письмах *Государем мира*, прибавляя: *Бог на небесах, я на земле*. Он готовится послать в марте 1247 года одну рать в Венгрию, а другую в Польшу; через три года перейти за Дон и 18 лет воевать Европу. Моголы и прежде, победив Короля Венгерского, думали идти беспрестанно далее и далее; но внезапная смерть Хана, *отравленного ядом*, остановила тогда их стремление. Гаюк намерен еще завоевать Ливонию и Пруссию. Государи Европейские должны соединенными силами предупредить замыслы Хана, или будут его рабами».

Провидение спасло Европу: ибо Гаюк жил недолго, и преемник его, Мангу, озабоченный внутренними беспорядками в своих Азиатских владениях, не мог исполнить Гаюкова намерения. Но Запад еще долгое время страшился Востока, и Святой Людовик, находясь в Кипре, в 1253 году вторично отправил Монахов в Татарию с дружелюбными письмами, услышав, что великий хан принял веру Спасителю. Сей слух оказался ложным: Гаюк и

Мангу терпели при себе Христианских Священников, позволяли им спорить с идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать жен Ханских; но сами держались Веры отцев своих. Рубруквис, посол Людовиков, ехал из Тавриды или *Казарии* (где жили многие Греки с Готфами под властью Моголов), чрез нынешнюю землю Донских Козаков, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую Губернию, где в густых лесах и в бедных, рассеянных хижинах обитали Мокшане и Мордовские их единоплеменники, богатые только звериными кожами, медом и соколами. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положил свою голову в Венгрии, и Мокшане, узнав там Немцев, говорили об них с великою похвалою, желая, чтобы они избавили мир от ненавистного ига Татарского. Батый кочевал в Казанской Губернии, на Волге, обыкновенно проводя там лето, а в Августе месяце начиная спускаться вниз по ее течению, к странам южным. В стане Могольском и в окрестностях находилось множество Россиян, Венгров, Ясов, которые, заимствуя нравы своих победителей, скитались в степях и грабили путе-

шественников. При дворе сына Батыева, Сартака, жил один из славных Рыцарей Храма и пользовался доверенностью Моголов, часто рассказывая им о Европейских обычаях и силе тамошних Государей. — Рубруквис от берегов Волги отправился в южную Сибирь и, приехав к Великому Хану, старался доказать ему превосходство Веры Христианской; но Мангу равнодушно отвечивал: «Моголы знают, что есть Бог, и любят всею душою. Сколько у тебя на руке пальцев, столько или более можно найти путей к спасению. Бог дал вам Библию, а нам волхвов: вы не исполняете ее предписаний, а мы слушаемся своих наставников и ни с кем не спорим... Хочешь ли золота? Взяв его из казны моей, иди, куда тебе угодно». Посол Людовиков нашел при дворе Ханском Российского Архитектора и Дякона, Венгров, Англичан и весьма искусного золотаря Парижского, именем Гильйома, жившего у Мангу в чести и в великом изобилии. Сей Гильйом сделал для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырех серебряных львах, которые служили чанами в пиршествах: кумыс, мед, пиво и вино поды-

мались из них до вершины дерева и лились сквозь отверстый зев двух вызолоченных драконов на землю в большие сосуды; на дереве стоял крылатый Ангел и трубил в трубу, когда надлежало гостям пить. Моголы вообще любили художников, обязанные сим новым для них вкусом мудрому правлению бессмертного Иличутся, о коем мы выше упоминали и который, быв долгое время Министром Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать их подданных: спас жизнь многих ученых Китайцев, основал училища, вместе с Математиками Арабскими и Аерсидскими сочинил Календарь для Моголов, сам переводил книги, чертил географические карты, покровительствовал художников; и когда умер, то завистники сего великого мужа, к стыду своему, нашли у него, вместо предполагаемых сокровищ, множество рукописных творений о науке править Государством, об Астрономии, Истории, Медицине и земледелии.

Великий Хан, отпуская Людовикова Посла, дал ему гордое письмо к Королю Французскому, заключив оное сими словами: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, Королю

Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим Властителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделаем! Но если дерзнешь отвергнуть повеление Божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки и что нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!» Такова была надменность Моголов!

Рубруквис возвратился к берегам Волги и приехал в Сарай, новый город, построенный Батыем в 60 верстах от Астрахани, на берегу Ахтубы. Недалеко оттуда, на среднем протоке Волги, находился и древнейший город Сумеркент, в коем обитали Ясы и *Сарацины*. Татары осаждали его восемь лет и едва могли взять, по словам нашего путешественника. — Имев случай видеть Россиян, сей Посол Людовику рассказывает, что жены их, украшая голову подобно Француженкам, опушивают низ своего платья белками и горностаями, а мужчины

носят *епанчи Немецкие* и поярковые шапки, остроконечные и высокие. Он прибавляет еще, что обыкновенная монета Российская состоит из кожаных, пестрых лоскутков. Через Дербент, Ширван (где находилось великое число Жидов), Шамаху, Тифлис (где начальствовал Могольский Воевода Баку) Рубруквис прибыл в Армению и благополучно достиг Кипра.

Глава II

Великие князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский (один после другого). 1247—1263 г.

Александр в Орде. Князь Московский убит Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство из Рима. Болезнь Александра. Посольство в Норвегию. Бегство Андреево. Благоразумие Александра. Ветреность Новгородцев. Смерть Батыева. Исчисление жителей в России. Казнь Бояр. Покушение Даниилом свергнуть иго. Откупщики Бесерменские. Кончина и добродетели Александровы. Выходцы из чужих земель. Мятежи в Орде.

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы оплакать оную вместе с родными и взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновению, дядя Нев-

ского, Святослав, наследовал престол Великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных Княжениях.

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и Россияне еще с гордостью именовали его своим независимым Князем: даже стращали им Моголов. Батый слышал о знаменитых его достоинствах и велел сказать ему: «Князь Новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и величие Моголов». Александр любил отечество более своей Княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан Могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил Вельможам, что слава не увеличила достоинств Александровых и что сей Князь действительно есть человек необыкновенный: такое сильное впечатление сделали в нем мужественный вид Невского и разумные слова его, одушевленные любовью к народу Российско-

му и благородством сердца! — Но Александр и брат его должныствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к Великому Хану. Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих. Может быть, в самой глубокой древности ходили там караваны купеческие: Скифы и Греки сражались с опасностью, нуждою и скукою, по крайней мере в надежде обогатиться золотом; но что ожидало Князей Российских в Татарии? Уничужение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для Государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, воспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством.

[1248 г.] В отсутствие Александра меньший

брат его, Михаил Московский, прозванием *Храбрый*, изгнал — как сказано в некоторых летописях — дядю их, Святослава, из Владимира, но в ту же зиму, воюя с Литвою, положил свою голову в битве. Тело его осталось на берегу Протвы: Епископ Суздальский, Кирилл, ревностный блюститель Княжеской чести, велел привезти оное в Владимир и положил в стене храма Соборного; а братья Михайловы отметили Литовцам, разбив их близ Зубцова.

[1249—1250 гг.] Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от Великого Хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском; а дядя их, Святослав, без успеха ездив жаловаться на то в Орду, чрез два года скончался в Юрьеве Польском. Удельные Князья Владимирские зависели тогда в особенности от Сартака и часто бывали в его стане — как то Борис Ростовский и Глеб Василькович Белозерский, — ибо дряхлый Батый, отец Сартаков, хотя жил еще несколько лет, но уже мало за-

нимался делами покоренной России.

В сие время Герой Невский, коего имя сделалось известно в Европе, обратил на себя внимание Рима и получил от Папы, Иннокентия IV, письмо, врученное ему, как сказано в наших летописях, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдом и Гемонтом. Иннокентий уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарии у Великого Хана, с ведома или по совету какого-то Боярина дал слово Монаху Карпину принять Веру Латинскую и без сомнения исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья; что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не слушаясь Бога и Римского Его Наместника; что Князь и народ Российский найдут тишину и славу под сению Западных Церквей; что Александр должен, как верный страж Христиан, немедленно уведомить Рыцарей Ливонского Ордена, если Моголы снова пойдут на Европу. Папа в заключение хвалит Невского за то, что он не признал над собою

власти Хана: ибо Иннокентий еще не слышал тогда о путешествии сего Князя в Орду. Александр, призвав мудрых людей, советовался с ними и написал к Папе: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». Он без сомнения не поверил клевете на память отца его: сам Карпин в описании своего путешествия не говорит ни слова о мнимом обращении Ярослава.

[1251—1252 гг.] Новгородцы встретили Невского с живейшею радостью: также и Митрополита Кирилла, который прибыл из Владимира и к общему удовольствию посвятил их Архиепископа, Далмата. Внутреннее спокойствие Новгорода было нарушено только случайным недостатком в хлебе, пожарами и весьма опасною болезнью Князя Александра, в коей все Государство принимало участие, возлагая на него единственную свою надежду: ибо он, умев заслужить почтение Моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления Россиян, бывших там в неволе. Бог услышал искреннюю молитву народа, Бояр и Духовен-

ства: Александр выздоровел и, желая огра-
дить безопасностью северную область Ново-
городскую, отправил Посольство к Норвеж-
скому Королю Гакону в Дроцгейм, предлагая
ему, чтобы он запретил Финмаркским своим
подданным грабить нашу Лошь и Корелию. По-
слам Российским велено было также узнать
лично Гаконову дочь, именем Христину, на
коей Александр думал женить сына своего,
Василия. Король Норвежский, согласный на
то и другое, послал в Новгород собственных
Вельмож, которые заключили мир и возвра-
тились к Гакону с богатыми дарами; но с обе-
их сторон желаемый брак не мог тогда совер-
шиться, ибо Александр, сведав о новых несча-
стиях Владимирского княжения, отложил се-
мейственное дело до иного, благоприятней-
шего времени и спешил в Орду, чтобы пре-
кратить сии бедствия.

Брат его, Андрей, зять Даниила Галицкого,
хотя имел душу благородную, но ум ветреный
и неспособный отличать истинное величие
от ложного: княжа в Владимире, занимался
более звериною ловлею, нежели правлением;
слушался юных советников и, видя беспоря-

док, обыкновенно происходящий в Государстве от слабости Государей, винил в том не самого себя, не любимцев своих, а единственно несчастные обстоятельства времени. Он не мог избавить Россию от ига: по крайней мере, следуя примеру отца и брата, мог бы деятельным, мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении Моголов облегчить судьбу подданных: в сем состояло тогда истинное великодушие. Но Андрей пылкий, гордый, положил, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на нем данником Батыевым, и тайно бежал из Владимира с женою своею и с Боярами. Неврюй, Олабуга, прозванием *Храбрый*, и Котья, Воеводы Татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание: настигнув [24 июля 1252 г.] Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину и едва не схватили самого Князя. Обрадованные случаем мстить Россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским; брали скот, людей; убили в Переславле Воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича, пленили его детей и с добычею удалились. — Несчастный

Андрей искал убежища в Новгороде; но жители не хотели принять его. Он дождался своей Княгини во Пскове; оставил ее в Колыване, или Ревеле, у Датчан, и морем отправился в Швецию, куда чрез некоторое время приехала к нему и супруга. Но добродушная ласка Шведов не могла утешить его в сем произвольном изгнании: отечество и престол не заменяются дружелюбием иноземцев.

Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на Россиян и, признанный в Орде *Великим Князем*, с торжеством въехал в Владимир, Митрополит Кирилл, Игумены, Священники встретили его у Золотых ворот, также все граждане и Бояре под начальством Тысячского столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александр спешил оправдать ее неусыпным попечением о народном благе, и скоро воцарилось спокойствие в Великом Княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в дома, земледельцы к плугу и Священники к олтарям. — В сие время Татары отпустили от себя Рязанского Князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдав в неволе, чрез 6

лет умер в отчизне Монахом и Схимником. Сын его, Роман, наследовал престол Рязанский.

[1253 г.] Выехав из Новагорода, Александр оставил там сына своего, Василия, который счастливо отразил Литовцев. Псков, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, защищался мужественно. Неприятель отступил, сведав, что идут Новгородцы; а Россияне и Корела, опустошив часть Ливонии, в окрестностях Наровы разбили Немцев, таким образом наказанных за нарушение мира и принужденных согласиться на все требования победителей.

[1255 г.] Между тем как Великий Князь радовался успехам оружия Новгородского, он был изумлен нечаянным известием, что сын его, Василий, с бесчестием изгнан оттуда и приехал в Торжок. За год до сего времени брат Невского, Ярослав, княжив в Твери, по каким-то неудовольствиям выехал оттуда с Боярами, сделался Князем Псковским и разными хитростями преклонил к себе Новгородцев. Они стали жаловаться на Василия, хотели послать Архиепископа с челобитьем к

Александр и вдруг, забыв благодеяние Невского Героя, объявили Ярослава своим правителем. Великий Князь, огорченный поступком брата и народа, ему любезного, вооружился, в надежде смирить их без кровопролития. Ярослав, не посмеяв обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вече умереть друг за друга и стали полками на улицах. Впрочем, не все действовали единодушно: многие Бояре думали единственно о личных выгодах: они желали торговаться с великим Князем, чтобы предать ему народ. В числе их был некто Михалко, гражданин властолюбивый, который, лаская Посадника Ананию, тайно намеревался заступить его место и бежал в Георгиевский монастырь, велел собраться там своим многочисленным единомышленникам. Граждане устремились за ним в погоню; кричали: «Он изменник! Убьем злодея!» Но Посадник, не зная Михалкова умыслу, спас сего мнимого друга и говорил им с твердостью: *убейте прежде меня самого!* В благодарность за такую услугу Михалко, встретив Александра, описал ему Ананию как первого мятежника,

и Посол великого Князя, приехав в Новгород, объявил жителям на Вече, чтобы они выдали ему Посадника, или разгневанный Государь будет их неприятелем. Народ отправил к Александру Далмата Архиепископа и Клима Тысячского. «Новгород любит тебя и не хочет противиться своему законному Князю, — говорили ему сии Послы: — иди к нам с Богом, но без гнева, и не слушайся наших изменников. Анания есть добрый гражданин». Александр, отвергнув все их убеждения, требовал головы Посадника. В подобных случаях Новгородцы стыдились казаться малодушными. «Нет, — говорил народ: — если Князь верит Новгородским клятвопреступникам более, нежели Новгороду, то Бог и Святая София не оставят нас. Не виним Александра, но будем тверды». Они три дня стояли вооруженные. Наконец Князь велел объявить им, что он удовольствуется сменою Посадника. Тогда Анания с радостию отказался от своего верховного сана, а коварный Михалко принял начальство. Александр вступил в Новгород, дав слово не стеснять прав народных, и с честью возвратился в столицу Владимирскую.

[1256 г.] Скоро Шведы, Финны и Немцы явились на берегах Наровы и заложили там город. Встревоженные Новгородцы послали гонцов к Александру и в свои области для собирания людей ратных. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроив крепости, — но великий Князь, немедленно прибыв в Новгород с Митрополитом Кириллом, велел полкам изготовиться к важному предприятию, не сказывая ничего более. Только у Копорья, где Митрополит дал Невскому благословение на путь, сведали воины, что они идут в Финляндию: уstraшенные дальним зимним походом, многие Новгородцы возвратились домой; прочие сносили терпеливо ужасные вьюги и метели. Погибло множество людей; однако ж Россияне достигли своей цели, то есть опустошили знатную часть Финляндии, где, по сказанию Шведских Историков, некоторые жители держали нашу сторону, недовольные правлением Шведов и насильственными их поступками.

Поручив Новгород сыну своему, Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Ба-

тый умер: сын его — вероятно, Сартак — хотел господствовать над Татарами, но был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки, который, умертвив племянника, согласно с волею Великого Хана объявил себя преемником Батыевым и вверил дела Российские своему Наместнику Улавчию. [1257 г.] Сей Вельможа принимал наших Князей и дары их: к нему явился Александр с Борисом Васильковичем и братом Андреем (ибо сей последний уже возвратился тогда в отечество и жил в Суздале). Вероятно, что они, сведав намерение Татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому Княжению, определенной данию по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники Татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей и поставили над ними Десятников, Сотников, Темников для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и Монахов. Хитрость, достойная замечания. Моголы, вступив в наше отечество, с равною свирепостию лили кровь и мирян и Духовных, ибо не думали

жить близ его пределов и, страшась оставить за собою многочисленных врагов, хотели мимоходом истребить всех людей; но обстоятельства переменились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать в привольных окрестностях Волги и Дона: Хан ее для своих выгод должен был в некотором смысле щадить подданную ему Россию, богатую естественными и для самых варваров нужными произведениями; узнав же власть Духовенства над совестью людей, вообще усердных к Вере, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россиян противоборствовать игу Татарскому и чтобы Хан тем спокойнее мог повелевать нами. Изъявляя уважение к Духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги Бога Русского, как думал народ. — В одно время с Александром возвратился из Орды Глеб Василькович: сей Князь Белозерский ездил к великому Хану и там женился, без сомнения, на какой-нибудь Могольской Христианке, ибо самые жены Ханов явно исповедывали Веру Спасителю. Он надеялся сим брачным союзом доставить некоторые выгоды своему утесненному оте-

честву.

[1257—1258 гг.] Через несколько месяцев Великий Князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским (который, признав вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Наместник Ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную: Герой Невский, некогда ревностный поборник Новгородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною независимостию. Вместе с Татарскими чиновниками и с Князьями, Андреем и Борисом, Александр поехал в Новгород, где жители, сведав о его намерении, пришли в ужас. Напрасно говорили некоторые и Посадник Михалко, что воля сильных есть закон для благоразумия слабых и что сопротивление бесполезно: народ ответствовал грозным воплем, умертвил Посадника и выбрал другого. Сам юный Князь Василий, по внушению своих Бояр, уехал из Новгорода в Псков, объявив, что не хочет повинно-

ваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. В сем расположении Александр нашел большую часть граждан и не мог ничем переменить его: они решительно отказались от дани, но отпустили Могольских чиновников с дарами, говоря, что желают быть в мире с Ханом, однако ж свободными от ига рабского.

Великий Князь, негодуя на ослушного сына, велел схватить его во Пскове и под стражею отвезти в Суздальскую землю; а Бояр, наставников Василиевых, казнил без милосердия. Некоторые были ослеплены, другим обрезали нос: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народ считал их виновными, ибо они возмутили сына против отца: столь власть родительская казалась священною!

[1259 г.] Александр остался в Новгороде и, предвидя, что Хан не удовольствуется дарами, ждал следствий неприятных. В самом деле пришло известие из Владимира, что войско Ханово уже готово идти к Новгороду. Сия весть, впрочем, ложная, имела такое действие в народе, что он на все согласился, и ве-

ликий Князь уведомил Моголов о его покорности. Чиновники их, Беркай и Касачик, с женами и со многими товарищами явились на берегах Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглым и для бедных утешительным образом, что граждане, сведав о том, вдруг переменили мысли. Сделалось волнение: чиновники Могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр приставил к ним Посадникова сына и Боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их дома. Мятеж не утихал. Бояре советовали народу исполнить волю Княжескую, а народ не хотел слышать о дани и собирался вокруг Софийской церкви, желая умереть за честь и свободу, ибо разнесся слух, что Татары и союзники их намерены с двух сторон ударить на город. Наконец Александр прибегнул к последнему средству: выехал из дворца с Могольскими чиновниками, объявив, что он предаст мятежных граждан гневу Хана и несчастной судьбе их, навсегда расстанется с ними и едет в Владимир. Народ поколебался: Бояре воспользовались сим расположением,

чтобы склонить его упорную выю под ненавистное ему иго, действуя, как говорит летописец, согласно с своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, будучи для всех равная; бедствие же войны отчаянной страшило последних гораздо более, нежели первых. И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с Баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или чрез Великих Князей. — Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая дома; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностию и роскошным избытком: добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния. — Вельможи Татарские, распорядив налоги, удалились. Александр поручил Новгород сыну Димитрию и возвратился в Великое Княжение через Ростов, где вдовствующая супруга Василькова, Мария, Князь Борис и Глеб угостили его с любовью; но сей Государь великодушный мог ли быть счастлив и весел в тогдашних обстоятельствах России?

Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батыя избавиться от власти Моголов. Деятельностию ума необыкновенного восстановив свое Княжение и загладив в нем следы Татарского опустошения, он брал участие в делах Европы и два раза ходил помогать Беле Венгерскому, неприятелю Императора Фридерика и Короля Богемского. (Венгры, по словам Летописца, удивлялись стройности полков Российских, их Татарскому оружию и пышности самого Князя, его богатой одежде Греческой, обшитой золотыми кружевами, — сабле, стрелам, седлу, окованным драгоценными металлами с блестящею резьбою.) Сия вражда была за области умершего Герцога Австрийского, Фридерика: Бела, Император и Король Богемский хотели овладеть ими. Первый объявил себя защитником дочери Фридериковой, именем Гертруды, уступившей ему свои наследственные права; женил на ней Даниилова сына, Романа; отправил их в Юденбург и клялся Гертруде отдать ей Австрию и Стирию, как скоро завоюет оные. Тем усерднее Даниил доброже-

лательствовал Королю Венгерскому; несмотря на глазную болезнь, которая мешала ему видеть, выступил в поле с Краковским Герцогом, разорил Богемскую Силезию, взял Носсельт, выжег окрестности Тропавские и возвратился, довольный мыслию, что никто из древних героев Российских, ни Св. Владимир, ни великий отец его, не воевал столь далеко в земле Немецкой. Хотя Бела не исполнил данного Гертруде слова и даже не защитил ее супруга, осажденного Богемским Принцем в Юденбурге (так что Роман, оставив беременную жену, принужден был уйти к отцу): но Даниил остался другом Венгров. — Счастливые войны с Ятвягами и с Литвою более и более прославляли мужество сего Князя. Первые, не находя безопасности и за своими лесистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебром. В Литве господствовал тогда славный Миндовг, баснословно производимый некоторыми Летописцами от племени древних Римлян, а другими от наших Князей Полоцких. Он жил в Кернове, повелевал всеми иными Князьками Литовскими и, грабя соседственные земли Хри-

стианские, искал приязни одного Даниила, который женился вторым браком на его племяннице. Несколько времени быв друзьями, они сделались неприятелями. Миндовг, опасаясь честолюбивых братьев Данииловой супруги, Товтивила и Эдивида, велел им воевать Смоленскую область, но в то же время замышлял их убить. Племянники сведения и бежали в Владимир Волынский. Обрадованный случаем унижить гордость Миндовга, Даниил представил Ляхам и Рижским Немцам, что междоусобие Князей Литовских есть счастье для Христиан и что надобно оным воспользоваться. Немцы действительно вооружились: Россияне также; самые Ятвяги и Жмудь, в угодность им, восстали на Литву. Даниил завоевал Гродно и другие места Литовские; но скоро Немцы изменили, отчасти подкупленные Миндовгом, отчасти им обманутые: ибо сей хитрый язычник, видя беду, принял Веру Латинскую и заслужил покровительство легкомысленного Папы, Александра IV, давшего ему сан Королевский. Через два года увидели обман: Миндовг, в крайности уступив Даниилову сыну, Роману, Новогро-

док, Слоним, Волковиск и выдав дочь свою за его меньшего брата, именем Шварна, отдохнув и собрав силы, снова обратился к идолослужению и к разбоям, гибельным для Рижского Ордена, Мазовии, Смоленских, Черниговских, даже Новгородских областей.

В сие время Даниил, ободряемый Королем Венгерским, Ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом Моголов. Они вступили в Нонизье и заняли Бакоту: юный Лев Даниилович, выгнав их оттуда, пленил Баскака Ханского. Темник Батыев, Куремса, не мог взять Кременца и, сильно убеждаемый Изяславом Владимировичем (внуком Игоря Северского) идти к Галичу, ответствовал: «Даниил страшен!» Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий; а мужественный Даниил, пленив Изяслава и пользуясь изумлением Татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом, где Баскаки господствовали как в своих Улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслию

о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы Моголов, ведомые свирепым Бурондаем, преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты Хану или враг? — сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: — если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил Татарских, медлил и наконец послал Василька к Бурондаю с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие. Сонмы Моголов устремились на Литву, дотоле им неизвестную; одни дремучие леса и вязкие болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бедствие. Хваля мужество, оказанное братом Данииловым в разных сшибках, Бурондай отпустил его в Владимир. Прошло два года в тишине и спокойствии для юго-западной России. Даниил, именуя себя другом Ханским, строил, укреплял города и не переставал надеяться, что Державы соседственные рано или поздно увидят необходимость действовать общими силами против варваров; но Бурондай открыл глаза и, вступив в об-

ласть Галицкую, дал знать ее Королю, чтобы он явился в его стане как смиренный данник или ждал казни. Даниил послал к нему брата, сына, Холмского Епископа Иоанна и дары. «Хотите ли уверить нас в искренней покорности? — говорил Темник Ханов: — разберите или предайте огню стены крепостей ваших; сравняйте их окопы с землею». Василько и Лев не смели ослушаться: города Данилов, Стожек, Кременец, Луцк, Львов, незадолго до того времени основанный и названный именем старшего сына Даниилова, обратились в села, быв лишены своих укреплений, ненавистных Татарам. Бурондай веселился, смотря на пылающие стены и башни Владимирские; хвалил повиновение Василька и, в знак особенного удовольствия несколько дней пировав в его дворце, пошел к Холму, откуда горестный Даниил уехал в Венгрию. Провидение вторично спасло сей город хитростию Василька, который, будучи послан с двумя Мурзами (знавшими Русский язык), чтобы склонить жителей к сдаче, взял в руку камень и, сказав: «не велю вам обороняться», кинул его на землю. Воевода Холмский угадал мысль

Князя и с притворным гневом ответственвал ему: «Удалися; ты враг Государя нашего». Василько действительно хотел, чтобы жители сопротивлялись, имея лучших ратников, укрепления надежные и много самострелов; а Татары, не любя долговременных, кровопролитных осад, чрез несколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, где Василько и Лев служили им невольным орудием в злодействах. Так, сии Князья уговорили Сендомирского начальника сдаться, обещая ему и гражданам безопасность; но с горестию должны были видеть, что Моголы, в противность условию, резали и топили народ в Висле. Наконец Бурондай возвратился к берегам Днепра, с угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будут пеплом, если их Князья не захотят мирно рабствовать и платить дани Хану.

Следственно, важные усилия и хитрости Данииловы остались бесполезными. Он не нашел помощи ни в Кракове, ни в Венгрии, к единственному утешению своему сведав на пути, что Василько победил Миндовга, слабого против Моголов, но ужасного для сосед-

ственных образованных Государств. Как скоро Бурондай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовию, убили ее Князя Самовита и впали в наше владение близ Камена, предводимые каким-то изменником, Боярином Рязанским Евстафием. Василько, разбив их на берегах озера Невельского, послал к брату множество трофеев, коней оседланных, щитов, шлемов и копий Литовских.

Мы описали здесь случаи нескольких лет относительно к юго-западной России, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему Государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и Немецкого Ордена гораздо более, нежели с Суздальскими или Новгородскими. Последние для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества.

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, которое более и более отягощало народ. Господство Моголов в России открыло туда путь многим купцам Бесерменским, Харазским, или Хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолю-

бия: сии люди откупали у Татар дань наших Княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и [в 1262 г.] единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах северной России. В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего Монаха, который, приняв Веру Магометанскую в Татарии, хвалился милостию нового великого Хана Коблая и ругался над святынею Христианства; тело его бросили псам на снадение. В Устюге находился тогда Могольский чиновник Буга: собирая дань с жителей, он силою взял себе в наложницы дочь одного гражданина, именем Марию, но умел снискать ее любовь и, сведав от нее, что Устюжане хотят лишить его жизни, объявил желание креститься. Народ простил ему свои обиды; а Буга, названный в Христианстве Иоанном, из благодарности женился на Марии. Сей человек добродетелями

и набожностью приобрел всеобщую любовь, и память его еще хранится в Устюге: там показывают место, на коем он, забавляясь соколиною охотою, вздумал построить церковь Иоанна Предтечи и которое донныне именуется *Сокольею горою*.

Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: Россияне, наказав лихоимцев Харазских, озлобили Татар, их покровителей. Правительство не могло или не хотело удержать народа: то и другое обвиняло Александра в глазах Хановых, и Великий Князь решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Летописцы сказывают и другую причину его путешествия: Моголы незадолго до того времени требовали вспомогательного войска от Александра: он хотел избавиться от сей тягостной обязанности, чтобы бедные Россияне по крайней мере не проливали крови своей за неверных. — Уже готовый к отъезду, Александр послал дружину в Новгород и велел Димитрию идти на Ливонских Рыцарей. Сей юный Князь взял приступом Дерпт, укрепленный тремя стенами, истребил жителей и возвратился обременен-

ный добычею. Кроме многих Новгородцев с ним ходили Ярослав Тверской, Константин, зять Александров (сын Ростислава Смоленского) и Князь Литовский Ровтивил, племянник Миндовгов, который принял Веру Христианскую и господствовал в Полоцке или завоевав его, или — что гораздо вероятнее — будучи добровольно призван жителями по смерти Брючислава, тестя Александрова: ибо Товтивил имел славу доброго Князя. С помощью Даниила Галицкого и Ливонских Рыцарей он утвердил оружием свою независимость от дяди и жил мирно с Россиянами.

Александр нашел Хана Берку в Волжском городе Сарая. Сей Батыев преемник любил Искусства и Науки; ласкал Ученых, художников; украсил новыми зданиями свою Капчакскую столицу и позволил Россиянам, в нем обитавшим, свободно отправлять Христианское богослужение, так, что Митрополит Кирилл (в 1261 году) учредил для них особенную Епархию под именем *Сарской*, с кою соединили после Епископию южного Переяславля. Великий Князь успел в своем деле, оправдав изгнание Бесерменов из городов Суздальских.

Хан согласился также не требовать от нас войска, но продержал Невского в Орде всю зиму и лето. Осенью [1263 г.] Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября. Истощив силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству, пред концом своим он думал единственно о Боге: постригся, принял Схиму и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!» Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда — по собственному выражению одного из них — гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл жил тогда в Владимире: сведав о кончине великого Князя, он в собрании Духовенства воскликнул: «Солнце отечества закатилось!» Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра!» Все оцепенели от ужаса: ибо Невский казался необходимым для государства и по летам сво-

им мог бы жить еще долгое время. Духовенство, Бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаем!»... Тело великого Князя уже везли в столицу: несмотря на жестокий зимний холод, Митрополит, Князья, все жители Владимира шли навстречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась. Что может прибавить суд Историка, в похвалу Александру, к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые Россияне включили Невского в лик своих Ангелов хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего Князя! Имя *Святого*, ему данное, гораздо выразительнее *Великого*: ибо *Великими* называют обыкновенно счастливых; Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, дока-

зали, что народ иногда справедливо ценит достоинства Государей и не всегда полагает их во внешнем блеске Государства. Самые легкомысленные Новгородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили Бога за усопшего Князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было погребено [23 ноября] в монастыре Рождества Богоматери (именуемом тогда *Великою Архимандритиею*), где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии остатки бессмертного Князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие.

По кончине первой супруги, именем *Александры*, дочери Полоцкого Князя Брячислава, Невский сочетался вторым браком с неизвестною для нас Княжною *Вассою*, коей тело лежит в Успенском монастыре Владимирском, в церкви Рождества Христова, где погребена и дочь его, Евдокия.

Слава Александрова, по свидетельству наших *родословных книг*, привлекла к нему из

чужих земель — особенно из Германии и Пруссии — многих именитых людей, которых потомство донныне существует в России и служит Государству в первейших должностях воинских или гражданских.

В Княжение Невского начались в Волжской, или Капчакской, Орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных Воевод Татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться Хану, сделался в окрестностях Черного моря Владетелем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом, Императором Греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию Россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю Монархию Византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногай произошло, как вероятно, название Татар Ногайских, ныне подданных России. — Несмотря на внутреннее неустройство, Моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где Король Гакон обратил их в

Веру Христианскую и дал им земли для поселения.

Глава III

Великий князь Ярослав Ярославич. 1263—1272 г.

Древнейшая грамота Новгородская. Брак Ярославов. Мятежи в Литве. Война в Ливонии. Баскаки. Упреки Великому Князю. Мир Новгородцев с Ярославом. Татары принимают Веру Магометову. Кончина Ярослава. Перемены в Уделах. Князь Феодор, зять Ханов. Смерть и добродетели Короля Даниила. Происшествия в западной России. Основание Кафы. Город Крым.

Андрей Ярославич должен был наследовать престол Владимирский; но как он умер через несколько месяцев по кончине Невского, то брат их, Ярослав Тверской, сделался Великим Князем. Новгородцы также признали его своим Начальником, выгнав юного Дмитрия Александровича за его малолетство; но хотели, чтобы Ярослав дал клятву в верном соблюдении условий. Мы имеем подлин-

ник сего торжественного договора, писанного от имени Архиепископа, Михаила Посадника, Тысячского Кодрата и всего Новагорода, от *старейших и меньших*. Там сказано: «Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новымгородом по древнему обыкновению, брать одни *дары* с наших областей, поручать оные только Новгородским, а не Княжеским чиновникам, не избирать их без согласия Посадника и без вины не сменять тех, которые определены братом твоим Александром, сыном его Дмитрием и Новгородцами. В Торжке и Волоке будут Княжеские и наши Тиуны (или судии): первые в твоей части, вторые в Новгородской; а в Бежицах ни тебе, ни Княгине, ни Боярам, ни Дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, равно как и в других владениях Новагорода: в Волоке, Торжке и проч.; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печере, Югре. В Русу можешь ты, Князь, ездить осенью, не летом; а в Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамоте отца твоего, Ярослава. Димитрий и Нового-

родцы дали Бежичанам и Обонежцам на три года право судиться собственным их судом: не нарушай сего временного устава и не посылай к ним судей. Не выводи народа в свою землю из областей наших, ни принужденно, ни волею. Княгиня, Бояре и Дворяне твои не должны брать людей в залог по долгам, ни купцов, ни земледельцев. Отведем сенные покосы для тебя и Бояр твоих; но не требуй отнятых у нас Князем Александром, и вообще не подражай ему в действиях самовластия. Тиунам и Дворянам Княжеским, объезжающим волости, даются прогоны, как издревле установлено, и только одни разные гонцы могут в селах требовать лошадей от купцов. Что касается до пошлин, то купцы наши в твоей и во всей земле Суздальской обязаны платить по две векши с лодки, с возу и с короба льну или хмеля. Так бывало, Князь, при отцах и дедах твоих и наших. Целуй же святой крест во уверение, что исполнишь сии условия; целуй не чрез посредников, но сам и в присутствии Послов Новгородских. А затем мы кланяемся тебе, Господину Князю». — Сия любопытная грамота свидетельствует, что собственный

доход Князей Новгородских состоял в *дарах*, а дань шла в казну общественную; что избрание областных начальников хотя и зависело от Князя, но требовало согласия Посадникова; что некоторые волости откупали право иметь собственных судей; что Новгородцы не позволяли единоземцам своим переселяться в другие Княжения; что купцы их в областях соседственных торговали по большей части хмелем и льном; что Ладожане давали мед и рыбу для стола Княжеского, преимущественно изобилуя оными. — Здесь в первый раз упоминается о городе Вологде, которая, по тамошним церковным запискам, около 1147 году была торговым местечком, окруженным лесами, а в следующие времена городом знатным, обнесенным каменною стеною; развалины ее башен и ворот донныне приметны.

[1265 г.] Ярослав, клятвенно утвердив договор, приехал в Новгород, где, будучи вдов, женился на Ксении, дочери какого-то Юрия Михайловича. Там сведал он о важных происшествиях в Литве. Не стало Миндовга, Короля Литовского, злодейски убитого ближними родственниками. Они умертвили и Товтиви-

ла Полоцкого, коварно заманив его в сети, и дали Полочанам своего Князя; а сын Товтивиллов, спасаясь от сих убийц, приехал в Новгород. Россияне с горестию видели идолопоклонника на троне православного, некогда столь знаменитого Княжения; но утешались междоусобием и бедствиями Литовцев. Миндовг имел сына, именем Воишелга, который господствовал в Новгороде, изгнав оттуда Романа Даниловича, и славился тиранством, ежедневно плавая в крови жертв невинных. К радости бедных подданных, он еще при жизни отца сделался Христианином и, смягченный Верою Спасителя, возненавидел самую власть мирскую: уехал к Даниилу Галицкому; крестил сына Львова, Юрия, отказался от света; жил долго в обители Полонинского Игумена, Григория, известного благочестием; хотел видеть Иерусалим и гору Афонскую; возвратился с пути и, на берегу Немана основав монастырь, трудился в оном несколько лет, ревностно исполняя все обязанности Инока. Миндовг ни ласками, ни угрозами не мог поколебать его усердия к Христианству; но весть о несчастной смерти отца произвела

В Воишелге действие чрезвычайное: он затрепетал от гнева, схватил меч и, свергнув с себя монашескую одежду, дал Богу обет чрез три года снова надеть ее, когда отмстит врагам Миндовга. Сия месть была ужасна: собрав полки, Воишелг явился в Литве как зверь свирепый и, признанный там единодушно Государем, истребил множество людей, называя их предателями. Триста семейств Литовских искали убежища во Пскове, крестились и нашли великодушного заступника в Ярославле: ибо Новгородцы хотели было умертвить сих несчастных.

[1266 г.] В то же время один из родственников Миндовговых, именем Довмонт, выехал из отечества и, к удовольствию Псковитян приняв у них Веру Христианскую, снискал столь великую доверенность между ими, что они без согласия Ярославова объявили его своим Князем и дали ему войско для опустошения Литвы. Довмонт оправдал сию доверенность подвигами мужества и ненавистию к соотечественникам: разорив область Литовского Князя Герденя, пленил его жену, двух сыновей и на берегах Двины одержал решитель-

тельную над ним победу [18 июня]. Множество Литовцев утонуло в Двине, и сам Гердень едва ушел; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, с восхищением видели в нем набожность Христианскую: ибо он смиренно приписывал успех своего оружия единственно заступлению Святого Леонтия, победив неприятелей в день памяти сего Мученика.

[1267 г.] Между тем Ярослав, досадуя на Псковитян за самовольное избрание Князя чужеземного, желал изгнать Довмонта и привел для того в Новгород полки Суздальские; но должен был отпустить их назад. Новгородцы не хотели слышать о сей войне междоусобной и сказали ему: «Другу ли Святой Софии быть неприятелем Пскова?» — Ярослав уехал в Владимир, оставив у них своего племянника, Юрия Андреевича, при коем значительная часть Новгорода обратилась в пепел. Конец Неревский исчез совершенно. Многие люди сгорели, и даже самые купеческие суда в пристани, нагруженные товаром: Волхов, по словам Летописца, казался пылающим. Богатые граждане в несколько часов обедняли, а бедные разбогатели, в общем смятении за-

хватив чужие драгоценные вещи.

Сие бедствие не мешало Новгородцам заниматься делами ратными: войско их ходило с Довмонтом и Псковитянами на Литву, сделало много вреда неприятелю и возвратилось без урона; другое осаждало Везенберг, или Раковор, в Эстонии, подвластной Датчанам, но не могло взять его. Желая загладить сию неудачу, Новгородцы сыскали искусных мастеров и велели им на дворе Архиепископском строить большие стенобитные орудия; призвали Димитрия Александровича из Переславля с войском, Довмонта Псковского, и ждали самого Великого Князя: но Ярослав вместо себя прислал к ним двух сыновей, Святослава и Михаила. В то время, как войско готовилось выступить, лазутчики Немецкого Ордена, называясь Послами от Риги, Феллина и Дерпта, явились в Новгороде, говоря нашим Князьям, что Рыцарство Ливонское желает остаться в дружбе с ними, не думает помогать Датчанам и не вмешивается в их дела с Россиянами. Немцы дали клятву в истине своих уверений, и Новгородский Боярин, отправленный к Епископам и к чиновникам

Дворян Божьих — так у нас именовали Рыцарей Ливонских — заставил их присягнуть в том же. Считая Немцев друзьями, Россияне надеялись легко управиться с Датчанами, шли к Везенбергу тремя путями, разоряли селения и, зная, что многие жители скрываются в одной неприступной пещере с своим именем, посредством какой-то искусственной машины пустили туда воду [23 января 1268 г.]: бедные Эстонцы выскочили и без милости были изрублены в куски; а добычу, найденную в пещере, Новгородцы отдали всю Князю Димитрию. Уже войско наше, приближаясь к Раковору, стояло на берегах Кеголи, и вдруг, к изумлению своему, увидело сильные полки Немецкие, коими предводительствовал сам Магистр Ордена, именем Отто фон Роденштейн, и Епископ Дерптский Александр, в противность данной клятве взявшие сторону Датчан. Видя, что надобно разведаться с ними мечом, Новгородцы немедленно перешли за реку и стали против Железного Немецкого полку; сын Ярославов, Михаил, на левом крыле; Довмонт Псковский, Димитрий и Святослав на правом. Ударили

[18 февраля] смело и мужественно с обеих сторон. «Ни отцы, ни деды наши, — говорит Летописец, — не видали такой жестокой сечи». Новгородцы, имея дело с отборною Немецкою фалангою, падали целыми рядами. Посадник Михаил и многие чиновники были убиты; Тысячский, именем Кодрат, пропал без вести, а Князь Юрий Андреевич обратил тыл. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконец Князь Димитрий и Новгородцы сломили неприятелей и гнали их семь верст до самого города; но, возвратясь на место битвы, увидели еще другой полк Немецкий, который врезался в наши обозы. Между тем наступил темный вечер. Благоразумные Вожди советовали подождать утра, чтобы в ночной схватке не убивать своих вместо неприятелей, и с трудом могли удержать пылких воинов. Ожидали света с нетерпением; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дня стояли Россияне *на костях*, то есть на месте сражения, в знак победы, и решились идти назад: ибо, претерпев великий урон, не могли заняться осадою городов. Вместо добычи они принесли с собою трупы убиенных, знаменитых Бояр, и

схоронили тело Посадника Михаила в Софийской церкви. Сия честь и слезы целого Новгорода были ему воздаянием за его славную кончину. Избрали нового Посадника, именем Павшу; а место Тысячского осталось праздно, ибо народ еще не имел вести о судьбе Кодратовой. — Сию кровопролитную битву долго помнили в Новгороде и в Риге. Ливонские Историки пишут, что на месте сражения легло 5000 наших и 1350 Немцев; в числе последних был и Дерптский Епископ.

[1269 г.] Злобствуя на Россиян, Магистр Ордена собрал новые силы; пришел на судах и с конницею в область Псковскую: сжег Изборск, осадил Псков и думал сравнять его с землею, имея множество стенобитных орудий и 18000 воинов (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь был страшен не только для Литвы, но и для соседственных Немцев, и незадолго до того времени истребил их отряд на границе. Мужественный Довмонт, осмотрев силу неприятелей и готовясь к битве, привел всю дружину в храм Святой Троицы, положил меч свой пред олтарем и

молился, да будут удары его для врагов смертоносны. Благословенный игуменом Исидором (который собственною рукою препоясал ему меч), Князь новыми подвигами геройства заслужил удивление и любовь Псковитян; десять дней бился с Немцами; ранил Магистра. Между тем Новгородцы с Князем Юрием Андреевичем приспели и заставили Рыцарей отступить за реку Великую; вошли в переговоры с ними и согласились дать им мир. Те и другие остались при своем, потеряв множество людей без всякой пользы.

Тогда Великий Князь Ярослав прибыл в Новгород и, досадуя на многих чиновников за сию войну кровопролитную, хотел их сменить или немедленно выехать из столицы. Граждане объявили решительно, что они не согласны на первое, но молили его у них остаться, ибо мир, заключенный с Немцами, казался им ненадежным; сведав же, что Великий Князь действительно уехал, отправили вслед за ним Архиепископа, который наконец уговорил Ярослава возвратиться из Бронниц. Чиновников не сменили, однако ж, в угодность Князю, граждане избрали в Тысяч-

ские одного преданного ему человека, именем Ратибора, и начали готовиться к войне. Князя Суздальских Уделов и полки Ярославовы собралися в Новгород, куда приехал и великий Владимирский Баскак, Татарин Амраган. Сей чиновник Хана — имея, кажется, участие и в наших государственных советах — одобрил намерение Россиян идти к Ревелю; но Датчане и Немцы, ослабленные претерпенным ими уроном, не захотели новой войны и, добровольно уступив нам все берега Наровы, обезоружили тем Ярослава.

[1270 г.] Оставив в покое Эстонию, Великий Князь хотел было вести полки свои в землю Корельскую, чтобы утвердить ее жителей в послушании; Новгородцы просили его не тревожить сих бедных людей, и Князь отпустил войско, не предвидя для себя опасности. Уверенный в преданности некоторых чиновников, а может быть и в покровительстве Татар, он худо исполнял заключенный им договор с Новгородцами: действовал иногда как Государь самовластный: слышал ропот и не уважал его. Общее неудовольствие возрастало. Вдруг, к изумлению Князя, ударили в Ве-

чевой колокол: настал грозный час суда народного, и люди со всех сторон бежали к Св. Софии решить судьбу отечества, как они думали. Первым определением сего шумного Веча было изгнать Ярослава и казнить любимцев Княжеских: главного из них умертвили; другие ушли в церковь Св. Николая и на Городище, к Ярославу, оставив дома свои в жертву народу, разломавшему оные до последнего бревна. Именем Новгорода вручили Князю грамоту обвинительную. «Для чего, — писали к нему граждане, — завладел ты двором Морткинича? Для чего взял серебро с Бояр Никифора, Романа и Варфоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцев, мирно живущих с нами? Для чего птицеловы твои отнимают у нас реку Волхов, а звероловы поля? Да будет ныне конец твоему насилию! Иди, куда хочешь; а мы найдем себе Князя». Ярослав послал сына и Тысячского. своего на Вече с уверением, что он сделает все угодное народу. «Нет! — ответствовали ему граждане: — Мы не хотим тебя. Удались, или будешь немедленно изгнан». Великий Князь уехал; а Новгородцы отправили Посольство к Димит-

рию Александровичу, думая, что он с радостью согласится княжить у них; но Димитрий отрекся и велел им сказать: «Не хочу престола, с коего вы согнали моего дядю».

Сей отказ весьма огорчил Новгородцев. В то же время они получили известие от Василия, меньшего Ярославова брата, что Великий Князь, пылая гневом, готовится идти на них с полками Моголов, с Димитрием Нереславским и с Глебом Смоленским (сыном Ростислава Мстиславича). «Но будьте спокойны, — писал к ним Василий: — Святая София есть моя отчина; я готов служить ей и вам». Он поехал в Орду, где любимец Великого Князя, Ратибор, Тысячский Новагорода, вооружил Хана против своих единоплеменников, говоря ему: «Новгородцы враги твои; изгнали Ярослава с бесчестьем, разграбили наши дома и хотели нас умертвить единственно за то, что мы требовали с них для тебя дани». Обманутый Хан послал войско, чтобы смирить ослушников; но Василий Ярославич вывел его из заблуждения, объяснив ему, что Новгородцы ничем не оскорбили Моголов и что неудовольствия их на Великого Князя справедливы. Тогда Хан

велел полкам своим возвратиться; а Василий, оказав столь важную услугу Новгородцам, надеялся быть их Князем. Готовые умереть за права вольности, они укрепили столицу с обеих сторон высоким тыном, сносили имение в средину города и ждали неприятелей.

Ярослав приблизился к самому Городищу; но видя там всех жителей вооруженных, конных и пеших, обратился к Русе и, заняв оную своим войском, прислал оттуда Боярина с дружелюбными предложениями в Новгород. «Забываю, — говорил он, — сделанные мне вами обиды, и все Князя Российские будут моими поручками в верном исполнении наших условий». Новгородцы ответствовали ему чрез Посла: «Князь! Ты объявил себя врагом Святой Софии: оставь же нас в покое, или мы умрем за отечество. Не имеем Князя; но за нас Бог, правда и Святая София; а тебя не хотим». Вслед за Послом двинулось к Русе их войско многочисленное, в коем находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Стан их был на одной стороне реки, Ярославов на другой: прошла неделя в бездействии. Тогда Новгородцы получили грамоту

от Митрополита Кирилла. Сей достойный Пастырь Церкви именем отечества и Веры заклинал их не проливать крови: ручался за Ярослава и брал на себя грех, если они, в иступлении злобы, дали Богу клятву не мириться с Великим Князем. Слова добродетельного старца тронули Новгородцев, и Послы Ярославовы, прибыв к ним в стан, довершили благое дело мира. Написали договор: Великий Князь утвердил оный целованием креста. Сия грамота также хранится в нашем архиве и содержанием подобна первой; означим только некоторые прибавления. В ней сказано от имени Новагорода: «Князь Ярослав! Забудь гнев на Владыку, Посадника и всех мужей Новгородских; не мсти им ни судом, ни словом, ни делом. Не верь клеветникам; не принимай доносов от раба на господина. Послов и купцов наших, остановленных в Костроме и в других городах Низовских, выпусти с их именем; освободи также военнопленных и всех должников Новгородских, задержанных в Торжке Князем Юрием Андреевичем, или твоих собственных, или Княгининых, или Боярских (купец да идет в свою Сотню, а селянин

в свой погост). Не раздавай никому государственных даней. Возврати грамоту отца твоего, которую ты у нас отнял; и вместо новых, данных тобою, да имеют силу прежние, Ярославовы и Александровы грамоты. „На дворе Немецком торгуй единственно через наших купцов; а двора не затворяй и не посылай туда приставов. Село Святой Софии останется ее неотъемлемою собственностью. Новгородцы не должны быть судимы в земле Суздальской. Купцы наши да торгуют в ней свободно по грамоте Ханской; бери там установленные пошлины, но в областях Новгородских не заводи таможни. Судьи начинают свои объезды с Петрова дня“, и проч. На белой стороне сей хартии, к коей привязана свинцовая печать, написано, что Послы Хана Татарского, Чевгу и Банши, прибыли с его грамотою в Новгород возвести Ярослава на престол. Столь велика была зависимость Князей Российских!

Ярослав жил потом несколько месяцев в Новгороде. Не любя Довмонта, он дал Псковитянам иного Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста, и зимою уехал в Владимир, поручив Новгород Наместнику,

Андрею Вратиславичу. Великое Княжение Суздальское было спокойно, то есть рабствовало в тишине, и народ благодарил Небо за облегчение своей доли, которое состояло в том, что преемник Хана, или Царя Берки, брат его, именем Мангу-Тимур, освободил Россиян от насилия откупщиков Харазских. Историк Могольский, Абульгази, хвалит Тимура за его острый ум; но ум не смягчал в нем жестокого сердца, и память сего Хана запечатлена в наших летописях кровию доброго сына Олегова, Романа, Князя Рязанского, принявшего в Орде венец Мученика. Еще Хан Берка, имев случай говорить о Вере с купцами Бухарскими и пленный учением Алкорана, объявил себя ревностным Магометанином: пример его служил законом для большей части Моголов, весьма равнодушных к древнему идолопоклонству; а как всякая новая Вера обыкновенно производит изуверов или фанатиков, то они, вместо прежней терпимости, начали славиться пламенным усердием ко мнимой божественности Алкорана. Может быть, Князь Роман неосторожно говорил о сем ослеплении ума: донесли Тимуру, что он хулит их Закон. Тогда

Роман, принуждаемый дать ответ, не хотел изменить совести и говорил так смело, что озлобленные варвары, заткнув ему рот, изрезали несчастного Князя по составам и взоткнули голову его на копие, содрав с нее кожу. Россияне проливали слезы, но утешались твердостью сего второго Михаила и думали, что Бог не оставил той земли, где Князья, презирая славу мирскую, столь великодушно умирают за Его святую Веру.

Великий Князь Ярослав, следуя примеру отца и Александра Невского, старался всеми способами угождать Хану и подобно им кончил жизнь свою [в 1272 г.] на возвратном пути из Орды, куда он ездил с братом Василием и с племянником Димитрием Александровичем. Тело его было отвезено для погребения в Тверь. Летописцы не говорят ни слова о характере сего Князя: видим только, что Ярослав не умел ни довольствоваться ограниченной властью, ни утвердить самовластия смело решительностью; обижал народ и винился как преступник; не отличался ратным духом, ибо не хотел сам предводительствовать войском, когда оно сражалось с Немца-

ми; не мог назваться и другом отечества, ибо вооружал Моголов против Новагорода.

Опишем разные особенные происшествия Ярославова времени. При сем Государе сделались некоторые перемены в частных Уделах Великого Княжения. Василий Всеволодович, внук Константинов, умерший еще в 1249 году, оставил на престоле Ярославской области супругу Ксению и малолетнюю дочь Марию, которая после сочеталась браком с Феодором Ростиславичем *Черным*, внуком Мстислава Давидовича Смоленского, Удельным Князем Можайска. Считая себя обиженным старшими братьями, Глебом и Михаилом, он переехал в Ярославль, наследие супруги его, и княжил там вместе с тещею. К сему известию новейшие Летописцы прибавляют следующую повесть: «Феодор, быв в Орде, мужественною красотою и разумом столь пленил Царицу Могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. В то самое время Мария скончалась в Ярославле, и народ, объявив ее сына, Михаила, Владетельным Князем, уже не хотел повиноваться Феодору, который, лишась супруги и престола, согласился быть зятем Ха-

на, или Царя Капчакского. Все препятствия исчезли: Хан позволил дочери креститься, и Константинопольский Патриарх торжественною грамотою утвердил ее благословенное супружество; а тесть построил для Феодора великолепные палаты в Сарае и дал ему множество городов: Чернигов, Херсон, Болгары, Казань; по смерти же юного Михаила Феодоровича возвел сего любимого зятя на престол Ярославский, наказав его врагов. Супруга Феодорова, названная в крещении Анною, построила в Ярославле храм Архистратига Михаила и заслужила имя добродетельной Христианки». Ежели сия повесть справедлива, то вероятно, что Феодор был зятем не Мангу-Тимура, а Ногая, женатого на Христианке и не хотевшего принять Веры Магометанской.

Димитрий Святославич, Князь Юрьева Польского, двоюродный брат Ярослава, умер в 1269 году; и с того времени 70 лет не упоминается в нашей истории о Владетелях Юрьевских. Сей набожный Князь принял Схиму от Епископа Ростовского и, закрывая глаза навеки, сказал ему: «Святой Владыко! ты совершил труд свой и приготовил меня к пути

дальнему, как доброго воина Христова. Там, в жизни вечной, царствует Бог милосердия: иду служить Ему с Верою и надеждою». Сии последние слова Димитриевы казались Летописцам достопамятнее дел его, совершенно для нас неизвестных.

Лет за шесть до Ярославовой смерти представился (и погребен в Холме) знаменитый Даниил, Король Галицкий, славный воинскими и государственными достоинствами, а еще более отменным милосердием, от которого не могли отвратить его ни измены, ни самая гнусная неблагодарность Бояр мятежных: добродетель редкая во времена жестокие и столь бурные. Милостивый к подданным, он и в других отношениях исполнял уставы нравственности: в юности чтит Князей старших; изъявлял нежную любовь к матери и к брату, получившему от него в Удел область Владимирскую; помнил благодеяния, ему оказанные; наблюдал правило верности в союзах, победами и разумом утверждая безопасность и честь державы Галицкой; нашествием Моголов расстроенный в видах своей Политики, не изумился, не утратил бодрости ду-

ха: хотя не мог совершенно избавиться от их свирепого тиранства, но закрыл глаза с надеждою, что его потомки будут счастливее, следуя принятой им системе держаться союза Государей западных, иногда обольщать варваров золотом и смирением, иногда устрашать силою, в ожидании, что они, как Гунны Аттилины, как Обры, исчезнут, сокрушенные или внутренним междоусобием, или общим усилием Государей Европейских. Сия надежда не совсем обманула Даниила: его преемники рабствовали менее иных Князей Российских, уважаемые и Ханами и соседственными Христианскими Державами, которые в течение целого века считали Княжество Галицкое верным для себя оплотом с опасной стороны Моголов.

Первым следствием кончины Данииловой была война наследников его с Болеславом Польским. Василько остался Князем Владимирским, Лев Перемышльским; Роман Данилович умер; третий брат их, Мстислав, господствовал в Луцке и Дубне; меньший Шварн — кажется, любезнейший отцу, — в Галиче, Холме и Дрогичине. Несмотря на мир

и союз, за несколько лет до того времени утвержденный в Тернаве между Болеславом и Даниилом, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вместе с Литвою грабить Польские владения. Болеслав хотел отмстить: дошло до битвы, в коей дружина Шварнова претерпела великий урон; наконец примирились, ибо общая польза обеих Держав того требовала.

Хотя Княжество Даниилово разделилось на части, однако ж его сыновья действовали согласно в государственных предприятиях и слушались дяди, опытного, благоразумного Василька, несмотря на то, что Князь Лев с неудовольствием видел меньшего брата властелином Галича и Холма. Сия зависть еще усилилась от нового происшествия, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной России, но и для спокойствия других земель соседственных. Бывший инок Воишелг, сын Миндовга, искренний друг Василька и Шварна, своего зятя, с их помощью овладев большею частию Литвы, раздробленной на многие области, дал последнему в ней Удел, а наконец уступил ему и пре-

стол; снял с себя одежду Княжескую и заключился в монастыре Угровском, исполняя произнесенный им обет. Россияне надеялись, что грабительства Литовские уже не возобновятся и что сей опасный народ, правимый сыном Данииловым, составит одну Державу с Галицким Княжением; но Лев, думая о пользе собственного властолюбия еще более, нежели о благе отечества, не мог снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнул на месть подлую и свирепую. Он предложил Воишелгу съехаться с ним в Владимире будто бы для какого-то важного дела. Сей Князь-Инок сомневался, зная коварство Льва; но уверенный в безопасности словом добродушного Василька, приехал в Владимир и стал в монастыре Св. Михаила. На другой день был обед у знатнейшего Вельможи Даниилова, Немца Маркольта, где Князя по тогдашнему обыкновению пили весьма неумеренно и где Лев с удивительным искусством притворялся нежным другом Миндовгова сына. Настал вечер: Воишелг спокойно возвратился в монастырь, куда вслед за

ним прискакал и Лев, желая, как он говорил, еще повеселить любезного кума. Несчастный отпер дверь: вдруг слуги Княжеские окружили его, и Лев, грозным голосом исчислив бедствия, претерпенные Россиею от Литвы, саблею рассек ему голову. Ни Василько, ни Шварн не участвовали в заговоре: они жалели, что имя Русское очернилось злодейским вероломством, и с честью погребли Воишелга в обители Св. Михаила. Пишут, что сей Литовский Князь, от природы жестокосердный, будучи властителем, сверх одежды богатой носил *черную мантию* и потому заслужил название *волка в коже агнца*. Но он имел право на благодарность Россиян, хотев, по усердию к Вере Христианской и любви к ним, чтобы кровь Св. Владимира, браками Даниила и Шварна соединенная с кровию славного Миндовга, царствовала в Литве. К несчастью, столь важное для России благодеяние не имело желаемых следствий: Шварн в юности умер, и Князь Литовский, именем Тройден, верою язычник, сердцем Нерон, сел на Миндовговом троне. Скоро преставился и Князь Василько, о коем упоминается с честью во

многих летописях иностранных, особенно в Сербской истории, по его дружеству с Королем Стефаном Драгутиным. Сей достойный брат Даниилов, некогда воин храбрый и неутомимый, кончил дни свои Монахом и тружеником: повествуют, что он жил несколько времени в дикой, заросшей кустарником пещере, оплакивая грехи прежнего мирского властолюбия и ратной деятельности. Сын его Иоанн-Владимир, женатый на Ольге, дочери Романа Махайловича Брянского, (в 1269 году) наследовал область родительскую, а Лев Шварнову, то есть Галич, Холм и Дрогичин, утвердив престол свой в новом городе Львове, основанном еще при Данииле.

Ко временам, нами описываемым, Историки относят возобновление древней Феодосии, или основание нынешней Кафы. Может быть, Генуэзцы уже и ранее купечествовали в Тавриде вместе с Венецианцами: но в царствование Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею и с дозволения Моголов завели там гостиный двор, анбары и лавки: сперва, выпросив небольшую частицу земли, обвели ее

рвом и валом, а после начали строить высокие дома, присвоили себе гораздо более отданного им места и сделали каменную стену, назвав сей укрепленный, прекрасный город Кафою; овладели Судаком, Балаклавою, нынешним Азовом, или Танаисом, выгнали оттуда своих опасных совмещников, Венециан, и стеснили древний Херсон, где (в 1333 году) находился уже Латинский Епископ и где в XVI веке представлялись глазам путешественников одни великолепные развалины. Имея иногда ссоры и даже войну с Моголами (в 1343 году), Генуэзцы господствовали там до падения Греческой Империи и были наконец истреблены Турками. Но еще и ныне видим в Тавриде памятники сих образованных Италианцев, остатки их зданий и надписи; в Азове же, как говорит один Историк, жили некоторые Генуэзские семейства до самого XVII столетия. — Близ Кафы находился еще знаменитый Могольский город Крым (коего именем назвали и всю Тавриду), столь великий и пространный, что всадник едва мог на хорошем коне объехать его в половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мрамором и

порфиром, и другие народные здания, особенно училища, заслуживали удивление путешественников. Купцы ездили из Хивы в Крым без малейшей опасности и, зная, что им надлежало быть в дороге около трех месяцев, не брали с собою никаких съестных припасов, ибо находили все нужное в гостиницах: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатством и скупостию, запирали золото в сундуки и, не давая ничего бедным, строили великолепные мечети в знак своей набожности. Нынешнее местечко *Старый Крым* (на реке Чуруксе, близ Кафы) есть бедный остаток сего древнего города.

Глава IV

Великий князь Василий Ярославич. 1272—1276 г.

Спор о Новгородском Княжении. Моголы сидут на Литву. Пруссы в Слониме и в Гродне. Кончина Василия. Собор.

Меньший брат Ярославов, Василий Костромской, наследовал престол Великого Княжения и немедленно отправил Послов в Новгород, куда вместе с ними прибыли и Димитриевы. Те и другие остановились на *Дворе Ярослава*, те и другие ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василий и Димитрий Александрович желали присвоить себе Новгород, избыточный, сильный и менее других областей угнетенный игом Татарским. Димитрий надеялся на славу мужества, изъявленного им в битве Раковорской, и еще более на память отца, Героя Невского; а Василий на услугу, недавно оказанную им в Орде Новугороду. Посадник Павша взял сторону первого, и сын

Александров, признанный Князем Новгородским, спешил в сию столицу. Василий, сведав о том, послал вслед за ним Воеводу, чтобы схватить его на пути, а сам хотел взять Переславль, но обратился с войском к Торжку и, заняв сей город, оставил там своего Наместника, или Тиуна. Князь Тверской, Святослав Ярославич, помогая дяде, опустошал между тем берега Волги, Бежецк, Волок. Надлежало прибегнуть к мечу или к договорам: Новгородцы хотели употребить оба средства и, собрав войско, послали Бояр к великому Князю; чтобы укротить его гнев словами мирными. Но Василий, приняв Послов с отменною честью, не согласился на мир, и Димитрий с сильными полками выступил к Твери зимою. Вдруг сделалась перемена. «Дружба Великого Князя для нас необходима, — думали многие Новгородцы: — купцов наших грабят теперь в земле Суздальской; мы лишены подвозов и терпим нужду в хлебе. Не лучше ли, вместо кровопролития, исполнить желание Василиево, согласное с народною пользою?» Сие мнение было наконец всеми одобрено: остановясь в Торжке, войско не хотело идти далее.

Сам Димитрий не противился общей воле и дружелюбно расстался с Новгородцами, которые, сменив верного ему Посадника Павшу, объявили Василия своим Правителем. Таким образом Великий Князь достиг цели; приехал в Новгород и, в знак миролюбия забыв недоброжелательство Боярина Павши, согласился, чтобы народ возвратил ему сан Посадника. Сей чиновник ушел было из Торжка к Димитрию; но, боясь на старости лет остаться изгнанником, прибегнул к Василиеву великодушию и до кончины своей пользовался любовью сограждан.

[1275 г.] Через два года, спокойные для России, Великий Князь отправился к Хану. В сие время Моголы ходили на Литву, приглашенные к тому Львом Галицким. Преемник Шварнов, свирепый Тройден, несколько лет быв союзником Данииловых сыновей, нечаянно взял Дрогичин и безжалостно умертвил большую часть жителей. Лев, озлобленный его вероломством, обратился к Хану Мангу-Тимуру, желая истреблять врагов врагами. Глеб Смоленский и Роман Михайлович Брянский, тесть сына Василькова, Иоанна-Влади-

мира, соединились с Татарами, долго терпел набеги Литовцев, которые опустошили за Днепром самые отдаленные места Черниговского Княжества. Но сей поход имел для России более вредных следствий, нежели благоприятных: ибо Князья поссорились между собою и, взяв одно предместье Новоградка, не захотели идти далее в Литву; а Моголы на возвратном пути разорили множество наших сел, под именем друзей отнимая у земледельцев скот, имение, одежду. «Дружба с неверными, — говорит Летописец, — не лучше брани; и сей случай да будет примером для потомства!»

Оставленные союзниками, Князья Галицкие взяли в Литве два города, Турыйск на берегу Немана и Слоним (где жили Пруссы, которые искали там убежища от притеснений Немецкого Ордена: Тройден населил ими и Гродно). Хотя Лев и Владимир, сын Васильков, заключили было мир с Тройденом; но гордый Ногай, недовольный худым успехом Могольского оружия в Литовской земле, прислал новую рать в Галицию и велел им идти с нею против Литвы. Они повиновались. Моголы

осаждали Новгородок, Россияне Гродно; но те и другие взяли единственно добычу в окрестностях, потеряв много людей. Гродненские Пруссы в особенности бились мужественно и в нечаянном нападении пленили лучших Бояр Галицких; однако ж должны были освободить их, когда Россияне, овладев главною башнею крепости, предложили честный мир жителям.

Великий Князь по возвращении из Орды преставился в Костроме [в 1276 г.] на сороковом году от рождения, к горести Князей и народа, чтивших в нем Государя умного и добродушного. — В его время чиновники Могольские сделали вторично общую перепись людям во всех Российских областях для платежа дани, и народ, уже начиная привыкать к рабству, сносил терпеливо свое уничтожение.

К главным достопамятностям Василиева княжения принадлежит Собор, бывший в 1274 году, когда Митрополит Кирилл приехал из Киева в Владимир с Архимандритом Печерской лавры Серапионом, чтобы посвятить его там в Епископы. Кирилл, знаменитый миротворец Князей и друг отечества, сведав о

многих беспорядках в делах церковных, ревностно желал исправить их и созвал для того Епископов в Владимир: Далмата Новгородского, Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского, или Сарского, Симеона Полоцкого, и, рассуждав с ними, издал церковные правила, коих почти современный харатейный список находится в Синодальной библиотеке. «Доныне, — пишет Митрополит, — уставы церковные были омрачены облаком еллинской мудрости ; ныне же предлагаются ясно, и неведение да не будет извинением. Уклоняясь от истинных правил Христианства, какое мы видели следствие? Не рассеял ли нас Бог по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли Князи острием меча? не отведены ли в плен семейства? не опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно от ига безбожных и нечестивых врагов? Се казнь за нарушение уставов церкви!» Уверенный, что нравственность мирян во многом зависит от нравов Духовенства, Кирилл повелевает давать священный сан единственно людям непорочным, коих жизнь и дела известны *от самого детства* , соседи и знакомые должны

засвидетельствовать их честность, трезвость, добрые склонности. Житель иной области (следственно, неизвестный в той Епархии), раб неосвобожденный, гражданин, не платящий дани, господин жестокий, *ротник*, или многоклянувшийся, лжесвидетель, убийца, хотя и принужденный, мздоимец, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются от сего сана. Иерею надлежит иметь 30 лет от рождения, Диякону 29. Епископам строго запрещается брать с них деньги за поставление, кроме определенных Митрополитом *семи гривен* для крилошан. Всякая мзда, так называемая *посошная* и другие отменены. Далее сказано: «Мы сведения, что некоторые Иереи в странах Новгородских от Пасхи до недели Всех Святых празднуют только и веселятся, не крестят никого и не отправляют службы Божественной: такие да исправятся или да будут извержены! Един достойный Пастырь лучше тысящи беззаконных. Известно нам также, что многие люди держатся древних языческих обыкновений, сходятся в святые праздники на какие-то бесовские игрища, криком и свистом сзывают подобных себе

пьяниц и бьются дрекольем до самой смерти, снимая с убитых одежду: отныне кто не престанет тешить Дявола такими гнусными забавами, да будет отлучен от церкви Божиих; да не приемлют от него никаких приношений, те есть ни просфор, ни кутьи, ни свеч; когда же умрет, да не отправляют по нем Божественной службы, и тело его да лежит далеко от святых храмов!» В числе многих обыкновений, противных уставам церковным, Кирилл осуждает *обливание* при крещении, говоря, что оно незаконно и что крестимый должен быть всегда *погружаем* в сосуде особенном. — Таким образом, приписывая государственное бедствие разврату народа и заблуждениям Духовенства, сей Митрополит хотел искоренить оные мерами, согласными с образом мыслей своего века.

Глава V

Великий князь Димитрий Александрович. 1276—1294 г.

Состояние России. Россияне в Дагестане. Копорье. Ссора Князей Ростовских. Междоусобие в Великом Княжении. Бедствие Курской области. Независимость Тверского Княжения. Опустошение России. Кончина Димитриева. Неустройства в Новгороде. Дела с Немцами и Шведами. Набеги Литвы. Дела с Польшею. Кончина Кн. Владимира Волынского. Добродетели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.

После страшной грозы Батыевой отечество наше как бы отдохнуло в течение лет тридцати, будучи обязано внутренним устройством и тишиною умному правлению Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Некоторые частные грабежи Моголов, некоторые мало-важные распри Князей и самая утрата государственной независимости уже казались

легким злом в сравнении с общими бедствиями минувших лет, еще свежими в памяти народа. Войны внешние были довольно счастливы: победа Невская и Раковорская свидетельствовали, что Россияне еще умеют владеть мечом; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими, доставляла и купцам и земледельцам способ платить дань без затруднения. В таком состоянии находилось Великое Княжение, когда Димитрий Александрович восшел на престол оною, к несчастью подданных и своему, к стыду века и крови Героя Невского.

Новгородцы тогда же признали Димитрия своим Князем, следуя, во-первых, древнему правилу, что Глава России есть и Глава Новгорода, а во-вторых, и для того, чтобы он покровительствовал их важную торговлю в земле Низовской и не мешал им иметь свободное общение с Заволочьем.

[1277—1280 гг.] Димитрий немедленно отправился в Новгород, а другие Князья — Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Феодор Ярославский и Андрей Городецкий, сын Невского, брат Димитриев — повели войско в Ор-

ду, чтобы вместе с Ханом Мангу-Тимуром идти на Кавказских Ясов, или Алан, из коих многие не хотели повиноваться Татарам и еще с усилием противоборствовали их оружию. Князья наши завоевали Ясский город Деяков (в южном Дагестане), сожгли его, взяв знатную добычу, пленников, и сим подвигом заслужили отменное благоволение Хана, изъявившего им оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Феодор Ярославский и зять его, Михаил, сын Глебов, ходили и в следующий год помогать Татарам, или единственно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охотно делились с Россиянами, пользуясь их мужеством. Татары воевали тогда в Болгарии с одним славным бродягою, свинопасом, известным в Греческих летописях под именем Лахана: сей человек приманил к себе многих людей, уверив их, что Небо послало его освободить отечество от ига Могольского; имел сперва удачу и женился на вдовствующей супруге Царя Болгарского, им злодейски умерщвленного; но был наконец разбит Татарам и лишен жизни в стане Ногаевом.

Между тем Великий Князь Димитрий наказал данников Новагорода, Корелов, взяв их землю на *щит*, то есть разорив оную и пленив многих жителей за ослушание или явный бунт: в надежде, может быть, на помощь Магистра Ливонского или Короля Шведского, они хотели свергнуть иго, возложенное Новымгородом на их предков. Чтобы Немцы и Шведы не могли свободно приставать к нашим берегам Финского залива, Димитрий заложил каменную крепость в Копорье, где прежде находилась деревянная, в его же время срубленная. Сия крепость сделала раздор между Князем и народом: первый хотел присвоить оную лично себе и занять своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владеть чем-нибудь в области Новгородской, особенно же местом укрепленным — и Димитрий, с досадою уехав в Владимир, начал готовиться к войне. Тщетно Посол, Архиепископ Климент, преемник Далматов, уговаривал его оставить гнев на людей, обыкших соблюдать древние права свои: Великий Князь пошел с войском в область Новгородскую, начал неприятельские действия разорением

многих селений и стал на Шелоне. Там Архиепископ Климент вторичным молением и дарами склонил его к миру: Новгородцы согласились поручить Копорье дружине Княжеской, но с того времени невзлюбили Димитрия, ожидая случая отмстить ему за сие насилие, который скоро и представился.

[1281 г.] Димитрий, оставив своего чиновника в Новгороде, возвратился в Владимир быть посредником в споре Князей Ростовских. Борис Василькович еще в 1277 году скончался в Орде, где была с ним и супруга его, Мария. Глеб Белозерский; наследовав Ростов, через несколько месяцев умер. Сей меньший Васильков сын от юности своей пользовался отменною милостию Ханов и служил им на войнах усердно, чтобы тем лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россияне всегда находили заступника и спасителя в великодушном Глебе, вообще благотворительном, щедром, отце сирых и бедных. Но его кончине сыновья Борисовы, Димитрий и Константин, господствуя в Ростове, отняли у Глебова сына, Михаила, наследственную Белозерскую область и скоро поссорились меж-

ду собою, так что Константин должен был прибегнуть к Великому Князю, а Димитрий Борисович начал собирать полки; но Великий Князь отвратил ненавистное кровопролитие: сам ездил в Ростов и посредством тамошнего Епископа, Игнатия, уговорил братьев жить согласно.

В то самое время собственный его меньший брат, Андрей Александрович, Князь Городца Волжского, действуя по совету злодея, Семена Тониглиевича, и других недостойных Бояр, вздумал овладеть Великим Княжением, вопреки государственному уставу или древнему обыкновению, по коему старший в роде заступал место отца. Лестию и дарами задоблив Хана, Андрей получил от него грамоту и войско, подступил к Мурому и велел всем Удельным Князьям явиться к нему в стан с их дружинами. Никто не смел ослушаться: Федор Ярославский, Михаил Иванович Стародубский (внук Всеволода III) и даже Константин Ростовский, благодетельствованный Димитрием, соединились с Андреем. Изумленный сею внезапною грозою, Великий Князь искал спасения в бегстве; а Татары, пользуясь

случаем, напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самого Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни икон, ни сосудов, ни книг, украшенных богатым переплетом; гнали людей толпами в плен или убивали. Юные Монахини, жены Священников были жертвою гнусного насилия. Спасая жизнь и вольность, земледельцы гибли в степях от жестоких морозов. Переславль, Удельный город Димитриев, хотел обороняться и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя (по словам летописи), который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга. Сие несчастье случилось декабря 19 [1281 г.]: в Рождество Христово церкви стояли пусты; вместо священного пения раздавался в городе один плач и стон. Андрей, злобный сын отца столь великого и любезного России, праздновал один с Татарами и, совершив дело свое, отпустил их с благодарностию к Хану.

[1282 г.] Димитрий Александрович бежал к Новугороду и думал заключиться в Копорье.

Новгородцы многочисленными полками встретили его на озере Ильмене. «Стой, Князь! — говорили они: мы помним твои обиды. Иди, куда хочешь». Они взяли дочерей и Бояр Димитриевых в залог, дав слово освободить их, когда дружина Княжеская добровольно выступит из Копорья, где находился тогда и славный Довмонт Псковский, зять Великого Князя. Доброхотствуя тестю, он с горстию воинов вломился в Ладогу, взял там казну его, даже много чужого, и возвратился в Копорье; но пользы не было: ибо Новгородцы немедленно осадили сию крепость и, принудив Довмонта выйти оттуда со всеми людьми Княжескими, срыли оную до основания. Внутренно, может быть, гнушаясь злодеянием Андрея Александровича, но жертвуя совестью особенным их выгодам, Новгородцы призвали его и возвели на престол Св. Софии.

Между тем, сведав, что полки Ханские оставили Россию, Димитрий возвратился в Переславль, где жители изъявляли к нему усердие, и начал собирать войско. Андрей, видя опасность, спешил в Орду. Новгородцы

также не могли быть спокойны: имея недостаток в съестных припасах и боясь, чтобы Димитрий не занял хлебного Торжка, вверили защиту сего для них важного места надежному Боярину, Семену Михайловичу; велели ему доставить оттуда весь излишний хлеб водою в Новгород и соединились с друзьями Андреевыми, меньшим его братом, Даниилом Московским, и Святославом Тверским. Они хотели изгнать Великого Князя; встретив же его готового к битве, в пяти верстах от Дмитрова, остановились и заключили мир *на всей воле своей*, то есть Димитрий отказался от Новагорода и дал слово никогда не мстить его жителям. Но Андрей нашел гораздо усерднейших помощников в Моголах: сии варвары, всегда алчные к злодействам и добыче, не отказались и вторично услужить ему разорением великого княжения; напали со всех сторон на Суздальские области и стремились к Переславлю, означая свой путь кровию и пожарами. Димитрий не мог противиться: он бежал к сильному Ногаю, который, быв прежде воеводою Ханским, тогда уже самовластно господствовал от степей Слободской Украинской

и Екатеринославской Губернии до берегов Черного моря и Дуная.

Таким образом Князья Российские в самом источнике насилий искали способа защитить себя от оных и жертвовали последними остатками народной гордости выгодам собственного, личного властолюбия. Димитрий не обманулся в надежде: убежденный его справедливостию или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратил ему престол и власть не мечом и не кровопролитием, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнул быть ослушником, ибо сам новый Хан, Тудан-Мангу, боялся Ногая. Братья примирились, хотя и не искренно; меньший отказался от Великого Княжения и даже не мог защитить своих друзей от мести Димитриевой. Мы упоминали о Вельможе Семене Тониглиевиче, главном советнике Андреевом, коему Летописцы дают имя коварного мятежника: Великий Князь послал двух Бояр умертвить его в Костроме, где он жил спокойно, надеясь на заключенный между братьями мир. Бояре, тайно схватив сего Вельможу, напрасно хотели сведать, не имеет ли Андрей

новых опасных замыслов: Семен ответственвал: «Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся; а мое дело верно служить Государю». Запираясь в том, чтобы Андрей по его совету призывал Моголов, и слыша угрозы, он равнодушно сказал: «И так Великий Князь не боится вероломства? клялся быть другом Андреевым и грозит казнию его Боярам!» Тогда исполнители Димитриева повеления убили сего человека жестокого, но смелого и решительного: свойства, без коих злодеи не могли бы так часто успевать в своих намерениях.

[1283—1284 г.] Андрей молчал и, не смея ни в чем спорить с Димитрием, уступил ему Новгород, хотя, будучи в Торжке, незадолго до сего времени дал клятву Новгородским чиновникам жить или умереть с ними. Он ходил даже вместе с Великим Князем и с Татарами смирять Новгородцев, не хотевших повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголов и спасти свою область от разорения, они согласились наконец зависеть от Димитрия, уступив ему Волок.

Увидим, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяние и миролю-

бие, действовал как лицемер; но прежде описания его новых злодейств изобразим тогдашние бедствия области Курской, где господствовали Олег и Святослав, потомки древних Владетелей Черниговских: первый в Рыльске и Ворголе, а второй в Липецке. Баскаком сего княжения был Ахмат Хивинец: взяв на откуп дань Татарскую, он угнетал народ, не исключая ни Бояр, ни Князей, и завел близ Рыльска две слободы, куда стекались негодяи всякого рода, чтобы, снискав его покровительство, грабить окрестные селения. Олег с согласия Святослава пожаловался на то Хану Телебуте, который, дав ему отряд Моголов, велел разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя в точности приказ его, вывели оттуда своих беглых людей, а других оковали цепями. Ахмат находился тогда у Ногая и, слыша, что сделалось в области Курской, описал ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его неприятелями. Сие обвинение имело некоторую тень истины: ибо легкомысленный Святослав, еще прежде Олегова возвращения из Орды, тревожил Баскаковы селения ночными нападениями, похожими на разбой. «Чтобы

увериться в справедливости моих слов, — говорил Ахмат Ногаю, — пошли сокольников в Олегову землю ловить лебедей и вели ему к тебе приехать: увидишь, что он не послушается». Олег не считал себя виновным, ибо исполнил только волю Хана; но, боясь клеветы Ахматовой, не захотел ехать к Ногаю, который, будучи раздражен его слушанием, послал войско наказать мнимого неприятеля. Мог ли Князь двух или трех ничтожных городков думать о сопротивлении? Олег бежал к Хану Телебуге, Святослав в леса Воронежские, а Моголы, разорив Курское владение, схватили 13 Бояр, также несколько странников и предали их скованных в жертву злобному Баскаку. Он злодейски умертвил первых, освободил странников и, подарив им окровавленные одежды казненных Бояр, сказал: *«Ходите из земли в землю и грамогласно объявляйте: так будет всякому, кто дерзнет оскорбить Баскака!»* Разоренные Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотом и другими плодами всеместного грабежа в Курской области: люди бежали в пустыни, несмотря на жестокость зимы; города и села

опустели так, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитых Бояр, видели, что некого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однако ж Ахмат боялся ушедших Князей и сам поехал к Ногаю, оставив вместо себя двух братьев для охранения слобод. Что он предвидел, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковых деревень, скоро должны были все разбежаться: ибо Святослав возвратился, стерег их на дорогах и несколько человек умертвил, не заботясь о следствиях. Тогда же приехал из Орды и родственник его, Олег, собратъ, успокоить народ и с Христианскими обрядами воздать честь погребения убитым Боярам, коих искаженные трупы еще висели на деревьях. Желая отвратить новую беду от земли Курской, сей Князь торжественно объявил Святослава преступником, говоря ему: «Мы были правы, а теперъ стали виновны. Дело твое есть вторичный разбой, всего более ненавистный Татарам и в самом нашем отечестве нетерпимый. Надлежало требовать суда от Хана: ты же не хотел ехать к нему, укрываясь в темноте лесов как злодей. Моя совесть чиста. Иди, оправдайся перед Царем».

Но Святослав не слушал ни упреков, ни советов его, ответствуя гордо: «Я волен в своих делах; наказал врагов моих и прав». Тогда Олег поехал с жалобой к Телебуге и, ревностно исполняя волю его, умертвил Святослава! Достойное замечания, что Летописцы сего времени нимало ни винят убийцы, осуждая безрассудность убитого: столь рабство изменяет понятия людей о чести и справедливости! Святослав казался злодеем, ибо, отражая насилие насиллием, подвергал Россиян гневу сильного тирана; а жестокий Олег, вонзив меч в сердце единокровного Князя, не заслужил их укоризны, ибо тем спасал себя и подданных от мести Татарской... Но себя не спас: брат Святослава, Александр, убил его вместе с двумя сыновьями и нашел способ умиливать Моголов. Сии завоеватели требовали единственно повиновения и даров, оставляя нашим Князьям право резать друг друга и, вступаясь иногда с великою ревностию за утесненного, готовы были тогда же взять сторону противную.

[1285 г.] Мы видели, что Ногай защитил Димитрия: увидим его и защитником Андрея.

Сей Князь городецкий, жив два года спокойно, призвал к себе какого-то Царевича из Орды и начал явно готовиться к важным неприятельским действиям. Великий Князь предупредил их: соединился с Удельными Владетелями, выгнал Царевича и пленил Бояр Андреевых. Сие действие могло оскорбить Хана и казалось дерзостью: Ростовцы поступили еще смелее. С неудовольствием смотря на множество Татар, привлекаемых к ним корыстолюбием и хотевших быть во всем господами, они положили на вече изгнать сих беспокойных гостей и [в 1289 г.] разграбили их имение. Владетель Ростовский, Димитрий Борисович, сват Великого Князя, немедленно послал в Орду брата своего Константина, чтобы оправдать народ или себя, и Хан на сей раз не вступился за обиженных Татар: чему были причиною или дары Княжеские, или тогдашние внутренние неурядица в Орде. Ногай более и более стеснял власть Ханскую: наконец [в 1291 г.] умертвил Телебугу и возвел на престол его брата, именем Тохту. К несчастью, Россия не могла еще воспользоваться сими междоусобиями ее тиранов, согласных в же-

лании угнетать оную.

Великий Князь, обязанный всем покровительству Ногая, мог быть еще спокойнее прежнего, видя его, располагающего судьбою Ханов. Чтобы тем более угодить ему, он послал в Орду сына, юного Александра (который там и скончался). Но Андрей хитрыми происками успел склонить на свою сторону многих Удельных Князей, в особенности же Феодора Ярославского, любимца — и как вероятно — зятя Ногаева, представляя им Димитрия опасным и готовым стеснить их права, хотя Великий Князь совсем не думал о самовластии. За несколько лет до того времени оскорбленный Тверским Владетелем, Михаилом Ярославичем, юношею гордым, он ходил вместе с Новгородцами воевать его области, но должен был заключить с ним мир у Кашина, не смев решиться на битву и как бы признав независимость Тверского Княжения. Андрей и Феодор, вступив в тесную связь, очернили Димитрия в глазах Ногая. весьма равнодушного к справедливости и довольного случаем обогатить своих Моголов новым впадением в Россию, где они били людей как птиц и брали до-

бычу, не подвергаясь ни малейшей опасности. [1293 г.] Ногай сказал слово, и многочисленные полки Моголов устремились на разрушение. Дюдень, брат Хана Тохты, предводительствовал ими; а Князья, Андрей и Феодор, указывали ему путь в сердце отечества. Дмитрий находился в Переславле: не имея отважности встретить Дюденя ни с оружием, ни с убедительными доказательствами своей невинности, он бежал через Волок в отдаленный Псков, к верному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княжение и могли бы сделать то без всякого кровопролития: ибо никто не думал сопротивляться воле Ногаевой; но сей предлог был только обманом. Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были ими взяты как неприятельские, люди пленены, жены и девицы обруганы. Духовенство, свободное от дани Ханской, не спаслося от всеобщего бедствия: обнажая церкви, Татары выломали даже медный пол собора Владимирского, называемый чудесным в летописях. — В Переславле они не нашли ни одного

человека: ибо граждане удалились заблаговременно с женами и с детьми. Даниил Александрович Московский, брат и союзник Андреев, дружелюбно впус­тив Татар в свой город, не мог защитить его от грабежа. Ужас царствовал повсюду. Одни леса дремучие, которыми сия часть России тогда изобиловала, служили убежищем для земледельцев и граждан.

Дюдень, вступив в Тверскую область, думал взять столицу тем удобнее, что Князь Михаил находился в Орде. К счастью, Бояре и народ изъявили великодушную смелость: с обрядами священными дав клятву друг другу обороняться до последнего человека, они составили войско, довольно сильное числом; многие люди из других областей, спасаясь от Моголов, прибежали в Тверь и вооружились вместе с ее мужественными гражданами. К внезапной их радости явился и Князь Михаил, двадцатилетний юноша, любимый всеми. Не зная, что Татары заняли Москву, он было едва не попался к ним в руки; но один сельский Священник в окрестностях ее дал ему весть о том и показал дорогу безопасную. Ду-

ховенство встретило Князя с крестами, народ с восхищением; думая, что он привез к ним спасение и победу, самые малодушные ободрились. Мужество в некоторых случаях так же легко сообщается, как и робость. Недостойный Князь Андрей, быв свидетелем всех злодейств Татарских, уже вел Дюденя к Твери; но сведав, что жители ее под начальством Михаила готовы дать им отпор сильный, Моголы обратились к Новгородской области, ибо искали в России не славы побед, а только одной безопасно добываемой корысти. Разорением Волока заключилось сие губительство. Прислав дары Воеводе Могольскому, Новгородцы объявили там Андрею, что они всегда желали иметь его своим Князем и что ему нет нужды идти к ним с Татарами. Дюдень отступил и вышел из России. Андрей приехал в Новгород; союзник же его, Феодор Ростиславич, взял себе Переславль Залесский. Сей Князь по смерти братьев, Глеба и Михаила Ростиславичей, господствовал и в Смоленске, но скоро должен был уступить оный племяннику, Александру Глебовичу, воину мужественному, который (в 1285 году) счастливо

отразил от столицы своей Князя Брянского, Романа Михайловича.

Великий Князь ждал только отбытия полков Дюденевых и хотел немедленно возвратиться в свою наследственную Переславскую область, зная, что усердный к нему народ возьмет его сторону. Андрей с дружиною Новгородскою перехватил брата на пути, близ Торжка. Великий Князь, оставив казну свою в руках Андреевых, ушел в Тверь, где юный Михаил принял его со всею должною честью и вызвался быть миротворцем между ими, чтобы избавить отечество от дальнейших бедствий. Епископ Тверской и Святослав (Князь или Вельможа) поехали в Торжок, убеждали, молили Андрея и наконец успели в благом деле своем. Великий Князь отказался от старейшинства и престола Владимирского, довольный наследственным Переславским Уделом; а Новгородцы получили обратно Волок. Согласно с главным условием мира, Феодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: он не мог противиться воле Андреевой, но, выезжая из сего города, обратил его в пепел. Димитрий сведал о том уже в последние часы

своей жизни: занемог, постригся и близ Волока умер на пути: Государь, памятный одними несчастиями, претерпенными Россиею в его княжение от Андреева безумного властолюбия! Летописцы прибавляют, что в сии горестные времена были страшные небесные знамения, громы, вихри и смертоносные болезни.

Новгородцы при Димитрии также не пользовались ни внутренним, ни внешним миром, в 1287 году смененный Посадник, Симеон Михайлович, несправедливо обвиняемый во злоупотреблениях власти, был осажден в доме своем шумными вооруженными толпами; но Архиепископ спас его, проводив в Софийскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всеми признанный невинным, Посадник умер с горести, видеv легковерие и жестокость сограждан. Конец восставал на *конец* , улица на улицу: так называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Ратьшинича, убитого ее жителями на дворе Архиепископском. В 1291 году крамольники опустошили богатые лавки купеческие: народ, вследствие тор-

жественного суда, утопил двух главных виновников сего злодейства. — Немцы часто тревожили Новгородцев, разбивали их суда на Ладожском озере и хотели обложить данию Корелу: мужественный Посадник Симеон, в устье Невы победив Немецкого воеводу Трунду, истребил большую часть его *шнек* и *лойв*, или судов. Шведы, раздраженные нападением отряда Новгородского на Финляндию, приходили разорять земли Ижерскую и Корельскую. Их было 800 человек: ни один не спасся; жители сих областей сами собою управились с ними. Но в следующий год (1293) Шведы заложили крепость на границах Корелии, нынешний Выборг, и Новгородцы, приступив к ней с малыми силами, возвратились без успеха. Король Шведский, Биргер, желал утвердиться в Корелии для того, чтобы обуздать ее свирепых жителей, непрестанно беспокоивших его северо-восточные владения и грабивших суда купеческие на Финском заливе; хотел также укоренить в ней Латинскую Веру и присвоить себе господство над торговлею Немцев с Новымгородом: чему свидетельством служит грамота, данная Бир-

гером Любеку и другим городам приморским, в коей он, обещая им покровительство, строго запрещает их купцам ввозить оружие и всякое железо в Россию.

Набеги Литовцев продолжались, особенно на области Тверскую и Новгородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцова, Ржева, Твери, но и Москвитяне с Дмитровцами должныствовали вооружиться (в 1285 году) и, соединенными силами поразив толпы сих хищников, убили их Князя, именем Домонта.

Гораздо важнее и несчастнее для России, как пишет Историк Длугош, было (в 1280 году) сражение Льва Данииловича Галицкого с Поляками. По кончине доброго Болеслава, умершего бездетным, Лев думал быть его наследником и Государем всей Польши; не мог склонить к тому Вельмож Краковских (избравших Лешка, Болеславова племянника) и, желая силою овладеть некоторыми из ближайших ее городов, сам ездил в Орду к Ногаю требовать от него войска. Однако ж, несмотря на многочисленные толпы Моголов, данные ему Ханом, Воеводы Лешковы одержали над ним блестящую победу, взяв 2000 пленников,

семь знамен и положив на месте 8000 человек. Князья благоразумные, Владимир-Иоанн и Мстислав Даниилович, весьма неохотно участвовали в сем походе, осуждая призвание Моголов, которым слепое властолюбие Льва указывало путь к дальнейшим опустошениям стран Христианских. Но провидение охраняло Запад. Так сильные Вожди Ханские, Ногай и Телебуга, в 1285 году предприняв совершенно разрушить Венгерскую Державу и взяв с собою Князей Галицких, наполнили стремнины Карпатские трупами своих воинов. Россияне были для них худыми путеводителями: где надлежало идти три дня, там Моголы скитались месяц; сделался голод, мор, и Телебуга возвратился *пеш с одною женою и кобылою*, по словам летописца. Около ста тысяч варваров погибло в горах и пустынях. Несмотря на то, Ногай и Телебуга в 1287 году с новыми силами явились на берегах Вислы: Герцог Лешко бежал из Кракова; никто не мыслил обороняться в Польше: но, к ее спасению, вожди Татарские боялись, ненавидели друг друга; не захотели действовать совокупно и, без битвы пленив множество людей, удалились. Телебу-

га на возвратном пути остановился в Галиции, требуя гостеприимства от ее Князей, вместе с ним неволею ходивших за Вислу; а в благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россиян и сообщили им язву, от коей умерло в одних Львовских областях 12500 человек и которая, если верить сказанию Длугоша, произошла от того, что Моголы испортили воды в Галиции ядом, будто бы извлеченным ими из мертвых тел. Сие бедствие уверило Льва Данииловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголов от покушений на Запад: ибо Галич и Волыния, служа им перепутьем, страдали в таком случае не менее тех земель, куда стремились сии варвары.

Здесь подробные сказания Волынского Летописца о происшествиях его отчизны заключаются известием о болезни и кончине Владимира-Иоанна Васильковича, любителя правды, кроткого, милостивого, трезвого и за особенную ученость по тогдашнему времени названного *Философом*. Сей добрый Князь Владимирский четыре года страдал как Иов. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпеливо боль, он зани-

мался делами и ездил на коне. Недуг усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижние зубы и челюсти выгнили. Предвидя смерть, Владимир собрал все драгоценности, золотые и серебряные поясы отцовские и собственные, монеты бабкины, материны, большие серебряные блюда, золотые кубки; слил их в гривны и роздал бедным вместе с Княжескими стадами. Не имея детей, он в Духовном завещании объявил наследником своим Мстислава Данииловича, мимо старшего Льва и сына его Юрия (женатого на дочери Ярослава Тверского): ибо не любил их за лукавые проски. Так Лев, сведав о тяжелой болезни Владимира, прислал к нему Святителя Перемышльского, Мемнона, чтобы выпросить у него Брест, *на свечу для гроба Даниилова*, как говорил сей Епископ. «А что брат наш Лев дал в память родителя моего? — сказал Владимир: — господствуя в трех Княжениях, Галицком, Перемышльском, Бельзском, хочет взять и Брест; но не обманет меня». Тщетно и Юрий притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный им Удела, и надеялся вымолить у дяди сию же область. Умирая, Владимир отка-

зал супруге, именем Елене, город Кобрин, поручил ее наследнику своему, равно как и юную питомицу их, неизвестную Княжну Изяславу, взятую ими в пеленах от матери, — и преставился в Любомле (в 1289 году), а погребен, *обвитый бархатом с кружевами*, в Владимире, в церкви Св. Богоматери, Епископом Евсегением. Нежная супруга и сестра Ольга оплакали его вместе с подданными и бывшими там иноземцами, в числе коих Летописец именует Евреев, сказывая далее, что сей Князь был отменно высокого роста и прекрасный лицом, имел желтые кудреватые волосы, голос толстый, и стриг бороду вопреки обыкновению; что он построил город Каменец за Брестом на реке Лыстне (где все места по кончине Романа, отца Даниилова, 80 лет пустыли), везде исправил, обновил крепости, украсил многие церкви живописью, серебром, финифтью и наделил священными книгами, им самим списанными; что наследник Владимиров, Мстислав, уподоблялся ему в добродетелях: одною угрозою выгнал Юрия Львовича из Бреста, Каменца, Бельска и в наказание обложил их жителей необыкновен-

ною податю. Летописец Волынский жил в сие время: он называет его счастливым. Уже Татары не беспокоили западной России и были довольны, получая от ее Князей дань, собираемую с народа. Владетели Литовские, братья Будикид и Буйвид, купили дружбу Мстислава, уступив ему Волковыеск. Ятвяги, отчасти присоединенные к Литве Тройденом, не смели оскорблять Россиян, желая получать от них хлеб и представляя им в обмен воск, бобров, черных куниц и даже серебро. Польша терзалась в междоусобиях: Болеслав и Конрад Самовитовичи, враги Генрика Вратиславского, искали благосклонности Князей Галицких. Лев, помогая им, осаждал Краков: не взял его от измены Вельмож Болеславовых, но возвратился с великою добычею, разорив область Генрикову и заключив тесный союз с Королем Богемским. Одним словом, Галиция и Волыния отдохнули, славя мудрость и знаменитость своих Государей. Еще род Святополка-Михаила господствовал в Пинске: последний Князь его, нам известный, был Георгий Владимирович, *добрый и правдивый* (от того же, вероятно, колена произошли Князья

Степанские, упоминаемые в летописи Волынской). — Теперь обратимся к северной России.

Во время Димитрия Александровича возвысилось могуществом новое Княжение Тверское, которое, быв частью Суздальского, или Владимирского, сделалось особенным при Ярославе Ярославиче, учредившем там Епископию. Первый Святитель Тверской, Симеон, имел уже многие, богатые волости, Олешну и другие, данные ему Князем; а преемник Симеонов, Игумен Андрей, был сын Литовского Князя Герденя и Христианки Евпраксии, тетки Довмонта Псковского. Сего второго Епископа Тверского ставил уже новый Митрополит Максим: ибо Кирилл (в 1280 году) скончался в Переславле Залесском, быв Главою нашей Церкви 31 год; тело его отвезли для погребения в Киев. Едва ли кто-нибудь из древних Митрополитов Российских превосходил Кирилла в добродетелях истинно Пастырских. Он мирил Князей с народом, просвещал Духовенство, искоренял заблуждения, одушевленный ревностию к Вере и к чистоте Евангельского учения. Расскажем один любопытный случай, который ясно представляет благора-

зумие сего Митрополита. Услышав, что Епископ Ростовский, Игнатий, вздумал судить давно умершего доброго Князя Глеба Васильковича и как недостойного велел ночью перенести в гробе из Соборной церкви в монастырь Спасский, Кирилл, оскорбленный таким злоупотреблением Духовной власти, отлучил Епископа от службы и, наконец, против его из уважения к ревностному представительству Князя Дмитрия Борисовича Ростовского, сказал ему: «Игнатий! Оплакивай во всю жизнь свое безумие, дерзнув осудить мертвеца прежде суда Божия! Когда Глеб был жив и властвовал, ты искал в нем милости, брал от него дары, вкусно ел и пил за столом Княжеским, и в благодарность за то обругал тело покойника! Кайся во глубине сердца, да простит Бог твое согрешение!» — Кирилл посылал Епископа Сарского, Феогноста, к Патриарху Константинопольскому, Иоанну Векку, славному ученостию и красноречием, но изменнику православия: ибо Иоанн хотел подчинить Церковь Восточную Западной. Патриарх действовал так в угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего

Царства и в надежде, что Папа примирит его с братом Св. Людовика, опасным Карлом д'Анжу, который, господствуя на Средиземном море, угрожал Империи Греческой. Российский Епископ видел в Константинополе несчастный раскол, гонение и даже казнь многих ревностных сановников Церкви, громогласно осуждавших Царя, и возвратился (в 1279 году) к Митрополиту с известиями печальными. Духовенство Российское, по кончине знаменитого Кирилла, два года не имело Главы, ибо не хотело, как вероятно, принять нового Митрополита от злочестивого Иоанна Векка. Максим в 1283 году был посвящен старцем Иосифом, вторично призванным на Патриаршество по смерти Императора Михаила и предавшим анафеме уставы Латинской Церкви. — В одной летописи сказано, что преемник Кириллов, Грек Максим, прибыв в Россию, ездил в Орду и после сзывал для чего-то всех наших Епископов в Киев; но сие известие, не подтверждаемое другими достовернейшими Летописцами, остается сомнительным. Доселе ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали в Орде, кроме Сарского, жив-

шего в ее столице. Достоинно замечания, что Епископ Феогност ездил оттуда в Константинополь не только по церковным делам, по и в качестве Ханского Посла к Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — в тот самый год, как Дюденево войско злодействовало в России, — был побежден Ханом Тохтою и найден между убитыми. Кажется, что в сие время уже разные Воеводы Могольские присвоивали себе имя Царей: ибо в наших летописях упоминается еще о каком-то Царе Токтомере, который (около 1293 году) приезжал в Тверь, утеснял народ и возвратился с богатою корыстию в свои Улусы.

Глава VI

Великий князь Андрей Александрович. 1294—1304 г.

Браки. Свойства Андреевы. Суд Князей. Сеймы Княжеские. Москва усиливается. Смелость Россиян. Смерть Даниила Московского. Междоусобия в Княжениях. Война с Орденом Ливонским. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Мир с Даниею. Смерть Андреева. Разные бедствия. Митрополиты в Владимире. Кончина Льва Галицкого. Двинская грамота.

Наконец властолюбивый Андрей уже мог назваться законным Великим Князем России; никто не спорил с ним о сем достоинстве. Константин Борисович, по кончине старшего брата, сел на престоле Ростовском, отдав Углич своему сыну, Александру. Великий Князь и Михаил Тверской женились на дочерях умершего Димитрия Борисовича, и два года протекли в тишине.

Но мог ли Андрей, разоритель отечества,

требовать любви от народа и почтения от Князей? Он не имел и тех свойств, коими злодеи человечества закрашивают иногда черноту свою: ни ревностного славолюбия, ни великодушного мужества; брал города, истреблял Христиан руками Моголов, не обнажав меча, не видав опасности и пролив множество невинной крови, не купил даже права назваться победителем!

[1295—1297 гг.] В тогдашних обстоятельствах России Великому Князю надлежало бы иметь превосходную душу Александра Невского, чтобы не именем только, но в самом деле быть Главою частных Владетелей, из коих всякий искал независимости. Михаил Тверской и Феодор Ярославский приобрели оную в княжение Димитрия, а Даниил Московский и сын Дмитрия Александровича, Иоанн Переславский, хотели того же при Андрее. Открылась распря, дошедшая до вышнего судилища Ханова: сам великий Князь ездил в Орду с своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посол Ханский, избранный быть миротворцем, созвал Князей в Владимир. Они разделились на две стороны: Михаил Твер-

ской взял Даниилову (Иоанн же находился в Орде; вместо его говорили Бояре Переславские): Феодор Черный и Константин Борисович стояли за Андрея. Татарин слушал подсудимых с важностью и с гордым видом, но не мог удержать их в пределах надлежащего смирения. Разгоряченные спором Князя и Вельможи взялись было за мечи. Епископы, Владимирский Симеон и Сарский Исмаил, став посреди шумного сонма, не дали братьям резаться между собою. Суд кончился миром, или, лучше сказать, ничем. Посол Ханов взял дары, а Великий Князь, дав слово оставить братьев и племянника в покое, в то же время начал собирать войско, чтобы смирить их как мятежников. Желая воспользоваться отсутствием Иоанна, он хотел завладеть Переславлем, но встретил под Юрьевом сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Иоанн, отправляясь к Хану, поручил свою область защите Михаила Ярославича. Вторично вступили в переговоры и вторично заключили мир, который, сверх чаяния, не был нарушен до самой кончины Андреевой. Князя иногда ссорились, однако ж не прибегали к мечу и нахо-

дили способ мириться без кровопролития.

[1298—1304 гг.] Древние Сеймы Княжеские, учрежденные Мономахом при Святополке II, тогда возобновились, в обстоятельствах подобных и с тем же добрым намерением: ибо ни Святополк, ни Андрей не мог силою обуздывать частных Владетелей, и словесные убеждения, за недостатком иных средств, казались нужными. В сих торжественных собраниях присутствовали и знаменитые Духовные особы, как толкователи святых устоев правды и совести. Первое из оных, по смерти Феодора Ярославского, было в Дмитрове, где Андрей с братом Даниилом, с племянником Иоанном и с Михаилом кончил все дела дружелюбно, но где Князья Тверской и Переславский не могли в чем-то согласиться, доселе действовав единодушно. Хитрый Михаил привлек было на свою сторону и Новгородцев, заключив с ними договор, по которому они взаимно обязывались помогать друг другу в случае утеснений от Великого Князя и самого Хана: Новгород обещал правосудие всем Тверским истцам в его области, а Михаил отступался от закабаленных ему должников Ново-

городских, и проч. Андрей не мог помешать сему оскорбительному для него союзу и без сомнения был доволен размолвкою Михаила с Иоанном, которая уменьшала могущество первого. Но Иоанн, названный в летописях тихим, или кротким, тем согласнее жил с дядею своим, Даниилом, и в 1302 году, умирая бездетен, отказал ему Переславль. Князь Московский, въехав в сей город, выгнал оттуда Бояр Андрея, который считал себя истинным наследником Иоанновым, и, негодуя на властолюбие меньшего брата, поехал с жалобою к Хану. Область Переславская вместе с Дмитровом была по Ростове знаменитейшею в Великом Княжении, как числом жителей, Бояр, людей военных, так и крепостию столичного ее города, обведенного глубоким, наполненным водою рвом, высоким валом и двойною стеною под защитою двенадцати башен. Сие важное приобретение еще более утверждало независимость Московского Владетеля: Даниил же, за два года перед тем, победил и взял в плен Рязанского Князя, Константина Романовича, убив в сражении и *многих Татар* : смелость удивительная и не имевшая никаких

следствий. Таким образом Россияне начинали ободряться и, пользуясь дремотою Ханов, издалека острили мечи свои на конечное сокрушение тиранства.

Между тем как Андрей искал суда в Орде, Даниил [в 1303 г.] внезапно скончался, однако ж успев принять Схиму, по тогдашнему обыкновению людей набожных. Он первый возвеличил достоинство Владетелей Московских и первый из них был погребен в сем городе, в *церкви Св. Михаила*, оставив по себе долговременную память Князя доброго, справедливого, благоразумного и приготовив Москву заступить место Владимира.

Сведав о кончине Данииловой, Переславцы единодушно объявили Князем своим сына его, Юрия, или Георгия, у них бывшего, и даже не дозволили ему ехать на погребение отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занял их города. Георгий, успокоив народ и будучи уверен или в покровительстве, или в беспечности Хана, не только без страха ожидал Андрея, но хотел еще и новыми приобретениями умножить владения Московские; соединился с братьями, завоевал Можайск, Удел

Смоленский, и привел пленником тамошнею Князя, Святослава Глебовича, Феодорова племянника.

Наконец Великий Князь, быв целый год в Орде, возвратился с послами Тохты. Князь съехались в Переславле на общий Сейм (осенью в 1303 году). Там, в присутствии Митрополита Максима, читали ярлыки, или грамоты Ханские, в коих сей надменный повелитель объявлял свою верховную волю, да наслаждается Великое Княжение тишиною, да пресекутся распри Владетелей и каждый из них да будет доволен тем, что имеет. Андрей, Михаил и сыновья Данииловы возобновили договор мира; но Георгий удержал за собою Переславль, и, следственно, Великий Князь, хваляся впрочем милостию Тохты, не достигнул своей цели.

В сих Княжеских съездах не участвовали ни Рязанские, ни Смоленские, ни другие Владетели. Нашествие Моголов уничтожило и последние связи между разными частями нашего отечества: Великий Князь, не удержав господства над собственными Уделами Владимирскими, мог ли вмешиваться в дела

иных областей и быть — ежели бы и хотел — душою общего согласия, порядка, справедливости? Как в Великом, так и в частных Княжествах единокровные восставали друг на друга. Александр Глебович, отразив (в 1298 году) дядю своего, Феодора Черного, от Смоленска, хотел (через два года) взять Дорогобуж, город Смоленской области, ему непослушный; отнял у жителей воду, но, разбитый ими с помощью Князя *Вяземского*, Андрея, его родственника, отступил, исходя кровию от тяжелой раны. Роман Глебович, брат Александров, также был уязвлен стрелою; а юный сын последнего пал мертвый на месте сражения.

Мужество Россиян гораздо счастливее ознаменовалось тогда в битвах с врагами иноплеменными... Ливонские Рыцари (в 1299 году) неожиданно осадили Псков и, разграбив монастыри в его предместьи, убивали безоружных Монахов, женщин, младенцев. Князь Довмонт, уже старец летами, но еще воин пылкий, немедленно вывел свою дружину малочисленную, сразился с Немцами на берегу Великой, смял их в реку и, взяв в добычу множество оружия, брошенного ими в бег-

стве, отправил пленников, граждан Эстонского Феллина, к Великому Князю. Командор Ордена, предводитель Немцев, был ранен в сем несчастном для них сражении, о коем Ливонские Историки не упоминают и которое было последним знаменитым делом храброго Довмонта. Он преставился чрез несколько месяцев от какой-то заразительной болезни, смертоносной тогда для многих Псковитян, и кончина его была долгое время оплакиваема народом, самыми женами и детьми. Довмонт, названный в крещении Тимофеем, хотя родился и провел юность в земле варварской, ненавистной нашим предкам, но, приняв веру Спасителю, вышел из купели усердным Христианином и верным другом Россиян; тридцать три года служил Богу истинному и второму своему отечеству добрыми делами и мечем: удостоенный сана Княжеского, не только прославлял имя Русское в битвах, но и судил народ право, не давал слабых в обиду, любил помогать бедным. Женатый на Марии, дочери великого Князя Димитрия, не оставял сего изгнанника в несчастии и готов был положить за него свою голову; по смерти же

Димитрия свято наблюдал обязанности Князя Удельного и в рассуждении Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта более всех других Князей; воины, им предводимые, не боялись смерти. Обыкновенным его словом, в час опасности и кровопролития, было: «Добрые мужи Псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец; кто молод, тот брат! Помните отечество и Церковь Божию!» Он укрепил Псков новою каменною стеною, которая до самого XVI века называлась *Довмонтовою* и которую после (в 1309 году) Посадник Борис довел от церкви Св. Петра и Павла до реки Великой. Историк Литовский пишет, что Довмонт господствовал и над *Полоцкою* областью; но в 1307 году Литовцы купили оную у Немецких Рыцарей; ибо какой-то из тамошних Князей, обращенный в Латинскую Веру, отказал сей город Рижской Церкви, не имея наследников.

Шведы, основав в Корелии Выборг, в 1295 году заложили и нынешний Кексгольм: воеводою их был Витязь Сигге. Новгородцы взяли приступом сию крепость, не оставили ни одного Шведа живого, срыли вал и, чувствуя необходимость иметь укрепленное место на

берегу Финского залива, возобновили Копорье. Через пять лет сильный флот Шведский, состоящий из ста одиннадцати больших судов, вошел в Неву. Сам Государственный Правитель, или Маршал, Торкель Кнутсон, предводительствовал оным и начал строить новый город, в семи верстах от нынешнего С. Петербурга, при устье Охты, употребив для того весьма искусных Римских художников и назвав сию крепость Ландскроною, или *Венцем земли*. Летописец наш говорит только, что Великого Князя не было тогда в Новгороде и что Шведы, оставив в крепости войско, удалились; но Историки Шведские пишут, что Россияне, имея намерение сжечь их флот, хотели при сильном ветре пустить несколько горящих судов из Ладожского озера в Неву; но что маршал Торкель, уведомленный о сем через лазутчиков, велел оградить исток Невы потаенными сваями; что Новгородцы, видя неудачу, вышли из лодок, напали на Шведов и с великим уроном отступили; что знаменитый Матфей Кеттильмундсон, бывший после опекуном Шведского Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громо-

гласно вызывая на поединок храбрецов Российских, но что никто из них не принял его вызова. Сие известие может быть отчасти справедливо: ибо невероятно, чтобы Новгородцы беспрепятственно дали Маршалу основать и довершить крепость на берегу Невы. Чувствуя важность сего места, они убедительно звали к себе Великого Князя Андрея, который, долго медлив, наконец весною 1301 года пришел с полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодом и болезнями Шведы все еще бились мужественно, под начальством славного Витязя, Стена, храброго, но беспечного или слишком надменного: ибо он не хотел заблаговременно требовать вспоможения от Правителя Швеции, хладнокровно ответствуя другому благоразумнейшему витязю, именем Амундсону: «На что беспокоить Великого Маршала?» Россияне огнем и пращами в несколько дней истребили большую часть внешних укреплений и, не слушая никаких предложений Стеновых, готовились к решительному приступу. Тогда Амундсон напомнил своему начальнику слова его: «на что беспокоить Великого Маршала?» и вместе

с ним был изрублен победителями. Новгородцы взяли крепость и сравняли ее с землею, пленив горсть Шведов, которые долго оборонялись в погребе. Сей успех остался в летописях единственным достохвальным делом Андреевым: по крайней мере он участвовал в оном, имея в предмете безопасность отечества. Михаил Ярославич также хотел идти к берегам Невы; но узнал на пути, что страшная Ландскрона уже не существует.

Успокоенные со стороны Шведов, Новгородцы отправили за море Послов и заключили мир (в 1302 году) с Королем Датским Эриком VI, чтобы прекратить свои частые войны с Эстонисю, его областью. Впрочем, не надеясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внешних врагов и Князей Российских, они в тот же год заложили у себя большую *каменную* крепость: ибо вольность их ограждалась дотоле одним бранным *деревом*. Умножение опасностей требовало защиты твердейшей: умножение частных и казенных прибытков доставляло правительству способ воздвигнуть оную, без излишней тягости для граждан.

Великий Князь Андрей скончал жизнь свою Схимником в 1304 году [27 июля], заслужив ненависть современников и презрение потомства. Никто из Князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского.

Ужасы естественные и всякие несчастия ознаменовали десятилетнее время его княжения, так же как и Димитриево. К числу тогдашних явлений, воздушных и небесных, обыкновенно страшных для народа, принадлежала славная комета 1301 года, описанная Китайскими Астрономами и воспетая в стихах Пахимером. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голод, мор в некоторых местах и сильные пожары. В Твери сгорел дворец Княжеский (в 1298) со всею казною и драгоценностями; не успели вынести ни серебра, ни золота, ни оружия; сам Князь Михаил, ночью пробужденный огнем, едва мог спастись с юною супругою от пламени. В Новгороде обратились в пепел многие улицы (в 1299), Варяжская, Холопья, и Немецкий гостиный

двор. Изверги, пользуясь общим смятением, грабили имение, снесенное в церкви; убивали сторожей: злодейство, о коем Летописец говорит с праведным омерзением.

В княжение Андреево (в 1299 году) Митрополит Максим оставил навсегда Киев, чтобы не быть там свидетелем и жертвою несносного тиранства Моголов, и со всем Клиросом переехал в Владимир; даже большая часть Киевлян разбежалась по другим городам. После Ярослава и сына его, Александра Невского, великие Князья уже не имели никакой власти над странами Днепровскими. Кто из потомков Св. Владмира господствовал в оных, неизвестно (в летописях упоминается только о Князе Поросьском Юрии, служившем Мстиславу Данииловичу). Лев Галицкий не заботился о древней столице своих предков, оставленной, таким образом, в жертву варварам. Любимый, оплаканный подданными, он скончался мирно и тихо в 1301 году, дожив до глубокой старости и велел предать земле тело свое без всяких знаков пышности: Монахи одели его в простой саван и вложили ему в руку изображение креста. В городе Львове по-

казывают две харатейные жалованные грамоты, будто бы данные сим Князем тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близ Галича) Успения Богоматери на имение и на исключительное право суда Епископского; но та и другая кажутся изобретением позднейших времен. Слог обеих есть новое, неискusstvenное смешение языка русского с польским; в обеих именуются особенные *Митрополиты Галицкие*, коих не бывало, и в одной назван тогдашний *Киевский* Митрополит *Киприаном*, а Киприан пас Церковь уже во время Димитрия Донского и сына его. — Преемником Льва был сын Юрий, или Георгий, который по смерти дяди, Мстислава Данииловича, наследовав и Владимирскую область, возобновил титул своего деда и подобно Даниилу именовался *Королем Российским*, *Rex Russiae*, как изображено на печати сего Князя, сохраненной в архиве Кенигсбергском вместе с письмами Галицких Владетелей к Великим Магистрам Немецкого Ордена.

После несчастной для Немцев осады Пскова Россияне жили в мире и в тишине с Орденом Ливонским. Магистр в 1304 году

призывал в Дерпт всех своих чиновников и Епископов на Сейм, где они единодушно положили всячески избегать войны с нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбит Новгородцев или Псковитян и тем навлечет на себя месть их.

В числе наших собственных памятников сего времени заметим грамоту, писанную Великим Князем к Посадникам, Казначеям и к Старостам Заволочья. Там сказано, что в силу договора, заключенного Андреем с Новымгородом, он может посылать три *ватаги* для ловли на море, под начальством *Атамана Крутицкого*; что селения обязаны давать им корм и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлют его оттуда с морскими птицами; что ловцы Новгородские, согласно с уставом времен Александровых и Димитриевых, не должны в Заволочье ходить на *Терскую* сторону, и проч. Таким образом Великие Князья, участвуя в народных промыслах, старались умножать свои доходы.

Глава VII

Великий князь Михаил Ярославич. 1304—1319 г.

Спор о Великом Княжении. Злодейство Князя Московского. Дела Новгородские. Узбеки. Мужество Новгородцев. Георгий — зять Ханов. Умеренность и добродушие Михаила. Победа над Татарами. Суд в Орде. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаила. Город Маджары. Разбои Моголов. Петр Митрополит. Ярлык Ханский. Разные бедствия.

[1304—1305 гг.] Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастьем для России. Два Князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и Георгий Даниилович Московский; но первый с большим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следственно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым, и Бояре Великого Княжения, предав зем-

ле тело Андрееве, спешили в Тверь поздравить Михаила Государем Владимирским. Новгородцы также признали его своим Главою, в уверении, что Хан утвердит за ним Великое Княжение. Михаил обязался, подобно отцу, блюсти их уставы, восстановить древние границы между Новымгородом и землею Суздальскою; не требовать бывших волостей Дмитриевых и Андреевых: купленные же им самим, Княгинею или Боярами его в земле Новгородской отдать на выкуп или прежним владельцам или Правительству; не позволять *самосуда* ни себе, ни Княжеским судиям, но решать тяжбы единственно по законам; отправлять людей своих за Волок только из Новагорода, в двух ладиях, и проч.

Добрый Митрополит Максим тщетно уговаривал Георгия не искать Великого Княжения, обещая ему именем Ксении, матери Михайловой, и своим собственным любые города в прибавок к его Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к Хану, оставив Россию в несогласии и в мятеже. Одни города стояли за Князя Тверского, иные за Московского. Георгий едва мог спастись от друзей

Михаиловых, которые не хотели пустить его в Орду и думали задержать на пути в области Суздальской; а Бориса Данииловича, приехавшего в Кострому, схватили и послали в Тверь. Но второй Георгиев брат, Иоанн, разбил Тверитян, хотевших взять Переславль, и Воевода их, Акинф остался на месте сражения в числе убитых. Наместники Михаиловы хотели въехать в Новгород: жители не впустили их, сказав: «Мы избрали Михаила с условием, да явит грамоту Ханскую и будет тогда Князем нашим, но не прежде!» — В других областях господствовало безначалие и неустройство. Граждане Костромские, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывших его любимцев, самовольно их судили и наказывали; а чернь Нижнего Новгорода, вследствие мятежного Веча, умертвила многих Бояр как мнимых врагов отечества. Князь Нижегородский, Михаил, сын Андрея Ярославича, находился в Орде: он там женился; возвратясь в свой Удел, казнил виновников сего беззаконного Веча: ибо чернь не имела власти судебной, исключительного права Княжеского.

[1305—1308 гг.] Через несколько месяцев решилась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с Ханскою грамотою в Владимир, где Митрополит возвел его на престол Великого Княжения. Зная неуступчивость врага своего, он хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха; кровопролитный бой под ее стенами усилил только взаимную их злобу, бедственную для обоих, как увидим. Современные Летописцы винят одного Князя Московского, который в противность древнему обыкновению спорил с дядею о старейшинстве. Сверх того Георгий по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердись на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества. Мы говорили о несчастной судьбе Рязанского Владетеля, Константина, плененного Даниилом: он шесть лет томился в неволе; Княжение его, лишенное Главы, зависело некоторым образом от Московского. Георгий велел умертвить Константина, считая сие злодейство нужным для беспрекословного господства над Ряза-

ню, и весьма ошибся: ибо сын убиенного, Ярослав, под защитою Хана спокойно наследовал престол отеческий как Владелец независимый, оставив в добычу Георгию из городов своих одну Коломну. — Самые меньшие братья Георгиевы, дотоле служив ему верно, не могли с ним ужиться в согласии. Двое из них, Александр и Борис Данииловичи, уехали в Тверь, без сомнения недовольные его жестокостию.

Михаил несколько лет властвовал спокойно и жил большею частию в Твери. Его Наместники правили Великим Княжением и Новымгородом, коего чиновники относились к нему во всех делах государственных. Так, они письменно жаловались Михаилу на двух Княжеских Вельмож, Феодора и Бориса, бывших Начальниками во Пскове и в области Корельской: первый, сведав о нашествии Ливонских Рыцарей (в 1307 году), уехал из города, принудив тем оставленных без Вождя Псковитян заключить с Магистром, Гертом фон-Иокке, не весьма выгодный мир, и разорил многие села Новгородские; второй, утесняя Корелов, заставил их бежать к Шведам и си-

лою брал, что ему не принадлежало. Новгородцы желали навсегда избавиться от таких недостойных Правителей, вносили деньги за села, купленные в их областях сими Боярами, и предоставляли себе условиться изустно с Князем о прочем. Он ездил из Твери к Святой Софии и был принят гражданами с обыкновенными знаками усердия; однако ж не хотел сам предводительствовать ими, когда они, построив новую крепость на месте нынешнего Кексгольма, ходили на судах в Финляндию до реки Черной, или Кумо, где [в 1311 г.] сожгли город Ванай, осаждали Шведов в замке, на скале неприступной, и разорили множество селений. У бедных жителей, по словам Летописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россияне истребили там все, чего не могли увести с собою.

[1312 г.] Совершив благополучно сей дальний поход, Новгородцы начали ссориться с Князем, жалуясь, что он не исполняет договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаил, заняв войском Торжок, не велел пускать к ним хлеба, народ встревожился и, несмотря на весеннюю распутицу, отправил

в Тверь своего Архиепископа, Давида, чтобы обезоружить Великого Князя. Мир заключили скоро, ибо искренно желали его с обеих сторон: Новгород, опустошенный в сие время пожаром, имел необходимую нужду в подвозах и, лишенный оных, мог быть жертвою голода; а Михаил долженствовал немедленно ехать в Орду. Хан Тохта умер; сын его, юный Узбек, воцарился, славный в летописях Востока правосудием и ревностию к Вере Магометовой, восстановленной им во всех Могольских владениях: ибо Тохта был, кажется, язычником и не следовал учению Алкорана. Историк Абулгази пишет, что многие Татары, в знак особенной любви к сему Царю, назвались его именем, или Узбеками, донныне известными в Хиве и в землях окрестных.

[1313—1315 г.] Взяв с Новгородцев 1500 гривен серебра, Михаил возвратил им своих Наместников и, поехав в Орду, жил там целые два года. Столь долговременное отсутствие, без сомнения невольное, имело вредные следствия для него и для России. Шведы [в 1314 г.] сожгли Ладогу: Корелы, впустив их в Кексгольм, умертвили там многих Россиян.

Хотя Новгородцы отместили тем и другим, под начальством Михайлова Наместника выгнали Шведов и казнили изменников Корельских, но винули Михаила, что он, пресмыкаясь в Орде у ног Хановых, забывает отечество. Георгий Московский не замедлил воспользоваться сим расположением: родственник его, Князь Феодор Ржевский, приехал в Новгород, взял под стражу Наместников Михайловых и так оболъстил легкомысленных граждан, что они, признав Георгия своим Начальником, объявили даже войну Великому Князю. Едва не дошло до битвы: на одном берегу Волги стояли Новгородцы, на другом сын Михайлов, Димитрий, с верною Тверскою ратию. К счастью, осенние морозы, покрыв реку тонким льдом, удалили кровопролитие, и Новгородцы согласились на мир; а Князь Московский, обещая им благоденствие и вольность, сел на престоле Святой Софии.

Скоро позвали Георгия к Хану дать ответ на справедливые жалобы Михайловы. Он поручил Новгород брату своему Афанасию и, взяв с собою богатые дары, надеялся быть правым в таком судилище, где председатель-

ствовало алчное корыстолюбие. Но Михаил уже нес обнаженный меч и грамоту Узбекову. Сильные полки Моголов окружили его и вступили в Россию с Воеводою Тайтемером. Сия грозная весть поколебала, однако ж не смирила Новгородцев. Исчисляя в мыслях все одержанные ими победы со времен Рюрика до настоящего и вспомнив, что сам Михаил великодушною решимостию спас Тверь от нашествия Моголов, они вооружились и ждали неприятеля близ Торжка. Прошло шесть недель. Наконец явилась сильная рать Михаилава, Владимирская, Тверская и Могольская. Переговоров не было: [10 февраля 1316 г.] вступили в бой, жестокий, хотя и неравный. Никогда Новгородцы не изъявляли более мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались как Герои. Множество их легло на месте; остаток заключился в Торжке, и Михаил, как победитель, велел объявить, чтобы Новгородцы выдали ему Князей Афанасия и Феодора Ржевского, если хотят мира. Слабые числом, обогранные кровию, своею и чуждою, они единодушно ответствовали: «Умрем за Святую Софию и за Афа-

насия; честь всего дороже». Михаил требовал по крайней мере одного Феодора Ржевского: многие и того не хотели; наконец уступили необходимости и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Некоторые из Бояр Новгородских вместе с Князем Афанасием остались аманатами в руках победителя; другие отдали ему все, что имели: коней, оружие, деньги. Написали следующую грамоту: «Великий Князь Михаил условился с Владыкою и с Новымгородом не вспоминать прошедшего. Что с обеих сторон захвачено в междоусобие, того не отыскивать. Пленники свободны без окупа. Прежняя Тверская Феоктистова грамота должна иметь всю силу свою. Новгород платит Князю в разные сроки от второй недели Великого Поста до Вербной, 12000 гривен серебра, зачитая в сей платеж взятое в Торжке у Бояр Новгородских имение. Князь, приняв сполна вышеозначенную сумму, должен освободить аманатов, изрезать сию грамоту и править нами согласно с древним уставом».

Сей мир, вынужденный крайностию, не мог быть истинным, и Великий Князь, сведав,

что послы Новгородские тайно едут в Орду с жалобой на него, велел переловить их; отозвал Наместников Княжеских из Новагорода и пошел туда с войском. Новгородцы укрепили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Корелов, Ижерцев, Вожан и ревностно готовились к битве, одушевленные любовью к вольности и ненавистию к Великому Князю. Он имел еще друзей между ими, но робких, безмолвных: ибо народ свирепо вопил на Вече и грозил им казнию; свергнул одного Боярина с моста за мнимую измену, а другого, совершенно невинного, умертвил по доносу раба, что господин его в переписке с Михаилом. — Такое ужасное остервенение и многочисленность собранных в Новгороде ратников изумили Великого Князя: он стоял несколько времени близ города, решился отступить и вздумал, к несчастью, идти назад ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его между озерами и болотами тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы.

Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною.

[1317 г.] Тогда Новгородцы прислали в Тверь Архиепископа Давида, без всякой надменности моля Великого Князя освободить их аманатов; предлагали ему серебро, мир и дружбу. «Дело сделано, — говорили они: — желаем спокойствия и тишины». Михаил отвергнул сие предложение; стыдился мира бесчестного, хотел победить и даровать его.

[1318 г.] Между тем Георгий жил в Орде, три года кланялся, дарил и приобрел наконец столь великую милость, что юный Узбек, дав ему старейшинство между Князьями Российскими, женил его на своей любимой сестре Кончаке, названной в крещении Агафиею: дело не весьма согласное с ревностию сего Хана к Вере Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою их, Кавгадыем, Георгий возвратился в Россию и, пылая нетерпением сокрушить врага, хотел немедленно завоевать Тверь. Михаил отправил к нему Послов. «Будь Великим Князем, если так угодно Царю, — сказали они Георгию именем своего Госуда-

ря: — только оставь Михаила спокойно княжить в его наследии; иди в Владимир ипусти войско». Ответом Князя Московского было опустошение Тверских сел и городов до самых берегов Волги. Тогда Михаил призвал на совет Княжеский Епископа и Бояр. «Судите меня с племянником, — говорил он: — не сам ли Хан утвердил меня на Великом Княжении? Не заплатил ли я ему *выхода*, или Царской пошрины? Теперь отказываюсь от сего достоинства и не могу укротить злобы Георгия. Он ищет головы моей; жжет, терзает мою наследственную область. Совесть меня не упрекает; но может быть, ошибаюсь. Скажите ваше мнение: виновен ли я пред Георгием?» Епископ и Бояре, умиленные горестию и добросердечием Князя, единогласно отвечали ему: «Ты прав, Государь, пред лицом Всевышнего, и когда смирение твое не могло тронуть ожесточенного врага, то возьми праведный меч в десницу; иди: с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго Князя». — «Не за меня одного (сказал Михаил), но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни. Вспомните речь

Евангельскую: *кто положит душу свою за друга, той велик наречется*. Да будет нам слово Господне во спасение!» Великий Князь, предводительствуя войском мужественным, встретил полки Георгиевы, соединенные с Татарами и Мордвою, в 40 верстах от Твери, где ныне селение Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаил искал смерти: шлем и латы его были все истрелены, обсечены, но Князь цел и невредим; везде отражал неприятелей и наконец обратил их в бегство. Сия победа [22 декабря] спасла множество несчастных Россиян, жителей Тверской области, взятых в неволю Татарами: смотря издали на кровопролитие, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали от радости. Михаилу представили жену Георгиеву, брата его Бориса Данииловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вместе с другими пленниками. Великий Князь запретил воинам убивать Татар и, ласково угостив Кавгадыя в Твери, с богатыми дарами отпустил его к Хану. Сей лицемер клялся быть ему другом; обвинял себя, Георгия и говорил, что они воевали Тверскую

область без повеления Узбекова.

Князь Московский бежал к Новгородцам, которые, еще не зная об успехе его в Орде, дали Михаилу слово не вмешиваться в их распрю. (В сие время они мстили Шведам за разбитие наших судов на Ладожском озере: воевали приморскую часть Финляндии; взяли город *Финского Князя* и другой — *Епископов*, или нынешний Або.) Узнав торжество Михайлово, Новгородцы вступились за Георгия: собрали полки и приблизились к Волге. На другой стороне ее развевались знамена Тверские, украшенные знаками свежей победы; однако ж Великий Князь не хотел вторичной жестокой битвы и предложил Георгию ехать с ним в Орду. «Хан рассудят нас, — говорил Михаил, — и воля его будет мне законом. Возвращаю свободу супруге твоей, брату и всем Новгородским аманатам». На сем основании сочинили договорную грамоту, в коей *Георгий* именован *Великим Князем* и по коей Новгородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области, а Послы их ездить чрез оную безопасно. К несчастью, жена Георгиева скоропостижно умерла

в Твери, и враги Михайловы распустили слух, что она была отравлена ядом. Может быть, сам Георгий вымыслил сию клевету: по крайней мере охотно верил ей и воспользовался случаем очернить своего великодушного неприятеля в глазах Узбековых. Провождаемый многими Князьями и Боярами, он вместе с Кавгадыем отправился к Хану; а неосторожный Михаил еще долго медлил, послав в Орду двенадцатилетнего сына, Константина, защитника слабого и бессловесного.

Между тем как враг его ревностно действовал в Сарае и подкупал Вельмож Могольских, Великий Князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России, спокойно занимался в Твери делами правления; наконец, взяв благословение у Епископа, поехал. Великая Княгиня Анна провожала его до берегов Нерли: там он исповедался с умилением, и, вверяя Духовнику свою тайную мысль, сказал: «Может быть, в последний раз открываю тебе внутренность души моей. Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий: по крайней мере буду доволен, если хотя смерть моя успокоит его».

Михаил, скрывая сие горестное предчувствие от нежной супруги, велел ей возвратиться. Посол Ханский, именем Ахмыл, объявил ему в Владимире гнев Узбеков. «Спеши к Царю, — говорил он: — или полки его чрез месяц вступят в твою область. Кавгадый уверяет, что ты не будешь повиноваться». Устрашенные сим известием, Бояре советовали Великому Князю остановиться. Добрые сыновья Михайловы, Димитрий и Александр, также заклинали отца не ездить в Орду и послать туда кого-нибудь из них, чтобы умилоствовать Хана. «Нет, — отвечал Михаил: — Царь требует меня, а не вас: подвергну ли отечество новому несчастью? Можем ли бороться со всею силою неверных? За мое послушание падет множество голов Христианских; бедных Россиян толпами поведут в плен. Мне надобно будет умереть и тогда: не лучше ли же ныне, когда могу еще своею погибелю спасти других?» Он написал завещание, распорядил сыновьям Уделы, дал им отеческое наставление, как жить добродетельно, и простился с ними навеки.

Михаил нашел Узбека на берегу моря Су-

рожского , или Азовского, при устье Дона; вручил дары Хану, Царице, Вельможам и шесть недель жил спокойно в Орде, не слыша ни угроз, ни обвинений. Но вдруг, как бы вспомнив дело совершенно забытое, Узбек сказал Вельможам своим, чтобы они рассудили Михаила с Георгием и без лицепрятия решились, кто из них достоин казни. Начался суд. Вельможи собрались в особенном шатре, подле Царского; призвали Михаила и велели ему отвечать на письменные доносы многих Баскаков, обвинявших его в том, что он не платил Хану всей определенной дани. Великий Князь ясно доказал их несправедливость свидетельствами и бумагами; но злодей Кавгадый, главный доноситель, был и судиею! Во второе заседание привели Михаила уже связанного и грозно объявили ему две новые вины его, сказывая, что он дерзнул обнажить меч на Посла Царева и ядом отравил жену Георгиеву. Великий Князь отвечал: «В битве не узнают Послов; но я спас Кавгадыя и с честью отпустил его. Второе обвинение есть гнусная клевета: как Христианин свидетельствуюсь Богом, что у меня и на мысли не было такого

злодеяния». Судии не слушали его, отдали под стражу, велели оковать цепями. Еще верные Бояре и слуги не отходили от своего злосчастного Государя: приставы удалили их, наложили ему на шею тяжелую колодку разделили между собою все драгоценные одежды Княжеские.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терекка со всем войском, многими знаменитыми данниками и Послами разных народов. Сия любимая забава Ханова продолжалась обыкновенно месяц или два и разительно представляла их величие: несколько сот тысяч людей было в движении; каждый воин украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшего коня; купцы на бесчисленных телегах везли товары Индейские и Греческие; роскошь, веселие господствовали в шумных, необозримых станах, и дикие степи казались улицами городов многолюдных. Вся Орда тронулась: вслед за нею повлекли и Михаила, ибо Узбек еще не решил судьбы его. Несчастный Князь терпел уничижение и муку с великодушною твердостью. На пути из Владимира к морю Азовскому он несколько раз приоб-

щался Святых Таин и, готовый умереть как должно Христианину, изъявил чудесное спокойствие. Печальные Бояре снова имели к нему доступ: Михаил ободрял их и с веселым лицом говорил: «Друзья! Вы долго видели меня в чести и славе: будем ли неблагодарны? Вознегодуем ли на Бога за уничтожение кратковременное? Выя моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную». Ночи проводил он в молитве и в пении утешительных Псалмов Давидовых; Отрок Княжеский держал перед ним книгу и перевертывал листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый в один день вывел его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставил на колена, ругался над ним и вдруг, как бы тронутый сожалением, сказал ему: «Не унывай! Царь поступает так и с родными в случае гнева; но завтра, или скоро, объявят тебе милость, и снова будешь в чести». Торжествующий злодей удалился. Князь, изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его, рассказывая друг другу, что сей узник был великим Государем в земле своей. Глаза Михаилу

ловы наполнились слезами: он встал и пошел в вежу, или шатер, читая тихим голосом из псалма: *Вси видящие мя покиваху главами своими... уповаю на Господа!* — Несколько раз верные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не знал постыдного бегства, — отвечал Михаил: — оно может только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будет!»

Орда находилась уже далеко за Тереком и горами Черкасскими, близ Врат Железных, или Дербента, подле Ясского города Тетякова, в 1277 году взятого нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступал к Царю со мнимыми доказательствами, что Великий Князь есть злодей обличенный: Узбек, юный, неопытный, опасался быть несправедливым; наконец, обманутый согласием бессовестных судей, единомышленников Георгиевых и Кавгадыевых, утвердил их приговор.

Михаил сведал и не ужаснулся; отслушав Заутреню (ибо с ним были Игумен и два Священника), благословил сына своего, Константина; поручил ему сказать матери и братьям,

что он умирает их нежным другом; что они, конечно, не оставят верных Бояр и слуг его, которые у престола и в темнице изъясляли Государю равное усердие. Час решительный наступал. Михаил, взяв у священника Псалтирь и разогнув оную, читал слова: *сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя*. Душа его невольно содрогнулась. Игумен сказал ему: «Государь! В сем же Псалме, столь тебе известном, написано: *возверзи на Господа печаль твою*». Великий Князь продолжал: *кто даст ми криле яко голубине? и полещу и почию ...* Умиленный сим живым образом свободы, он закрыл книгу, и в то самое мгновение вбежал в ставку один из его Отроков с лицом бледным, сказывая дрожащим голосом, что Князь Георгий Даниилович, Кавгадый и множество народа приближаются к шатру. «Ведаю, для чего, — отвечивал Михаил и немедленно послал юного сына своего к Царице, именем Баялыни, будучи уверен в ее жалости. Георгий и Кавгадый остановились близ шатра, на площади, и сошли с коней, отрядив убийц совершить беззаконие. Всех людей Княжеских разогнали: Михаил

стоял один и молился: Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, именем *Романец* (следственно, Христианской Веры), вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Народ вломился в ставку для грабежа, позволенного у Моголов в таком случае. — Георгий и Кавгадый, узнав о смерти Святого Мученика — ибо таковым справедливо признает его наша Церковь — сели на коней и подъехали к шатру. Тело Михаила лежало нагое. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «Он твой дядя: оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Георгиев закрыл оный своею одеждою.

Михаил не обманулся в надежде на добродушие супруги Узбековой: она с чувствительностью приняла и старалась утешить юного Константина, защитила и Бояр его, успевших отдать себя в ее покровительство: другие же, схваченные злыми врагами их Государя, были истерзаны и заключены в оковы. — Георгий послал тело Великого Князя в Маджары, город торговый (на реке Куме, в Кавказской Губернии), где, как вероятно, обитали некогда Угры, изгнанные Печенегами из Ле-

бедии. Там многие купцы, зная лично Михаила, желали прикрыть оное драгоценными плащеницами и внести в церковь ; но Бояре Георгиевы не пустили их к окровавленному трупу и поставили его в хлеве. В Яском городе *Бездеже* они также не хотели остановиться у церкви *Христианской* , днем и ночью стерегли тело; наконец привезли в Москву и погребли в монастыре Спасском (в Кремле, где стоит еще древняя церковь Преображения).

Злодей Кавгадый чрез несколько месяцев кончил жизнь свою внезапно; увидим, что Провидение наказало и жестокого Георгия; а память Михаила была священна для современников и потомства: ибо сей Князь, столь великодушный в бедствии, заслужил славное имя *отечестволюбца* . Кроме одних Новгородцев, считавших его опасным врагом народной вольности, все жалели об нем искренно, но всех более верные, мужественные Тверитяне: ибо он возвеличил сие Княжение и любил их действительно как отец. Сверх достоинств государственных — ума проницательного, твердости, мужества — Михаил отличался и семейственными: нежною любо-

вию к супруге, к детям, в особенности к матери, умной, добродетельной Ксении, воспитавшей его в правилах благочестия и скончавшей дни свои Монахинею.

При сем Великом Князе Ростов, Кострома и Брянск были жертвою хищных Татар. Наследник Константина Борисовича Ростовского, умершего в Орде, сын его Василий (в 1316 году) приехал от Хана в столицу свою с двумя Могольскими Вельможами, коих грабительство и насилие остались в ней надолго памятными. Такие разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Один из них (в 1318 году), убив в Костроме 120 человек, опустошил Ростов огнем и мечом, взял сокровища церковные, пленил многих людей. Несчастье Брянска произошло от междоусобия двух Князей. Там господствовал Василий, внук Романов: изгнанный дядею, Святославом, он возвратился (в 1310 году) с шайкой Моголов. Святослав, в надежде на усердие жителей, спешил отразить их; но граждане изменили ему: бросили знамена и побежали. Он не хотел уступить и лег на месте битвы со своею дружиною Княжескою, оказав редкое, но бесполез-

ное мужество. Победители расхитили город.

В Брянске находился тогда новый Митрополит, преемник Максимов: он едва мог, ушедши в церковь, спастись от лютой Таттар. По кончине Максима (в 1305 году) какой-то Игумен Геронтий вздумал было своевольно занять его место, присвоив себе утварь Святительскую и жезл Пастыря; но Патриарх Афанасий в угодность Князю Галицкому, отвергнув Геронтия (в 1308 году), посвятил в Митрополиты для всей России Петра, Волынского Игумена, мужа столь ревностного в исполнении своих Пастырских обязанностей, что Духовенство северной России единогласно благословило его высокую добродетель. Один Тверской Епископ, сын Князя Литовского Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнул злословить сего Митрополита; но был торжественно обличен в клевете на Соборе в Переславле Залесском, где присутствовали Епископ Ростовский, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посол Цареградского Патриарха. Истиною и любовью заградив уста клеветнику, Петр, вместо укоризн, сказал ему: *Мир ти о Христе, чадо! Отныне блю-*

дися лжи; мимошедшая же да отпустит ти Господь! .. В других случаях сей кроткий Архипастырь умел быть и строгим: снял Епископский сан с Исмаила Сарского, без сомнения за важное преступление относительно к Церкви или отечеству, и предал анафеме какого-то опасного еретика Сеита, обличенного им в богопротивном умствовании, но не хотевшего раскаяться. Как достойный учитель Веры Христианской, Петр склонял Князей к миролюбию, заклинал несчастного Святослава Брянского не вступать в битву с Василием и старался прекратить вражду между Князьями Тверскими и Московским; не имея средств избавить народ от ига, желая по крайней мере оградить безопасностью церкви святые и дома ее служителей; ездил в Орду с Михаилом (в 1313 году) и выходил для них так называемый ярлык, или грамоту льготную, в коей Узбек, следуя примеру бывших до него Ханов, подтвердил важные права и выгоды Российского Духовенства. Мы имеем сей ярлык и многие иные новейшие, достопамятные содержанием и слогом. Хан пишет: «Вышнего и бессмертного Бога волею и силою, величе-

ством и милостию. Узбеково слово ко всем Князьям великим, средним и нижним, Воеводам, книжникам, Баскакам, писцам, мимоездящим Послам, сокольникам, пардусникам во всех Улусах и странах, где Бога бессмертного силою наша власть *держит* и слово наше *владеет*. Да никто не обидит в Руси Церковь Соборную, Петра Митрополита и людей его, Архимандритов, Игуменов, Попов, и проч. Их грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, леса, винограды, сады, мельницы, хуторы свободны от всякой дани и пошлины: ибо все то есть Божие; ибо сии люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют. Да будут они подсудны единому Митрополиту, согласно с древним законом их и грамотами прежних Царей Ординских. Да пребывает Митрополит в тихом и кротком житии; да правым сердцем и без печали молит Бога за нас и детей наших. Кто возьмет что-нибудь у Духовных, заплатит втрое; кто дерзнет порицать Веру Русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, да умрет! и проч. Писано Заячьего лета, осеннего первого месяца, четвертого *Ветха* (то есть в четвертый день ущерба

луны) на полях». Говоря о даянх, собираемых в России, Узбек именует *поплужную*, или с каждой сохи, мостовую, береговую: увольняет церковников от воинской службы, подвод и всякой работы. В таком порабощении находились Россияне, всего более угнетаемые ненасытным сребролюбием Ханских пошлинников или откупщиков Царской дани, между которыми бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма, или Тавриды.

К сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частые естественные бедствия. Летописцы сказывают, что в 1309 году явилось везде чудесное множество мышей, которые съели хлеб на полях, рожь, овес, пшеницу: от чего в целой России произошли голод, мор на людей и на скот. В 1314 году Новгород терпел великий недостаток в съестных припасах; а народ Псковский, угнетаемый дороговизною, грабил дома и села богатых людей так, что Правительство должно было употребить весьма строгие меры для восстановления тишины и казнить пятьдесят главных мятежников. *Зобница ржи* стоила там 5 гривен. В 1318 году свирепствовала

в Твери какая-то жестокая, смертоносная бо-
лезнь.

Глава VIII

Великие князья Георгий Даниилович, Димитрий и Александр Михайловичи (один после другого). 1319—1328 г.

Г*оресть Тверитян. Рубли. Воина с Шведами. Дела с Немцами Ливонскими. Мир с Шведами в Орехове. Князья Устюжские. Убиение Георгия и Димитрия. Истребление Моголов в Твери. Мщение Ханское. Казнь Рязанского Князя. Литовцы-завоеватели. Сомнительное повествование Стриковского. Судьба южной и западной России. Последний Князь Галицкий. Характер Гедимины.*

Утвержденный Ханом на Великом Княжестве и взяв с собою юного Константина Михайловича и Бояр Тверских в виде пленников, Георгий приехал господствовать в Владимир, а брата своего, Афанасия, послал Намест-

ником в Новгород. Услышав о том, нежная супруга Михайлова, сыновья, Епископ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшего в Орде, но, угадывая свое несчастье, велели гонцам спешить в Москву, чтобы разведать там о судьбе Великого Князя. Гонцы возвратились с подробным известием о всех ужасных обстоятельствах Михайловой кончины. Горесть была общая: Церковь и народ делили оную с Княжеским семейством. Через несколько дней, посвященных слезам и молитве, Димитрий, как старший сын, наследовав власть родителя, отправил посольство в Владимир. Меньший брат его, Александр, и Бояре Тверские престоли Георгию в одежде печальной; не хотели укорять его: молили только отдать им драгоценные остатки Князя, равно любезного супруге, детям и народу. Георгий согласился с условием, чтобы они прислали ему на обмен тело жены его, Кончаки, сестры Узбековой. Вдовствующая великая Княгиня Анна и Димитрий Михайлович с братьями выехали по Волге в ладиях навстречу ко гробу Михайлову: Епископ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрелище бы-

ло умирительно. Народ вопил, стремился к телу и громогласно звал Михаила, как бы надеясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили перед монастырем Архангельским, где бесчисленное множество людей теснилось лобызать оную. Сняв крышку, с несказанною радостью увидели целость мощей, не поврежденных ни дальним путем от берегов моря Каспийского, ни пятимесячным лежанием в могиле. Народ благословил Небо за сие чудо, и погребение казалось ему уже не печальным обрядом, но торжеством Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась от мира и кончила дни свои Монахиною; а Димитрий и Александр, отерев слезы, думали только о мести.

[1320—1324 гг.] Георгий ходил между тем с войском к Рязани и, заставив тамошнего Князя, Иоанна Ярославича, согласиться на все его предложения, готовился к нападению на Тверскую область, уверенный в справедливой ненависти к нему сыновей Михайловых. Димитрий не боялся войны; но хотел прежде освободить брата своего, Константина, и Бояр

Михаиловых, бывших аманатами в Владимире: послал Тверского Епископа, Варсонофия, в Переславль и заключил мир, дав Георгию 2000 *рублей* и слово не спорить с ним о Великом Княжении. (Заметим, что здесь в первый раз упоминается о *рублях* . они были не что иное, как отрубки серебра, без всякого знака или клейма, весом около двадцати двух золотников.) — Обманутый коварным миром, Георгий успокоился и поехал в Новгород, коего чиновники звали его предводительствовать войском: ибо Шведы старались овладеть Корелиею и Кексгольмом. Георгий приступил к Выборгу и хотя имел с собою шесть больших стенобитных орудий, но осаждал сию крепость без успеха от 12 августа до 9 сентября [1322 г.] Злобясь на Шведов, Россияне вешали пленников.

По возвращении в Новгород Георгий оплакал кончину верного брата, Афанасия, и сообщил, что Князь Иоанн Даниилович, быв в Орде, приехал оттуда с Послом Узбековым, Ахмылом, который, объявив намерение учредить благоустройство в областях Великого Княжения, лил кровь людей, взял Ярославль

как неприятельский город и с торжеством отправился назад к Хану дать ему отчет в своем успешном Посольстве. Вторая весть была для Георгия еще горестнее: Димитрий Михайлович нарушил данное ему слово, выходил для себя в Орде достоинство Великого Князя, и Царь Узбек прислал с грамотою Вельможу Се-венч-Буга возвести его на престол Владимирский! Тщетно Георгий молил Новгородцев идти вместе с ним ко Владимиру: он должен был ехать туда один и на пути едва не попался в руки к Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обоз и казну. Георгий бежал во Псков, где чиновники и народ, помня завещание Александра Невского, приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь действовать всеми силами против Немцев. Эстонские Рыцари, несмотря на мир, убивали тогда купцов и звероловов Псковских на Чудском озере и на берегах Наровы. Озабоченный собственною опасностью, Великий Князь уехал в Новгород; а Псковитяне разорили Эстонию до самого Ревеля, взяв несколько тысяч пленников и не пощадив святыни церквей. Предводителем их был

Князь Литовский Давид, славный в истории Немецкого Ордена под именем *Кастеллана Гарденского*. Заслужив благодарность Псковитян, он возвратился в Литву и скоро имел случай оказать им еще важнейшую услугу. Немцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псков, придвинули стенобитные орудия и, в 18 дней разрушив большую часть укреплений, уже готовили лестницы для приступа. Хотя Наместник Изборский, Евстафий (родом Князь), нечаянно ударив на обозы Немецкие за рекою Великою, освободил бывших там Российских пленников; однако ж граждане находились в крайности и посылали гонца за гонцом в Новгород, требуя помощи. В сие время приспел мужественный Давид Литовский, соединил дружину свою с полками осажденных, разбил Немцев наголову, взял в добычу стан их и все снаряды. Следствием победы был выгодный для Псковитян осьмнадцатилетний мир с Орденом.

Сведав, что Димитрий Михайлович, сверх покровительства Узбекова, имеет сильное войско в Великом Княжестве и что народ, любив отца его, изъявляет усердие и к сыну, Ге-

оргий решился на некоторое время остаться в Новгороде: ибо мог отсутствием утратить и сей важный престол. Новгородцы ходили с ним к берегам Невы и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острове *Ореховом*, заложили крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, чтобы Шведы не могли свободно входить в сие озеро. Услышав о том и желая прекратить войну, столь часто бедственную для Шведской Корелии и Финляндии, юный Король Магнус прислал Вельмож в стан Георгиев с дружелюбным предложением, соответственным обоюдной пользе. Оно было принято. Россияне, заключив договор с Послами, в своей новой крепости торжествовали мир, коего главное условие состояло в восстановлении древних пределов между обеими Державами в Корелии и в Финляндии.

Новгородцы должны были в сие время управиться с Устюжанами, грабившими их купцов на пути в Югорскую землю, и с Литовцами, которые злодействовали в окрестностях Ловоти. Разбив последних, они взяли Устюг; но, довольные сделанным там опусто-

шением, на берегах Двины заключили мир с *Князьями Устюжскими*, Наместниками Ростовского. Тогда Георгий, заслужив искреннюю признательность Новгородцев и обнадеженный в их верности, дружески простился с ними: он поехал к Хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрия и вновь утвердить за собою Великое Княжение. Сие путешествие достойно замечания тем, что Георгий ехал от берегов Двины чрез область Пермскую; сел там на ладью и рекою Камою плыл до нынешней Казанской Губернии.

[1325 г.] В следующий год отправился к Хану и Димитрий. Там они увидели друг друга, и нежный сын, живо представив себе окровавленную тень Михайлову, — затрепетав от ужаса, от гнева, — вонзил меч в убийцу. Георгий испустил дух: а Димитрий, совершив месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидал следствий... Так одно злодеяние рождает в мире другое, и виновник первого ответствует за оба, по крайней мере в судилище Вышнего! Тело Георгиево привезли в Москву, где княжил брат его,

Иоанн Даниилович, и погребли в церкви Архангела Михаила. Митрополит Петр с четырьмя Епископами совершил сей обряд печальный. Князь Иоанн и самый народ проливал искренние слезы, умиленные столь бедственною кончиною Государя хотя и не добродетельного, однако ж знаменитого умом и славными предками. Новгородцы сожалели об нем: Тверитяне хвалили дело своего Князя, с беспокойством ожидая суда Узбекова.

Хан долго молчал. Друзья Князя Московского без сомнения представляли ему, что убийство столь наглое, совершенное пред его глазами, требует наказания, или будет пятном для чести Царской, знаком слабости и поводом к новым опасным своевольствам Князей Российских; что Хан, сверх того, должен вступить за Георгия как за своего зятя. Прошло десять месяцев. Брат Димитриев, Александр, спокойно возвратился из Орды с Ханскими пошлинниками, надеясь, что дело уже кончилось и что Узбек не думает о мести. Но вдруг вышло грозное повеление, и несчастного Димитрия убили [15 сентября 1326 г.] в Орде (вместе с Князем Новосильским, потомком

Михаила Черниговского, обвиненным также в каком-то преступлении). Сия весть, равнодушно принятая в Москве и в Новгороде, огорчила добрых Тверитян, усердных к государям и видевших в юном своем Князе славную жертву любви сыновней. Димитрий Михайлович, прозванием *Грозные Очи*, смелый, пылкий, имел только 27 лет от рождения; женатый на дочери Князя Литовского, Гедимина, он не оставил детей.

Несмотря на казнь Димитриеву, Узбек в знак милости признал его брата Великим Князем Российским: по крайней мере так назван Александр Михайлович в договорной грамоте, коею Новгородцы, не имея тогда главы и терпя от внутренних неустройств, обязались ему повиноваться как законному своему властителю. Сия грамота, писанная в 1327 году, есть повторение Ярославовых и Михайловых с прибавлением, что Новгородцы уступают Александру села, им самим или Боярами его купленные, если Княжеские Дворяне, господствуя в оных, не будут вмешиваться в судные дела иных волостей и принимать вольных жителей на свою землю. Но милость

Узбекова и верность Новгородцев скоро изменились.

В конце лета [1327 г.] явился в Твери Ханский Посол, Шевкал, сын Дюденев и двоюродный брат Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бедный народ, уже привыкнув терпеть насилия Татарские, искал облегчения в одних бесполезных жалобах; но содрогнулся от ужаса, слыша, что Шевкал, ревностный читатель Алкорана, намерен обратить Россиян в Магометанскую Веру, убить Князя Александра с братьями, сесть на его престоле и все города наши раздать своим Вельможам. Говорили, что он воспользуется праздником Успения, к которому собралось в Тверь множество усердных Христиан, и что Моголы умертвят их всех до единого. Сей слух мог быть неоснователен: ибо Шевкал не имел достаточного войска для произведения в действие намерения столь важного и столь несогласного с Политикою Ханов, хотевших всегда быть покровителями Духовенства и Церкви в набожной России. Но люди угнетенные обыкновенно считают своих тиранов способными ко всякому злодейству; самая грубая

клевета кажется им доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасения Веры и православных Государей, окружили Князя, юного и легкомысленного. Забыв пример отца, великодушно умершего для спокойствия подданных, Александр с жаром представлял Тверитянам, что жизнь его в опасности; что Моголы, убив Михаила и Дмитрия, хотят истребить и весь род Княжеский; что время справедливой мести настало; что не он, а Шевкал замыслил кровопролитие и что Бог есть надежда правых. Граждане, усердные, пылкие, единодушно требовали оружия: Князь на рассвете, 15 августа, повел их ко дворцу Михайлову, где жил брат Узбеков. Общее волнение, шум и стук оружия пробудили Татар: они успели собраться к своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на них с воплем. Сеча была ужасна. От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, Моголы заключились во дворце; Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком Ханской дружины. К свету не было

уже ни одного Татарина живого. Граждане умертвили и купцев Ординских.

Сие дело, внушенное отчаянием, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россия готова восстать и сокрушить свои цепи; но Россия только трепетала, боясь, чтобы мщение Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и других ее пределов. Узбек, пылая гневом, клялся истребить гнездо мятежников; однако ж, действуя осторожно, призвал Иоанна Даниловича Московского, обещал сделать его Великим Князем и, дав ему в помощь 50000 воинов, предводимых пятью Ханскими темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить Россиян Россиянами. К сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы с Владетелем своим, Александром Васильевичем, внуком Андрея Ярославича. Тогда Князь Тверской мог умереть великодушно, или в славной битве, или предав себя одного в руки Моголов, чтобы спасти подданных; но сын Михайлов не имел добродетели отца. Видя грозу, он пекся единственно о собственной безопасности и думал искать убежища в Новгороде. Туда ехали уже Намест-

ники Московские: граждане не хотели об нем слышать. Между тем Иоанн и Князь Суздальский, верные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, несмотря на глубокие снега и морозы жестокой зимы. Малодушный Александр, оставив свой добрый, несчастный народ, ушел во Псков, а братья его, Константин и Василий, в Ладогу. Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнем и мечем, другие отведены в неволю. Самые Новгородцы едва спаслися от хищности Моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех Воевод Узбековых.

[1328 г.] Хан с нетерпением ожидал вести из России: получив оную, изъявил удовольствие. Дымящиеся развалины Тверских городов и селений казались ему славным памятником Царского гнева, достаточным для обуздания строптивых рабов. В то же время казнив Рязанского Владетеля, Иоанна Ярославича, он посадил его сына, Иоанна Коротопола, на сей кровию отца обагренный престол и, будучи доволен верностию Князя Московского, дал ему самую милостивую грамоту на Ве-

ликое Княжение, приобретенное бедствием столь многих Россиян.

Описав следствия Георгиевой кончины, обратим внимание читателя на южные области России. Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века они сделались как бы чужды для нашего северного отечества, коего жители брали столь мало участия в судьбе Киевлян, Волынян, Галичан, что Летописцы Суздальские и Новгородские не говорят об ней почти ни слова; а Волынский не доходит до времен, наиболее любопытных важностию происшествий, когда народ бедный, дикий, платив несколько веков дань России и более ста лет умев только грабить, сведал от нас и Немцев действия военного и гражданского искусства, в грозном ополчении выступил из темных лесов на феатр мира и быстрыми завоеваниями основал державу именитую. Говорим о Литве, уже сильной при Миндовге и Тройдене, но еще гораздо сильнейшей при Гедимине. Сей человек, разума и мужества необыкновенного, был Конюшим Литовского Князя Витена или, вероятно, Буйвида: злодейски умертвив Государя своего, он присвоил

себе господство над всею землею Литовскою. Немцы, Россияне, ляхи скоро увидели его властолюбие. Гедимин искал уже не добычи, но завоеваний — и древнее Пинское Княжение, где долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружия присоединено к Литве. Союзы брачные служили ему также способом приобретать земли. Выдавая дочерей за Князей Российских с одним благословением, он требовал богатого вена от сватов: дозволил сыновьям, Ольгерду и Любарту, креститься; женил первого на Княжне Витебской, а второго на Владимирской: Ольгерд наследовал по смерти тестя всю его землю; а Любарт получил Удел в Волыни. Юрий Львович, Галицкий и Волынский, скончался около 1316 года: ибо в сие время уже господствовали там Андрей и Лев, вероятно сыновья его, коих имена известны нам единственно по их сношениям с Немецким Орденом и которые в грамотах своих назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимирской*. Один из сих Князей, как надобно думать, был и тестем Любартовым: Историк же Литовский именует его Владимиром, рассказывая следу-

ющие обстоятельства:

«Опасаясь властолюбивых замыслов Гедимины, Князя Российские, Владимир и Лев, хотели предупредить их, и в то время, как он воевал с Немцами, напали на Литву. Владимир опустошил берега Вилии: Лев взял *Брест и Дрогичин*, бывшие тогда уже во власти Гедиминовой . Сей мужественный витязь, в 1319 году победою окончив войну с Орденом, немедленно устремился на Владимир (где княжил тесть Любартов). Под стенами оною началась битва, в коей Татары стояли за Российского Князя против Россиян: ибо Гедимин имел полочан в своем войске, а Князь Владимирский наемную Ханскую конницу. Густые толпы Литовцев редели, осыпаемые стрелами Татарскими; но Гедимин, поставив в ряды пехоту, вооруженную пращами и копьями, обратил Моголов в бегство. Россияне замешались. Тщетно жены и старцы, зрители битвы, с городских стен кричали им, что она решит судьбу отечества: Князь Владимир, оказав мужество, достойное Героя, пал в сражении, и войско, лишенное бодрости, рассеялось. Город сдался. Гедимин, поручив его своим Намест-

никам, спешил к Луцку, откуда Лев, уstra-
шенный несчастьем Владимира, бежал к
Брянскому Князю, Роману, своему зятю: граж-
дане не оборонялись, и победитель, изъясняя
благоразумную кротость, уверил всех Россиян
в безопасности и защите. Утружденное вой-
ско его отдыхало целую зиму. Наградив щедро
Полководцев, он жил в Бресте и готовился
к дальнейшим подвигам.

Как скоро весна наступила и земля покры-
лась травой, Гедимин с новою бодростию вы-
ступил в поле, взял Овруч, Житомир, города
Киевские и шел к Днепру. В Киеве властвовал
Станислав, один из потомков Св. Владимира:
он имел время призвать Моголов, соединился
с Олегом Переяславским, с изгнанным Кня-
зем Луцким Львом, с Романом Брянским; вер-
стах в 25 от столицы, на берегу Ирпени, встре-
тил неприятеля и долго спорил о победе; но
отборная дружина Литовская, ударив сбоку
на Россиян, смяла их. Олег положил голову на
месте битвы: Лев также. Станислав и Роман
ушли в Рязань; а Гедимин, отдав всю добычу
воинам, осадил Киев. Еще жители не теряли
надежды и мужественно отразили несколько

приступов; наконец, не видя помощи ни от Князя Станислава, ни от Татар и зная, что Гедимин щадит побежденных, отворили ворота. Духовенство вышло со крестами и вместе с народом присягнуло быть верным Государю Литовскому, который, избавив Киев от ига Моголов, оставил там Наместником племянника своего, Миндова, Князя голшанского, Верою Христианина, и скоро завоевал всю южную Россию до Путивля и Брянска».

Сие повествование историка не весьма основательного едва ли утверждено на каких-нибудь современных или достоверных свидетельствах. Оно тем сомнительнее, что Баскаки Ханские, как видно из наших летописей, до самого 1331 года находились в Киеве, где господствовал тогда не Миндов, а Князь Российский. Не зная, когда именно Литовцы овладели странами Днепровскими, знаем только, что Киев при Димитрии Донском уже был в их власти (без сомнения и Черниговская область). Таким образом наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, места славных воспоминаний, где оно росло в величии под щитом Олеговым, сведало Бога

истинного посредством Св. Владимира, прияло законы от Ярослава Великого и художества от Греков!.. Что касается до Княжения Владимиро-Волынского, то оно, в противность ложному сказанию Литовского Историка, вместе с Галициею еще несколько лет хранило свою независимость и силу. Владетели его, Андрей и Лев, преставились около 1324 года. Об нихто Король польский, Владислав Локетек, говорит в письме к папе Иоанну XXII: «Извещаю Ваше святейшество о кончине двух последних Князей Российских, бывших для нас твердою защитою от свирепости Татар. Сии жестокие враги Христианства без сомнения пожелают ныне овладеть Россиею, смежною с нашими землями, и мы будем в величайшей опасности». Но Андрей и Лев оставили малолетнего наследника, именем Георгия, прапра внука Даниилова. В дружеских Латинских грамотах к Великим Магистрам Ордена Немецкого, скрепленных печатями Епископа, Княжеского пестуна и Воевод Бельзского, Перемышльского, Львовского, Луцкого, он писался *природным Князем и Государем всей Малой России* , обязываясь предохранять землю

Рыцарей от набега Моголов; употреблял печать Юрия Львовича, своего деда, и жил то в Владимире, то во Львове. Бояре, в малолетстве его управляя Княжеством, не дерзнули остановить гибельных для южной России успехов Литовского оружия, довольные тем, что Гедимин не отнимал собственных областей у Георгия (Любартова шурина, как вероятно) и надеясь, может быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владения к востоку и сближаясь с Татарскими, обратит на себя грозную силу Хана, или погибнет или счастливым противоборством ослабит ее; то и другое следствие могло казаться благоприятным для нашего отечества.

Но хитрый Гедимин умел снискать дружбу Моголов; по крайней мере никогда не воевал с ними и не платил им дани. Властвуя над Литвою и завоеванною частью России, он именовал себя *Великим Князем Литовским и Российским*, жил в Вильне, им основанной; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя Веру Греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от

Митрополита Московского; украшал новую столицу свою, ловил зверей в дремучих лесах и, желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и бесполезную войну с Немецким Орденом, писал к Папе Иоанну: «Одолевая Христиан в битвах, я не хочу истреблять Веры их, а только защищаюсь от врагов, подобно всем другим Государям. Монахи Доминиканские и Францисканские окружают меня: даю им волю учить и крестить людей в моем государстве; сам верю Святой Троице, желаю повиноваться тебе, Главе Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за моих Вельмож: только усмири злобу Немцев», и проч. Иоанн, обрадованный столь благословенным известием, отправил в Литву Епископа Алетского Варфоломея, и Бернарда, Игумена Пюйского; но Гедимин, вновь раздраженный неприятельскими действиями и вероломством Прусского Ордена, вдруг переменил мысли, встретил Послов Иоанновых весьма немилостиво и сказал им: «Я не знаю вашего Папы и знать не желаю. Исповедую Веру моих предков и не изменю ей до гроба». Потупив глаза в землю, они должны были удалиться; и с того времени Гедимин слыл в

Европе коварным обманщиком. Впрочем, история отдает справедливость многим его достохвальным делам и качествам. Он старался образовать народ свой; позволял Ганзейским купцам торговать в Литве без всякой пошлины; призывал людей ремесленных, серебрянников, каменщиков, механиков; на десять лет освобождал всех новых поселенцев от дани, ручаясь им за безопасность личную и целость собственности, которую они приобретут своим трудолюбием; давал им гражданское право Риги и все возможные выгоды; построил для Христиан церкви в Вильне и Новгороде и, не терпя Монахов, под видом набожности скрывающих злое корыстолюбие и сердце развратное, любил Иноков добродетельных, не мешая им распространять Веру Иисусову; любил хвалиться верностию своих обещаний и ставил себя Христианам в пример честности. Сии обстоятельства известны нам по грамоте, данной им в 1323 году Любекским, Ростокским, Штетинским и другим Немцам, за его Княжескую печатью.

Нет сомнения, что вся древняя область Кривская, или нынешняя Белоруссия, уже со-

вершенно зависела от Гедимины; но, держась правил умеренности в своем властолюбии, он не хотел изгнать тамошних Князей и, довольствуясь их покорностию, оставлял им Уделы наследственные. Так (в 1326 году) с братом его, Воином, приезжали из Литвы в Новгород, для заключения мира, Князь Полоцкий Василий и Минский Феодор Святославич, вероятно, потомки Св. Владимира от племени Рогнедина сына, Изяслава.

Глава IX

Великий князь Иоанн Данилович, прозванием Калита. 1328—1340 г.

Северная Россия отдыхает. Москва глава России. Предсказание Митрополита. Милость Хана к Иоанну. Великодушные Псковитян. Особенный Епископ во Пскове. Происшествия Новгородские. Закамское серебро. Политика Новгорода. Хан прощает Александра. Иоанн повелевает Князьями. Несчастье Александра. Мир с Норвегиею. Неприязнь Шведов. Разбои Литовские. Ссора Иоаннова с Новымгородом. Поход к Смоленску. Кончина и достоинства Иоанновы. Прозвание Калиты. Кремник. Торг на Мологе. Завещание Великого Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Летописцы говорят, что с восшествием Иоанна на престол Великого Княжения мир и тишина воцарились в северной России; что Моголы престали наконец опустошать ее

страны и кровию бедных жителей орошать пепелища; что Христиане на сорок лет опочили от *истомы* и насилий долговременных — то есть Узбек и преемники его, довольствуясь обыкновенною данию, уже не посылали Воевод своих грабить Великое Княжение, занятые делами Востока и внутренними беспокойствами Орды или устрашаемые примером Твери, где Шевкал был жертвою ожесточенного народа. Отечество наше сетовало в унижении; головы Князей все еще падали в Орде по единому мановению Ханов: но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, Бояре наслаждаться избытком; кони Татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность, старцы не умирали на снегу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народов благоденствующих: угнетенные желают только облегчения и славят Бога за оное.

Сия действительно благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою

России. Мы видели, что и прежние Великие Князья любили свои Удельные, или наследственные, города более Владимира, совершая в нем только обряд восшествия на главный престол Российский: Димитрий Александрович жил в Переславле Залесском, Михаил Ярославич в Твери; следуя той же естественной привязанности к родине, Иоанн Даниилович не хотел выехать из Москвы, где находилась уже и кафедра Митрополии: ибо Святой Петр, имев несколько раз случай быть в сем городе, полюбил его красивое местоположение и доброго Князя, оставил знаменитую столицу Андрея Боголюбского, правимую тогда уже одними Наместниками Княжескими, и переселился к Иоанну. «Если ты, — говорил он Князю в духе пророчества, как пишет Митрополит Киприан в житии Св. Петра, — если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных Князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители захотят обитать в оном, *и руки его взыдут на плеча врагов наших* ». Иоанн исполнил желание старца и в 1326 году, 4 августа,

заложил в Москве на площади первую церковь каменную во имя Успения Богоматери, при великом стечении народа. Святой Митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь Епископ Ростовский, и новый Митрополит, именем Феогност, родом Грек, основал свою кафедру также в Москве, к неудовольствию других Князей: ибо они предвидели, что наследники Иоанновы, имея у себя Главу Духовенства, захотят исключительно присвоить себе достоинство Великокняжеское. Так и случилось, ко счастию России. В то время, когда она достигла вышней степени бедствия, видя лучшие свои области отторженные Литвою, все другие истерзанные Моголами, — в то самое время началось ее государственное возрождение, и в городке, дотоле маловажном, созрела мысль благодетельного Единодержавия, открылась мужественная воля прервать цепи Ханские, изготовились средства независимости и величия государственного. Новгород знаменит бывшею в нем колыбелию Монархии, Киев купелию Христи-

анства для Россиян; но в Москве спаслися отечество и Вера. — Сие время великих подвигов и славных усилий еще далеко. Обратимся к происшествиям.

Первым делом Великого Князя было ехать в Орду вместе с меньшим братом Александра Тверского, Константином Михайловичем, и с чиновниками Новгородскими. Узбек признал Константина Тверским Князем; изъявил милость Иоанну: но отпуская их, требовал, чтобы они представили ему Александра. Вследствие того Послы Великого Князя и Новгородские, Архиепископ Моисей и Тысяцкий Аврам, прибыв во Псков, именем отечества убеждали Александра явиться на суд к Хану и тем укротить его гнев, страшный для всех Россиян. «И так вместо защиты, — отвечивал Князь Тверской, — я нахожу в вас гонителей! Христиане помогают неверным, служат им и предают своих братьев! Жизнь суетная и горестная не прельщает меня: я готов жертвовать собою для общего спокойствия». Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастным состоянием, сказали ему единодушно: «Останься с нами: клянемся, что тебя

не выдадим; по крайней мере умрем с тобою». Они велели Послам удалиться и вооружились. Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный славою великодушия. Чем реже бывают сии случаи, тем они достопамятнее в летописях. Разделяя с Новымгородом выгоды Немецкой торговли, Псковитяне славились в сие время и богатством и воинственным духом. Под защитою высоких стен они готовились к мужественной обороне и построили еще новую каменную крепость в Изборске, на горе Жераве.

[1329 г.] Иоанн, боясь казаться Хану послушником или нерадивым исполнителем его воли, приехал в Новгород с Митрополитом и многими Князьями Российскими, в числе коих находились и братья Александровы, Константин и Василий, также Князь Суздальский, Александр Васильевич. Ни угрозы, ни воинские приготовления Иоанновы не могли поколебать твердости Псковитян: в надежде, что они одумаются, великий Князь шел медленно к их границам и чрез три недели расположился станом близ Опоки; но видя, что

надобно сражаться или уступить, прибегнул к иному способу, необыкновенному в древней России: склонил Митрополита наложить проклятие на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся. Сия Духовная казнь, соединенная с отлучением от церкви, устрашила народ. Однако ж граждане все еще не хотели предать несчастного сына Михайлова. Сам Александр великодушно отказался от их помощи. «Да не будет проклятия на моих друзьях и братьях ради меня! — сказал он им со слезами: — иду из вашего града, освобождая вас от данной мне клятвы». Александр уехал в Литву, поручив им свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадник их, именем Солога, объявил Иоанну, что изгнанник удалился. Великий Князь был доволен, и Митрополит, разрешив Псковитян, дал им благословение. Хотя Иоанн в сем случае казался только невольным орудием Ханского гнева, но добрые Россияне не хвалили его за то, что он, в угодность неверным, гнал своего родственника и заставил Феогноста возложить церковное проклятие на усердных Хри-

стиан, коих вина состояла в великодушии. — Новгородцы также неохотно участвовали в сем походе и спешили домой, чтобы смирить Немцев и Князей Устюжских: первые убили в Дерпте их Посла, а вторые купцев и промышленников на пути в землю Югорскую. Летописцы не говорят, каким образом Новгородское Правительство отмстило за то и другое оскорбление.

[1330—1332 гг.] Страх, наведенный Иоанном на Псков, не имел желаемого действия: ибо Александр, принятый дружелюбно Гедимином Литовским, обнадеженный им в защите и влекомый сердцем к добрым Псковитянам, чрез 18 месяцев возвратился. Они приняли его с радостию и назвали своим Князем; то есть отложились от Новагорода и, выбрав даже особенного для себя Епископа, именем Арсения, послали его ставиться к Митрополиту, бывшему тогда в Волынии. Александр Михайлович и сам Гедимин убеждали Феогноста исполнить волю Псковитян; однако ж Митрополит с твердостью отказал им и в то же время — с Епископами Полоцким, Владимирским, Галицким, Перемышльским, Хелм-

ским — посвятил Архиепископа Василия, избранного Новгородцами, коего Епархия, согласно с древним обыкновением, должна была заключать в себе и Псковскую область. Гедимин стерпел сие непослушание от Митрополита, уважая в нем Главу Духовенства, но хотел перехватить Архиепископа Василия и Бояр Новгородских на их возвратном пути из Волыни, так что они едва могли спастись, избрав иную дорогу, и принуждены были откупиться от Киевского неизвестного нам Князя Феодора, который гнался за ними до Чернигова с Татарским Баскаком.

Между тем как Иоанн, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность Хану, утверждал спокойствие в областях Великого Княжения, Новгород был в непрерывном движении от внутренних раздоров, или от внешних неприятелей, или ссорясь и мирясь с Великим Князем. Зная, что Новгородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иоанн требовал оно для себя и, получив отказ, вооружился, собрал всех Князей Низовских, Рязанских; занял [в 1333 г.] Бежецк, Торжок и разорял

окрестности. Тщетно Новгородцы звали его к себе, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствие: он не хотел слушать Послов, и сам Архиепископ Василий, ездив к нему в Переславль, не мог его умилоствовать. Новгородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, с условием, чтобы он возвратил села и деревни, незаконно им приобретенные в их области; но Иоанн не согласился и в гневе уехал тогда к Хану.

Сия опасность заставила Новгородцев примириться с Князем Александром Михайловичем. Уже семь лет Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василий, забыв их строптивость, приехал к ним с своим Клиросом, благословил народ, чиновников и крестил сына у Князя. Желая иметь еще надежнейшую опору, Новгородцы подружались с Гедимином, несмотря на то, что он в сие время вступил в родственный союз с Иоанном Данииловичем, выдав за его сына, юного Симеона, дочь или внуку свою Августу (названную в крещении Анастасиею). Еще в 1331 году (как рассказывает один Летописец) Гедимин, остановив Архиепископа Василия и

Бояр Новгородских, ехавших в Волынию, принудил их дать ему слово, что они уступят Нариманту, его сыну, Ладогу с другими местами в вечное и потомственное владение. Обстоятельство весьма сомнительное: в достовернейших летописях нет оногo; и могло ли обещание, вынужденное насилием, быть действительным обязательством? Гораздо вероятнее, что Гедимин единственно изъявил Новгородцам желание видеть Нариманта их Удельным Князем, обещая им защиту, или они сами вздумали таким образом приобрести оную, опасаясь Иоанна столь же, сколько и внешних врагов: политика не весьма согласная с общим благом Государства Российского; но заботясь исключительно о собственных выгодах — думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная Моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новгородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком. Как бы то ни было, Наримант, дотоле язычник, известил Новгородцев, что он уже Христианин и желает *поклониться Святой Софии*. Народное Вече отправило за ним по-

слов и, взяв с него клятву быть верным Новгороду, отдало ему Ладогу, Орехов, Кексгольм, всю землю Корельскую и половину Копорья *в отчину и в дедину*, с правом наследственным для его сыновей и внуков. Сие право состояло в судебной и воинской власти, соединенной с некоторыми определенными доходами.

[1334—1335 г.] Однако ж Новгородцы все еще старались утишить гнев Великого Князя и наконец в том успели посредством, кажется, Митрополита Феогноста, с коим деятельный Архиепископ Василий имел свидание в Владимире. Иоанн, возвратясь из Орды в Москву, выслушал милостиво их Послов и сам приехал в Новгород. Все неудовольствия были преданы забвению. В знак благоволения за оказанную ему почесть и приветливость жителей, умевших иногда ласкать Князя, Иоанн позвал в Москву Архиепископа и главных их чиновников, чтобы за роскошное угощение отплатить им таким же. В сих взаимных изъявлениях доброжелательства он согласился с Новгородцами вторично изгнать Александра Михайловича из России и смирить Псковитян, исполняя волю Татар

или следуя движению личной на него злобы. Условились в мерах, но отложили поход до иного времени.

Спокойные с одной стороны, Новгородцы искали врагов в стенах своих. Еще и прежде, сменяя Посадника, народ ограбил дома и села некоторых Бояр: в сем году река Волхов была как бы границею между двумя неприятельскими станами. Несогласие в делах внутреннего правления, основанного на определениях Веча или на общей воле граждан, естественным образом рождало сии частые мятежи, бывающие главным злом свободы, всегда беспокойной и всегда любезной народу. Половина жителей восстала на другую; мечи и копья сверкали на обоих берегах Волхова. К счастью, угрозы не имели следствия кровопролитного, и зрелище ужаса скоро обратилось в картину трогательной братской любви. Примиренные ревностию благоразумных посредников, граждане дружески обнялись на мосту, и скромный летописец, умалчивая о вине сего междоусобия, говорит только, что оно было доказательством и гнева и милосердия Небесного, ибо прекратилось

столь счастливо — хотя и ненадолго. Чрез несколько времени опять упоминается в Новгородской летописи о возмущении, в коем пострадал один Архимандрит, запертый и страгомый народом в церкви как в темнице.

[1337 г.] Согласие с Великим Князем было вторично нарушено походом его войска в Двинскую область. Истоцая казну свою частыми путешествиями в корыстолюбивую Орду и видя, что Новгородцы не расположены добровольно поделиться с ним сокровищами Сибирской торговли, он хотел вооруженною рукою перехватить оные. Полки Иоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встреченные сильным отпором двинских чиновников, они не имели успеха и возвратились, потеряв множество людей. Сие неприятельское действие заставило Новгородцев опять искать дружбы Псковитян чрез их общего Духовного Пастыря: Архиепископ Василий отправился во Псков; но жители, считая Новгородцев своими врагами, уже не хотели союза с ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной так называемой судной *пошлины*, или десятой части

из судебных казенных доходов. Напрасно Василий грозил чиновникам именем Церкви и, следуя примеру Митрополита Феогноста, объявил проклятие всему их городу. Псковитяне на сей раз выслушали оное спокойно, и разгневанный Архиепископ уехал, видя, что они не верят действию клятвы, внушенной ему корыстолюбием или Политикою и несогласной с духом Христианства.

Впрочем, Великий Князь, испытав неудачу, оставил Новгородцев в покое, встревоженный переменою в судьбе Александра Михайловича. Жив около десяти лет во Пскове, Александр непрестанно помышлял о своей отчизне и средствах возвратиться с безопасностью в ее недра. «Если умру в изгнании, — говорил он друзьям, — то и дети мои останутся без наследия». Псковитяне любили его, но сила не соответствовала их усердию: он предвидел, что Новгородцы не откажутся от древней власти над ними, воспользуются первым случаем смирить сих ослушников, выгонят его или оставят там из милости своим Наместником. Покровительство Гедимины не могло возвратить ему Тверского престола:

ибо сей Литовский Князь избегал войны с Ханом. Александр мог бы обратиться к Великому Князю; но, будучи им издавна ненавидим, надеялся скорее умилоствовать грозного Узбека и послал к нему юного сына своего, Феодора, который (в 1336 году) благополучно возвратился в Россию с Послом Могольским. Привезенные вести были таковы, что Александр решился сам ехать в Орду и, взяв заочно благословение от Митрополита Феогноста, отправился туда с Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный! — сказал он Хану с видом покорности, но без робости и малодушия: — я заслужил гнев твой и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению Неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою». Свирепый Хан смягчился, взглянул на него милостиво и с удовольствием объявил Вельможам своим, что «Князь Александр смиренною мудростию избавляет себя от казни». Узбек, осыпав его знаками благоволения, возвратил ему достоинство Князя Тверского.

[1338 г.] Александр с восхищением прибыл в свою отечественную столицу, где братья и народ встретили его с такою же искреннею радостью. Тверь, в 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла из своего пепла трудами и попечением Константина Михайловича; рассеянные жители собрались, и церкви, вновь украшенные их ревностию к святыне, сияли в прежнем велелепии. Добрый Константин, восстановитель сего княжения, охотно сдал правление старшему брату, коего безрассудная пылкость была виною столь великого несчастья, и желал, чтобы он превосходством опытного ума своего возвратил их отчизне знаменитость и силу, приобретенные во дни Михайловы. Александр призвал супругу и детей из Пскова, велел объявить его добрым гражданам вечную благодарность за их любовь, и надеялся жить единственно для счастья подданных. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Иоанн — видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости Князей — с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную

власть над Князьями древних Уделов Владимирских и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром: так говорит один Летописец, сказывая, что сей Князь перевез было оттуда и древний Вечевой колокол Успенской Соборной церкви в Суздаль, но возвратил оный, утраченный его глухим звоном. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным, Иоанн не дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностию Хана, начал смелее повелевать Князьями; выдал дочь свою за Василия Давидовича Ярославского, другую за Константина Васильевича Ростовского и, действуя как глава России, предписывал им законы в собственных их областях. Так Московский Боярин, или Воевода, именем Василий Кочева, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове и казался истинным Государем: свергнул тамошнего Градоначаль-

ника, старейшего Боярина Аверкия; вмешивался в суды, в расправу; отнимал и давал имение. Народ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти и что Москва тиранствует! Самые Владетели Рязанские должны были следовать за Иоанном в походах; а Тверь, сетуя в развалинах и сиротствуя без Александра Михайловича, уже не смела помышлять о независимости. Но обстоятельства переменились, как скоро сей Князь возвратился, бодрый, деятельный, честолюбивый. Быв некогда сам на престоле Великокняжеском, мог ли он спокойно видеть на оном врага своего? Мог ли не думать о мести, снова уверенный в милости Ханской? Владетели Удельные хотя и повиновались Иоанну, но с неудовольствием, и рады были взять сторону Тверского Князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого: так и поступил Василий Ярославский, начав изъявлять недоброжелательство тестю и заключив союз с Александром. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбия, и нужное для спокойствия Государства, Иоанн решился низвергнуть опасного сов-

местника.

В сие время многие Бояре Тверские, недовольные своим Государем, переехали в Москву с семействами и слугами: что было тогда не бесчестною изменою, но делом весьма обыкновенным. Произвольно вступая в службу Князя великого или Удельного, Боярин всегда мог оставить оную, возвратив, ему земли и села, от него полученные. Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые Вельможи завидовали: например, мы знаем, что к нему выехал из Курляндии во Псков какой-то знаменитый Немец, именем Доль, и сделался первостепенным чиновником двора его. Сие могло быть достаточным побуждением для Тверских Бояр искать службы в Москве, где они без сомнения не старались успокоить Великого Князя в рассуждении мнимых или действительных замыслов несчастного Александра Михайловича.

[1339 г.] Иоанн не хотел прибегнуть к оружию, ибо имел иное безопаснейшее средство погубить Тверского Князя: отправив юного сына, Андрея, к Новгородцам, чтобы прекра-

тить раздор с ними, он спешил в Орду и взял с собою двух старших сыновей, Симеона и Иоанна, представил их величавому Узбеку как будущих надежных, ревностных слуг его рода; искусным образом льстил ему, сыпал дары и, совершенно овладев доверенностью Хана, мог уже смело приступить к главному делу, то есть к очернению Тверского Князя. Нет сомнения, что Иоанн описал его закоснелым врагом Моголов, готовым возмутить против него всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково. Царь, уstraшенный опасностью, послал звать в Орду Александра, Василия Ярославского и других Князей Удельных, коварно обещая каждому из них, и в особенности первому, отменные знаки милости. Иоанн же, чтобы отвести от себя подозрение, немедленно возвратился в Москву ожидать следствий.

Хотя Посол Татарский всячески уверял Александра в благосклонном к нему расположении Узбековым, однако ж сей Князь, опасаясь злых внушений Иоанновых в Орде, послал туда наперед сына своего, Феодора, что-

бы узнать мысли Хана; но, получив вторичный зов, должен был немедленно повиноваться. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, вспоминая участь Михайлову и Димитриеву. Казалось, что самая природа остерегала несчастного Князя: в то время, как он сел в ладью, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай казался народу бедственным предзнаменованием. Василий Михайлович проводил брата за несколько верст от города; а Константин лежал тогда в тяжелой болезни: чувствительный Александр всего более жалел о том, что не мог дожидаться его выздоровления. — Вместе с Тверским Князем поехали в Орду Роман Михайлович Белозерский и двоюродный его брат, Василий Давидович Ярославский. Ненавидя последнего и зная, что он будет защищать Александра перед Ханом, Великий Князь тайно отправил 500 воинов схватить его на пути; но Василий отразил их и ехал в Орду с намерением жаловаться Узбеку на Иоанна, своего тестя.

Юный Феодор Александрович, встретив ро-

дителя в Улусах, со слезами известил его о гневе Хана. «Да будет воля Божия!» — сказал Александр и понес богатые дары Узбеку и всему его двору. Их приняли с мрачным безмолвием. Прошел месяц: Александр молился Богу и ждал суда. Некоторые Вельможи Татарские и Царица вступались за сего Князя; но прибытие в Орду сыновей Иоанновых решило дело: Узбек, подвигнутый ими или друзьями хитрого их отца, без всяких исследований объявил, что мятежный, неблагодарный Князь Тверской должен умереть. Еще Александр надеялся: ждал вестей от Царицы и, сев на коня, спешил видеть своих доброжелателей; узнав же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вместе с сыном причастился Святых Таин, обнял верных слуг и бодро вышел навстречу к убийцам, которые, отрубив голову ему и юному Феодору, *розняли их по составам*. Сии истерзанные остатки несчастных Князей были привезены в Россию, отпеты в Владимире Митрополитом Феогностом и преданы земле в Тверской Соборной церкви, подле Михаила и Димитрия: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканные современниками и от-

мщенные потомством! Никто из Ханов не умертвил столько Российских Владетелей, как сей: в 1330 году он казнил еще Князя Стародубского, Феодора Михайловича, думая, что сии страшные действия гнева Царского утвердят господство Моголов над Россиею. Оказалось следствие противное, и не Хан, но великий Князь воспользовался бедственною кончиною Александра, присвоив себе верховную власть над Тверским Княжением: ибо Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем послушаться Иоанна и как бы в знак своей зависимости должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колокол отменной величины, коим славились Тверитяне. Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оногo и что, способствуя единовластию Князя Московского, он готовит свободу России и падение Царства Капчакского.

Новгородцы, столь безжалостно отвергнув Александра в несчастии и способствовав его изгнанию, тужили о гибели сего Князя: ибо предвидели, что Иоанн, не имея опасно-

го соперника, будет менее уважать их волюность. Между тем они старались обеспечить себя со стороны внешних неприятелей. Мир, в 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати лет. Король Магнус, владея тогда Норвегиею, распространил его и на сию землю, нередко тревожимую Новгородцами, которые издавна господствовали в восточной Лапландии. Так они, по летописям Норвежским, в 1316 и 1323 году опустошили, пределы Дронтгеймской области, и Папа Иоанн XXII уступил Магнусу часть церковных доходов, чтобы он мог взять действительнейшие меры для защиты своих границ северных от Россиян. Вельможа сего Короля, именем Гаквин, в 1326 году, Июня 3, подписал в Новгороде особенный мирный договор, по коему Россияне и Норвежцы на десять лет обещались не беспокоить друг друга набегами, восстановить древний рубеж между обоюдными владениями, забыть прежние обиды и взаимно покровительствовать людям торговых. Но в 1337 году Шведы нарушили мир: дали убежище в Выборге мятежным Российским Корелам; помогли им умертвить купцев

Ладожских, Новгородских и многих Христиан Греческой Веры, бывших в Корелии; грабили на берегах Онежских, сожгли предместье Ладоги и хотели взять Копорье. В сей опасности Новгородцы увидели худое к ним усердие Нариманта и бесполезность оказанной ему чести: еще и прежде (в 1335 году) — несмотря на его княжение в их области и на родственный союз Иоаннов с Гедимином — шайки Литовских разбойников злодействовали в пределах Торжка: за что Великий Князь приказал своим Воеводам сжечь в соседственной Литве несколько городов: Рясну, Осечен и другие, принадлежавшие некогда к Полоцкому Княжению. Хотя сии неприятельские действия тем и кончились, однако ж доказывали, что дружба Гедимины с Россиянами была только мнимая. Когда же Новгородцы, встревоженные нечаянною ратию Шведскою, потребовали Нариманта (бывшего тогда в Литве) предводительствовать их войском, он не хотел ехать к ним и даже вывел сына своего, именем Александра, из Орехова, оставив там одного Наместника. Но Шведы имели более дерзости, нежели силы: гордо отвергнув бла-

горазумные предложения Новгородского Посадника Феодора, ушли от Копорья и не могли защитить самых окрестностей Выборга, где Россияне истребили все огнем и мечем. Скоро начальник сей крепости дал знать Новгородцам, что предместник его сам собою начал войну и что Король желает мира. Написали договор, согласный с Ореховским и через несколько месяцев клятвенно утвержденный в Лунде, где Послы Российские нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали им всех беглых Корелов; но Магнус не согласился, ответствуя, что сии люди уже приняли Веру Латинскую и что их число весьма невелико. «Корелы, — сказал он, — бывают обыкновенно виною раздоров между нами; и так возьмем строгие меры для отвращения сего зла: впредь казните без милости наших беглецов; а мы будем казнить ваших, чтобы они своими злобными наветами не мешали нам жить в согласии».

Окончив дело с Шведами, Новгородцы отправили обыкновенную Ханскую дань к Иоанну; но Великий Князь, недовольный ею, требовал с них еще вдвое более серебра, будто

бы для Узбека. Они ссылались на договорные грамоты и на древние Ярославовы, по коим отечество их свободно от всяких чрезвычайных налогов Княжеских. «Чего не бывало от начала мира, того и не будет, — отвечивал народ Послам Московским: — Князь, целовав святой крест в соблюдении наших уставов, должен исполнить клятву». Прошло несколько времени: Великий Князь ждал вестей из Орды. Когда же Хан отпустил его сыновей с честью и всех других Князей с грозным повелением слушаться Московского: тогда Иоанн объявил гнев Новгороду и вывел оттуда своих Наместников, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величавого народа и решить вечную прю его вольности со властью Княжескою. К счастью Новгородцев, он должен был обратить силы свои к иной цели.

Хотя мы не видим по летописям, чтобы Князья Смоленские когда-нибудь ездили в Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повествователи наших государственных деяний, жив в других областях, вообще редко упоминают о Смоленске и его происшествии-

ях. Возможно ли, чтобы Княжение, столь малосильное, одно в России спаслося от ига, когда и Новгород, еще отдаленнейший, долженствовал повиноваться Царю Капчакскому? В Смоленске господствовал тогда Иоанн Александрович, внук Глебов, с коим Димитрий, Князь Брянский, в 1334 году имел войну. Татары помогали Димитрию; однако ж ни в чем не успели, и Князья, пролив много крови, заключили мир. Вероятно, что Хан не участвовал в предприятии Димитрия и что сему последнему служила за деньги одна вольница Татарская; но Иоанн Александрович ободрился счастливым опытом своего мужества и, вступив в союз с Гедимином, захотел, кажется, совершенной независимости. По крайней мере Узбек объявил его мятежником, отрядил в Россию Могольского Воеводу, именем Товлубия, и дал [в 1340 г.] повеление всем нашим Князьям идти на Смоленск. Владелец Рязанский, Коротопол, выступил с одной стороны, а с другой сильная рать Великокняжеская. Под знаменами Московскими шли Константин Васильевич Суздальский, Константин Ростовский, Иоанн Ярославич Юрьевский,

Князь Иоанн Друцкий, выехавший из Витебской области, и Феодор Фоминский, Князь Смоленского Удела. Не имея особенной склонности к воинским действиям, Иоанн Данилович остался в столице и вверил начальство двум своим Воеводам. Казалось, что соединенные полки Моголов и Князей Российских должны были одним ударом сокрушить державу Смоленскую; но, подступив к городу, они только взглянули на стены и, не сделав ничего, удалились! Вероятно, что Россияне не имели большого усердия истреблять своих братьев и что Воевода Узбеков, смягченный дарами Смолян, взялся умилоствовать Хана.

Сим заключилось достопамятное правление Иоанна Даниловича: остановленный в важных его намерениях внезапным недугом, он променял Княжескую одежду на мантию Схимника и кончил жизнь в летах зрелого мужества, указав наследникам путь к единовластию и к величию. Но справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и доб-

родетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд Истории, единственный для Государей — кроме суда Небесного, — не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога.

Несмотря на коварство, употребленное Иоанном к гибели опасного совместника, Москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любил проливать крови в войнах бесполезных, освободил Великое Княжение от грабителей внешних и внутренних, восстановил безопасность собственную и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден. Жители других областей Российских, от него независимых, завидовали устройству, тишине Иоанновых, будучи волнуемы злодействами малодушных Князей или граждан своевольных: так в Козельске один из потомков Михаила Черниговского, Князь Василий Пантелеймонович, умертвил дядю родного Андрея Мстиславича; так Владетель Рязан-

ский, Коротопол, возвращаясь из Орды перед Смоленским походом, схватил по дороге родственника своего, Александра Михайловича Пронского, ехавшего к Хану с данию, ограбил его и лишил жизни в нынешней Рязани; так Брянцы, вследствие мятежного Веча, умертвили (в 1340 году) Князя Глеба Святославича, в самый великий для Россиян праздник, в день Св. Николая, несмотря на все благоразумные убеждения бывшего там Митрополита Феогноста.

Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок, или *калиту*, наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван *Калитою*. Кроме собора Успенского им построены еще каменный Архангельский (где стояла его гробница и где с того времени погребали всех Князей Московских), церковь Иоанна Лествичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображения, древнейшая из существующих ныне и бывшая тогда Архимандритиею, которую основал еще отец Иоаннов на берегу

Москвы-реки при созданной им деревянной церкви Св. Даниила: Иоанн же перевел сию обитель к своему дворцу, любил более всех иных, обогатил доходами; кормил, одевал там нищих и в ней постригся пред кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, он окружил ее (в 1339 году) дубовыми стенами и возобновил сторевший в его время *Кремник*, или *Кремль*, бывший внутреннею крепостию или, по старинному именованию, *детинцем*. В княжение Иоанна два раза горела Москва; были и другие несчастья: ужасное наводнение от сильного дождя и голод, названный в летописях *рослою рожью*. Но подданные, благодотворенные деятельным, отеческим правлением Калиты, не смели жаловаться на бедствия случайные и славили его счастли-
вое время.

Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России северной. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу Немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (через Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Яро-

славля встретиться с шайками Татарских разбойников: милостивые грамоты Узбековы, данные Великому Князю, служили щитом для путешественников и жителей. Открылись новые способы мены, новые торжища в России: так в Ярославской области, на устье Мологи, где существовал *Холопий городок*, съезжались купцы Немецкие, Греческие, Италиянские, Персидские, и казна в течение летних месяцев собирала множество пошлинного серебра, как уверяет один писатель XVII века: бесчисленные суда покрывали Волгу, а шатры — прекрасный, необозримый луг Моложский, и народ веселился в семидесяти питейных домах. Сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия.

Добрая слава Калиты привлекла к нему людей знаменитых: из Орды выехал в Москву Татарский Мурза Чет, названный в крещении Захариюю, от коего произошел царь Борис Федорович Годунов; а из Киева Вельможа Родион Несторович, предок Квашниных, который был вызван Иоанном еще во время Михаила Тверского и привел с собою 1700 Отроков или Детей Боярских. Летописец рассказывает, что

сей Родион, возведенный Московским Князем на первую степень Боярства, возбудил зависть во всех других Вельможах; что один из них, Акинф Гаврилович, не хотел уступить ему старшинства, бежал к Михаилу Тверскому, с сыновьями своими, оставив в челядне, или в людской избе, новорожденного внука Михаила, прозванного *Челяднею*, что усердный Родион спас Иоанна Данииловича в битве с Тверитянами под городом Переславлем, в 1304 году, зашедши им в тыл, и, собственною рукою отрубив голову Акинфу, привез оную на копье к Князю; что Иоанн наградил его половиною Волока, а Родион отнял другую у Новгородцев, выгнав их Наместника, и получил за то от Великого Князя еще иную волюсть в окрестностях реки Восходни. Сии обстоятельства прописаны также в челобитной Квашнина, поданной Царю Иоанну Васильевичу на Бутурлиных, потомков Боярина Акинфа, во время несчастных споров о Боярском старейшинстве.

Древняя Русская пословица: *близ Царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи Моголов. Князья

ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию Царскою или по крайней мере с головою! Так Иоанн Даниилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою, которая преставилась Монахиною в 1332 году. Сия древнейшая из подлинных Духовных грамот Княжеских, нам известных, свидетельствует, какие города принадлежали тогда к Московской области и как велико было достояние Князей. После обыкновенных слов: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», Иоанн говорит: «Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю сию душевную грамоту, написанную мною добровольно, в целом уме и совершенном здравии. Приказываю, в случае смерти, сыновьям моим город Москву: отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостями; Ивану Звенигород и Рузу; Андрею Лопастну, Серпухов, Перемышль; Княгине моей с меньшими детьми села, бывшие в ее владении» (следуют имена их)... «также оброк *городских волостей*, а купеческие пошлины, в оных со-

бираемые, остаются доходом наших сыновей. Ежели Татары отнимут волость или село у кого из вас, любезные дети, то вы обязаны снова уравнивать свои части или Уделы. Люди *численные* » — *то* есть вольные, окладные, платившие дань государственную — «должны быть под общим вашим ведением; а в раздел идут единственно купленные мною. Еще при жизни дал я сыну Симеону из золота четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом и два ковша, а серебром три блюда; Ивану из золота четыре цепи, два пояса с жемчугом и с камнями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши, а серебром три блюда; Андрею из золота четыре цепи, пояс фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку, третий Ханский, два ковша, две чарки, а серебром три блюда. Золото Княгинино отдал я дочери Фетинье: четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, *чело* и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгине своей с меньшими детьми. Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую, Ивану желтую объ-

яринную шубу с жемчугом и мантию с бармами, Андрею шубу соболью с наплечками, низанными жемчугом, и портище алое с нашитыми бармами; а две новые шубы, низанные жемчугом, меньшим детям, *Марье* и *Федосье*. Серебряные поясы и другие одежды мои раздать священникам, а 100 рублей, оставленных мною у казначея, по церквам. Большое серебряное блюдо о четырех кольцах отослать в храм Владимирской Богоматери. Прочее серебро и Княжеские стада — кроме двух, отданных мною Симеону и Ивану — разделить моей супруге и детям. Тебе, Симеон, как старшему, приказываю меньших братьев и Княгиню с дочерьми: будь им по Боге главным защитником. — Грамоту писал Дьяк Великокняжеский Кострома, при Духовных отцах моих, Священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия». — К грамоте привешены две печати: одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и Св. Иоанна Предтечи и с надписью: *печать Великого Князя Ивана*, а другая свинцовая. — В сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переславле и

других городах, бывших достоянием Великокняжеского сана: Иоанн, располагая только своею отчиною, не мог их отказать сыновьям, ибо назначение его преемника зависело от Хана.

Исчисляя свои села, Великий Князь упоминает о купленных или вымененных им в Новгороде, Владимире, Костроме и Ростове: таким образом он старался приобретать наследственную собственность и вне Московской области, к неудовольствию других Князей и вопреки условию, заключенному с Новгородцами. Но еще несравненно важнейшим приобретением были города Углич, Белозерск и Галич купленные Иоанном Даниловичем: первые два у потомков Константина I, а третий у наследников Константина Ярославича Галицкого, как сказано в одной из грамот Дмитрия Донского: чему надлежало случиться незадолго до преставления Калиты. Однако ж сии Уделы до времен Донского считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных.

Мы имеем еще иную достопамятную гра-

моту времен Иоанновых, данную Василием Давидовичем Ярославским Архимандриту Спасской обители. Сей Князь пишет, что он, следуя примеру деда, Феодора Черного, определяет жалованье монастырским людям, в год по два рубля; освобождает их от всех налогов, также от яма, или подвод, от постоя и стражи; далее говорит: «Судии мои, Наместники и Тиуны, да не шлют *Дворян* своих за людьми Св. Спаса без ведома Игумена, который один судит их, или вместе с моим судиею, буде истец или ответчик не есть человек монастырский; в последнем случае часть денежной пени, налагаемой на виновного, идет в казну Св. Спаса, а другая в Княжескую. Жители *иных* областей, перезванные Игуменом в его ведомство, считаются людьми монастырскими; но работники их, приписанные к моим селениям, остаются под судом Княжеским. Черноризцы и Крылошане Спасские, торгуя в пользу Святой обители, увольняются от пошлин: что однако ж не уничтожает древнего устава о перевозах и бобровых реках». Сия харатейная грамота скреплена черною восковой печатаю и свидетельствует, какими граж-

данскими выгодами пользовались монастыри в России, согласно с уважением наших добрых предков к иноческому сану и в противность намерению, с коим были учреждены первые Христианские Обитатели, основанные единственно для трудов душеспасительных и чуждые миру.

Наконец, описав Княжение Иоанново, должны мы в последний раз упомянуть о Галиции как о *Российской* области. Внук Юрия Львовича, Князь Георгий, скончался около 1336 года, не оставив детей, и Хан прислал своих Наместников в Галицию; но жители, по сказанию одного современного Историка, тайно умертвили их и с дозволения Ханского поддались Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовского, и Марии, сестры Георгиевой, зятю Гедиминову, обязав его клятвою не отменять их уставов, не касаться сокровищ государственных или церковных и во всех делах важных требовать согласия народного или Боярского: без чего город Львов — где находилось сильное войско, составленное отчасти из Моголов, Армян и других иностранцев — не хотел покориться сему Князю. Но Бо-

леслав не сдержал слова. Воспитанный в Греческом исповедании, он в угодность Папе и Королю Польскому, своему родственнику, сделался Католиком: ибо вера нашего отечества, утесненного, растерзанного, казалась ему уже несогласную с мирскими выгодами. Сего мало: изменив православию, Болеслав хотел обратить и подданных в Латинскую Веру; сверх того угнетал их налогами, окружил себя Немцами, Ляхами, Богемцами и, следуя прихотям гнусного сластолюбия, отнимал жен у супругов, дочерей у родителей. Такие злодеяния возмутили народ, и Болеслав умер скоропостижно, отравленный столь жестоким ядом, как уверяют Летописцы, что тело его распалось на части. Казимир, свояк Болеславов, умел воспользоваться сим случаем и (в 1340 году) завладел Галициею, обещав жителям не теснить их Веры. Львов, Перемысль, Галич, Любачев, Санок, Тереховль, Кременец присягнули ему как законному Государю, и сокровища древних Князей Галицких — богатые одежды, седла, сосуды, два креста золотые с частию Животворящего Древа и две короны, осыпанные алмазами — были от-

везены из Львова в Краков. Довольный сим успехом, Король ограничил на время свое властолюбие и, заключив мирный договор с Литвою, уступил Кестутию, сыну Гедиминову, Брест, а Любарту, женатому на Княжне Владимирской, — Холм, Луцк и Владимир, как бы законное наследство его супруги. Так рушилось совершенно знаменитое княжение, или Королевство Даниилово, и древнее достояние России, приобретенное оружием Св. Владимира, долго называемое *городами Червенскими*, а после *Галичем*, было разделено между ино-племенниками.

Глава X

Великий князь Симеон Иоаннович, прозванный Гордый. 1340—1353 г.

Корыстолюбие Моголов. Твердость Симеона Гордого. Свойства Ольгердовы. Сношения папы с Ордою. Убиение Коротопола. Дела Псковские и Новгородские. Постыдное дело Новгородцев. Война с Магнусом. Псков — брат Новгорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздел западной России. Ссора Псковитян с Литвою. Ольгерд миротворец. Черная смерть. Земной рай. Белый Клобук. Кончина Симеона. Великий Князь вся Руси. Привидение. Завещание. Св. Алексей. Ссоры Удельных Князей. Обновление Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества в России.

Смерть Иоаннова была важным происшествием для Князей Российских: они спешили к Хану. Два Константина, Тверской и Суздальский, могли искать Великого Княжения: дру-

гие желали им успеха, боясь исключительного первенства Московских Владетелей. Но Симеон Иоаннович (во время кончины родителя быв в Нижнем Новгороде) также поехал с братьями в Орду; представил Узбеку долговременную верность отца своего, обещал заслужить милость Царскую и был объявлен великим Князем: прочие должны были ему повиноваться как Главе или старейшему. Без сомнения, не красноречие юного Симеона и не дружба Ханова к его родителю произвела сие действие, но другая, сильнейшая для варваров причина: корысть и подкуп. Моголы, некогда ужасные своею дикостию в снежных степях Татарии, изменились характером на берегах Черного моря, Дона и Волги, узнав приятности роскоши, доставляемые им торговле образованной Европы и Азии; уже менее любили опасности битв и тем более удовольствие неги, соединенной с грубою пышностию: обольщались золотом как главным средством наслаждения. Любимцы прежних Ханов искали завоеваний: любимцы Узбеков требовали взяток и продавали его милости; а Князья Московские, умножив свои До-

ходы приобретением новых областей и новыми торговыми сборами, находили ревностных друзей в Орде, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбию ее Вельмож и, называясь смиренным именем слуг Ханских, сделались могущественными Государями.

Симеон, в бодрой юности достигнув Великокняжеского сана, умел пользоваться властью, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал Ханов до унижения, но строго повелевал Князьями Российскими и заслужил имя *Гордого*. Торжественно воссев на престол в Соборном храме Владимирском, он при гробе отца клялся братьям жить с ними в любви, иметь всегда одних друзей и врагов; взял с них такую же клятву и скоро имел случай доказать твердость своего правления. Считая себя законным Государем Новагорода, он послал Наместников в Торжок для собрания дани. Недовольные сим действием самовластия, тамошние Бояре призвали Новгородцев, которые, заключив Наместников Княжеских в цепи, объявили Симеону, что он только Государь Московский; что Новгород *избирает* Князей и не терпит насилия.

Симеон, не споря с ними о правах, готовил войско. Новгородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали от себя Новгородских чиновников и Бояр своих, убив одного знатнейшего и разломав дома прочих; освободили Наместников Симеоновых и усердными восклицаниями приняли Великого Князя, окруженного полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими. Все Удельные Князья и Бояре их составляли его Двор воинский. Тут же был и Митрополит Феогност. Встревоженные Новгородцы велели областным жителям идти в столицу для ее защиты; послали Архиепископа с Боярами в Торжок требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую в области сего пограничного города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тем, что Великий Князь, следуя обыкновению, грамотою обязался наблюдать их древние уставы.

[1341 г.] Согласив честь Княжескую с обычаем народа вольного, Симеон распустил войско и вдруг услышал, что Ольгерд, сын Гедиминов, Князь Витебский, осадил Можайск с

намерением завоевать его для Владетеля Смоленского, союзника Литвы. Великий Князь не успел сразиться с неприятелем: Ольгерд выжег предместье; но видя крепость города и мужество защитников, отступил, может быть и для того, что в сие время умер славный Гедимин, отказав каждому из семи сыновей особенный Удел. Ольгерд, второй сын, превосходил братьев умом и славолубием; вел жизнь трезвую, деятельную; не пил ни вина, ни крепкого меду; не терпел шумных пиршеств, и когда другие тратили время в суетных забавах, он советовался с Вельможами или с самим собою о способах распространить власть свою.

В тот же год умер и знаменитый Хан Капчакский Узбек, памятный в нашей истории разорением Твери и бедствиями Михаилова рода, союзник и приятель Папы Венедикта XII, который надеялся склонить его к Христианству и коему он позволял утверждать Веру Латинскую в странах Черноморских, особенно в земле Ясов, обращенных Монахом Римским Ионою Валентом; жена Ханова и сын присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жи-

тели Кафы, ездили к нему в качестве Послов Татарских. Но Узбек не думал изменить Алкорану, терпя Христиан единственно как политик благоразумный. [1342 г.] Сын его, Чанибек, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Веры, открыл себе путь к престолу убиением двух братьев, и Князья Российские вместе с Митрополитом должныствовали немедленно ехать в Орду, чтобы смиренно пасть пред окровавленным ее троном. С честью и милостию отпустив Симеона, Хан долго держал Митрополита, требуя, чтобы он, богатый доходами, серебром и золотом, ежегодно платил церковную дань Татарам; но Феогност ссылался на льготные грамоты Ханов, и Чанибек удовольствовался наконец шестьюстами рублей, даром единовременным: ибо — что достойно замечания — не дерзнул самовольно отменить устава своих предков; а Феогност за его твердость был прославлен нашим Духовенством. Все осталось, как было при Узбеке; один Князь Пронский, Ярослав, сын убиенного Александра, милостию нового Хана распространил свое владение. Гнусный убийца, Иоанн Коротопол, лишился престола и

жизни. Провождаемый Киндяком, Вельможею Чанибека, Ярослав осадил Иоанна в столице: сей злодей ночью бежал, однако ж не избавился от казни; его умертвили чрез несколько месяцев. К сожалению, Татары, будучи орудиями справедливой мести, не могли действовать бескорыстно: они хотели добычи и пленили многих жителей Переславля Рязанского. Ярослав княжил с того времени в Ростиславле (ныне селе на берегу Оки) и чрез два года умер; а наследники его — кажется, добровольно — уступили после сие приобретение сыну Коротопола, Олегу.

В отсутствие Симеона Псковитяне воевали с Ливонскими Немцами, которые убили в Летгаллии послов их. Во Пскове начальствовал Князь Александр Всеволодович, коего род нам неизвестен: отмстив Немцам разорением сел в юго-восточной Ливонии, он уехал в Новгород, и Псковитяне тщетно убеждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и Новгородское Правительство дать им Наместника и войско. Так говорит их собственный Летописец, прибавляя, что Немцы заложили крепость Нейгау-

зен в границах России на берегу реки Пижвы; что Псковитяне, взяв предместье Ругодива, или Нарвы (города, основанного Датчанами в 1223 году), и слыша о сильных вооружениях Ордена, отправили в Витебск Послов, которые сказали Ольгерду: «Братья наши, Новгородцы, в злобе своей не помогают нам. Государь! Вступишь за утесненных». Но Летописец Новгородский обвиняет Псковитян в вероломстве: они сами, по его известию, выслали Князя Александра Всеволодовича и, встретив Новгородцев, шедших защитить их от Рыцарей, советовали им возвратиться, уверяя, что опасность миновалась и что Немцы строят крепость на своей земле. Сие было в начале весны: 20 Июля Ольгерд как союзник явился во Пскове с дружиною и с братом Кестутием. Они думали идти в Ливонию; но Рыцари, истребив их передовой отряд, вдруг осадили Изборск и, схватив племянника Гедиминова, Любка, изрубили его в куски. Огорченные смертью сего Князя, Ольгерд и Кестутий отказались действовать для спасения осажденных, и жители, не имея ни капли воды, должныствовали бы сдаться, если бы Немцы не

отступили от города, испуганные, как вероятно, слухом о Литовской силе. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзником, однако ж молили Ольгерда снова принять Веру Христианскую, им отверженную, и княжить в их области, надеясь, что в таком случае он будет уже верным ее защитником. Вместо себя Ольгерд дал им сына, именем Андрея, и позволил ему креститься; но как сей юный Князь, оставив у них Наместника, вслед за отцом уехал в Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться с Новымгородом и признали верховную власть его над ними.

В сие время Новгород сам находился в обстоятельствах неблагоприятных. Пожары истребили большую часть оногo: конец Неревский, Людин и Славянский; не уцелели ни дом Архиепископа, ни мост, ни богатые церкви: Софийская, Борисо-Глебская и Сорока Мучеников. Люди бежали из домов и жили вне города, на поле, даже в лодках, непрестанно ожидая новых пожаров, так что Архиепископ едва успокоил их церковными ходами и молебнами. Другого рода несчастье состояло в

дерзости и междоусобии граждан. В начале Симеонова княжения толпа их удальцов опустошила Устюжну и волости Белозерские, которые зависели от Великого Князя. Еще в 1294 году один из знатных Бояр Новгородских, построив крепость близ границ Эстонских, хотел там властвовать независимо: оскорбленное Правительство велело скрыть оную и сжечь его село. Сей пример должного наказания не мог обуздать своевольных: сын умершего Посадника Варфоломея, именем Лука, набрал шайку бродяг и, разорив множество деревень в Заволочье, по Двине и Варе, основал для своей безопасности городок Орлец на реке Емце. Его умутили жители как разбойника; но чернь Новгородская, преданная ему, думала, что он убит слугами Посадника Феодора, и требовала мести. Граждане разделились на два Веча: одно было у Св. Софии за Луку, другое на Дворе Ярослава за Посадника. Архиепископ и Наместник Княжеский едва отвратили кровопролитие.

[1343 г.] Однако ж Новгородцы были готовы стоять всеми силами за Псковитян, которые, в надежде на их дружбу, решились сме-

лее воевать Ливонию, предводимые каким-то Князем Иоанном и Евстафием Изборским. Они пять дней не сходили с коней, опустошая села вокруг Оденпе. Магистр Бурхард гнался за ними до границы и с жаром начал битву, в коей Россияне, утомленные и гораздо слабейшие числом, купили победу кровию некоторых лучших Бояр своих, а Немцы лишились славнейшего из их витязей, Иоанна Левенвольда. Между тем в Изборске и Пскове народ был в ужасе: один Священник, прибежав с места битвы, объявил, что Немцы умертвили всех Россиян; но отправленные гонцы Псковские нашли рать свою уже под стенами Изборска, где Князья и воины отдыхали среди пленников и трофеев. Орден заключил мир с городом Псковом, ибо имел опасных неприятелей внутри собственных владений. Историк Ливонии говорит, что сия земля могла тогда справедливо назваться «небом дворян, раем Духовенства, золотым рудником иностранцев и адом утесненных земледельцев». В 1343 году открылось всеобщее возмущение в Эстонии: народ умертвил множество Датчан и Немцев, осадил Ревель, взял крепость Эзель-

скую. Около двух лет продолжалась война кровопролитная: меч и голод истребили большую часть бедных жителей, и Король Датский за 19000 марок серебра уступил Немецкому Ордену все права свои на Эстонию.

[1345 г.] В Литве сделалась перемена. Сын Гедиминов, Евнутий, княжил в Вильне, Наримант в Пинске, Кестутий в Троках. Последний вступил в тесный союз с Ольгердом: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество и неожиданно взяли Вильну с другими городами. Евнутий ушел в Смоленск, Наримант к Хану Татарскому: Ольгерд же, присвоив себе господство над прочими братьями, сделался Владыкою единой державным. Устроив порядок внутри Государства, сей Князь обратил глаза на Россию: он слышал, что Новгородцы явно поносят честь его: сверх того изганный Евнутий прибегнул к Великому Князю Симеону, крестился в Москве, названный Христианским именем Иоанна, и хвалился дружбою Россиян. Ольгерд вступил [в 1346 г.] в область Шелонскую: завоевал Опоку и берега Луги, взял 300 рублей дани с Порхова и велел сказать Новгород-

цам: «Ваш Посадник Евстафий осмелился все-народно назвать меня псом: обида столь наг-лая требует мести; иду на вас». Они воору-жились, чтобы сразиться с Литвою. Но Посадник имел врагов между согражданами, утвер-ждавших, что безрассудно лить кровь многих за нескромность одного чиновника; что луч-ше принести его в жертву отечеству и тем удовлетворить раздраженного Ольгерда. Другие, уже будучи в походе, согласились с ними и, возвратясь с пути, умертвили Евста-фия на Вече. Сие дело, противное народной чести, противное всем законам, есть одно из постыднейших в истории Новгородской, бу-де летописцы не скрыли некоторых обстоя-тельств, уменьшающих его гнусность. Оль-герд был доволен уничижением гордейшего из народов Российских и согласился на мир [в 1347 г.], чтобы воевать с Немецким Орденом, коего Великий Магистр чрез несколько меся-цев одержал над Литвою блестящую победу, горестную для Витебска, Полоцка и Смолен-ска: ибо жители сих городов сражались под знаменами Ольгерда.

Гораздо лучше и великодушнее поступили

Новгородцы в делах с Швециею. Король Магнус, легкомысленный, надменный, вздумал загладить грехи своего нескромного сластолюбия, услужить Папе и прославиться подвигом благочестивым; собрал в Стокгольме Государственный Совет и предложил ему силою обратить Россиян в Латинскую Веру, требуя людей и денег. Сие намерение казалось совету достохвальным; но Швеция, истощенная корыстолюбием Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнул прикоснуться к церковным сокровищам, или *доходам Св. Петра*, презрел неудовольствие Епископов и нанял многих Немецких воинов. В сие время славилась там пророчествами и святостию вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именем Бригитта: она, как вдохновенная Пифия, заклинала Магнуса не брать с собою развратных иноземцев, но идти на Россию с одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успехов истины: в противном случае грозила ему бедствием. Король смеялся над ее предсказанием и, с войском многочисленным приплыв [в 1348 г.] к острову Березовому или

Биорку, послал объявить Новгородцам, чтобы они избрали Русских *философов* для прения со Шведскими о Вере и приняли Латинскую, если она будет найдена лучшею, или готовились воевать с ним. Архиепископ Василий, Посадник, все чиновники и граждане, изумленные таким предложением, благодарно ответствовали: «Ежели Король хочет знать, какая Вера лучше, Греческая или Римская, то может для состязания отправить людей ученых к Патриарху Цареградскому: ибо мы приняли Закон от Греков и не намерены входить в суетные споры. Когда же Новгород чем-нибудь оскорбил Шведов, то Магнус да объявит свои неудовольствия нашим Послам». Боярин Козма Твердиславич поехал для свидания с Королем; но Магнус сказал ему, что он, не имея никаких причин к неудовольствию, желает только обратить Россиян на путь душевного спасения, добровольно или оружием. Война началась. Шведы приступили к Орехову, предлагая окрестным жителям на выбор смерть или Папу. Сие безумное насилие воспалило гнев и мужество в Новгородцах. Воины стекались к ним из обла-

стей в Ладогу. Хотя Орехов (где был еще Наместник сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потеряв 500 человек в битве на берегах Ижеры, имея недостаток в съестных припасах, видя множество больных в своей войске и зная, что Россияне идут со всех сторон окружить его флот на реке Неве, сей легкомысленный Король уверился в истине Бригиттина предсказания, оставил несколько полков в Невской крепости и возвратился в отечество с одним стыдом и с десятью пленниками, в числе коих были Аврам Тысячский и Козма Твердиславич, взятые в Орехове. Шведские Летописцы говорят, что Магнус, овладев сим городком и неволею крестив жителей по обрядам Римской Церкви, *великодушно* освободил их; что они дали ему клятву склонить всех своих единоплеменников к принятию Латинской Веры, но *коварно* обманули его и действовали после как самые злейшие неприятели Шведов и Папы.

Великий Князь, по-видимому, мало заботился о Новгородцах, и только однажды (в 1347 году) жил у них три недели, призванный ими чрез Архиепископа. Слыша о нападении

Шведов, он долго медлил; наконец выступил с войском, но возвратился в Москву за каким-то Ханским делом и вместо себя велел идти в Новгород брату своему Иоанну с Константином Ростовским; а сии Князя — сведав, что Орехов завоеван Магнусом, — немедленно ушли назад, не приняв, как говорит Летописец, *Архиепископского благословения, ни челобитья Новгородского*. Вероятно, что не робость, но хитрые намерения политические были тому причиною: Симеон хотел, кажется, довести сей величавый народ до крайности и воспользоваться ею для утверждения своей власти над оным. — «Князь оставляет нас, — говорили Новгородцы: — возложим упование на Бога и на Святую Софию». Вспомогательная дружина Псковская была в их стане под Ладогою: они хотели доказать свою благодарность за сие усердие и торжественно объявили, что знаменитый город Псков должен впредь называться *младшим братом Новгорода*. «Одна любовь и Вера да утвердят искренний, вечный союз между нами! — сказали Новгородцы Псковитянам: — не будем давать вам Посадников; не будем требовать вас

на суд к Св. Софии: правьте и рядите сами; а для суда Церковного Архиепископ изберет Наместника из ваших сограждан». Таким образом отчизна Св. Ольги приобрела гражданскую независимость — и, к сожалению, запятнала себя черным делом неблагодарности. Когда Новгородцы в Августе месяце приступили к Орехову и, видя упорство Шведов, решились зимовать в стане: Псковитяне, не захотев терпеть ненастья и холода, объявили, что идут обратно в землю свою, разоряемую Немцами. Ливонские Рыцари действительно, нарушив тогда мир, выжгли села на границе в области Изборской, Островской и самое предместье Пскова: следственно, обстоятельства извиняли Псковитян, и Новгородцы, согласные на их отступление, желали единственно, чтобы оно было ночью и чтобы неприятель не видал его; но чиновники Псковские, в досаду великодушным благодетелям, вывели рать свою из стана в самый полдень, затрубили в трубы, ударили в бубны и тем порадовали Шведов, которые, стоя на валу, громко смеялись. Оставленные Великим Князем и союзниками, Новгородцы не уныли, сделали при-

мет к стенам крепости, взяли оную 24 февраля [1349 г.], убив или пленив 800 неприятелей, и торжествовали сей успех как славное происшествие для отечества и веры. Они положили употребить отнятое ими у Шведов серебро на украшение церкви Бориса и Глеба, отправили пленников в Москву к Симеону и, несмотря на худую верность Псковитян, сдержали данное им слово, считая их с того времени уже не подданными, а совершенно вольными в избрании гражданских Правителей. — Чтобы озаботить Магнуса с другой стороны его владений, Новгородцы из Двинской земли ходили воевать Норвегию; разбили также Шведов под Выборгом; наконец, заключив с ними мир в Дерпте, разменялись пленниками, с условием, чтобы область Яс-киская, Эграпская и часть Саволакса принадлежали России: Систербек остался границею. Договор был подписан Королем, Графом Генриком Голштейнским, Вельможами Турсопом, Геннингом, Священником Вамундом и двумя Готландскими купцами; также Новгородским Посадником Юрием, Тысячским Авраамом и другими Боярами. Хотя Король в

1351 году замышлял новую войну против Россиян и Папа в угодность ему дозволил его витязям ознаменоваться святым крестом; но внутренние раздоры и несчастья Швеции не допустили сего ветреного Монарха вторично безумствовать для мнимого душевного спасения.

Между тем Великий Князь был занят иными делами. Узнав, что Ольгерд, теснимый Немцами, прислал к Хану брата своего, Корияда, требовать помощи, Симеон внушил Чанибеку, что сей коварный язычник есть враг России, подвластной Татарам, следственно и самих Татар; а Хан, убежденный представлениями Московских Бояр, выдал им Корияда с другими послами Литовскими. Столь незаконное действие могло справедливо раздражать Ольгерда; но вместо злобы, он изъявил Симеону желание быть его другом: ибо тогдашние обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новых неприятелей. Мы упоминали о мирном договоре Казимира Польского с Литвою, отдавшего Любарту и Кестутию всю западную Волынию сгородом Брестом: переменяя мысли, Казимир в 1349 году отнял у

них сие владение, из милости дав Любарту один Луцк, а некоторых частных Князей Российских, потомков Св. Владимира, оставив господствовать в их Уделах как своих присяжников. Сие происшествие заставило Ольгерда и братьев его искать дружбы Симеоновой, тем естественнее, что Король Польский, ободренный успехами, вздумал быть гонителем церкви греческой, теснил Духовенство в Волынии и православные церкви обращал в Латинские. Граждане стенали: утратив государственную независимость, они еще умели крепко стоять за веру отцев и, гнушаясь насильем Папистов, славили терпимость Литовского Правления; а глас народа единокровного громко отзывался в Москве. Нет сомнения, что и Митрополит ревностно ходатайствовал за Князей Литовских — которые не мешали ему повелевать Духовенством в Волынии — особенно же за Любарта, усердного сына нашей Церкви. И так Великий Князь, согласно с общим желанием, не только освободил Корияда, взяв за него окуп, но вступил и в тесную связь с сыновьями Гедимины, утвержденную свойством: Любарт женился на Ростовской

Княжне, племяннице Симеона; язычник Ольгерд на его свояченице Иулиании, дочери Александра Михайловича Тверского. Сие второе бракосочетание затрудняло совесть Великого Князя; но Митрополит Феогност благословил оное, в надежде, как вероятно, что Ольгерд рано или поздно будет Христианином, и с условием, чтобы его дети воспитывались в истинной Вере. Изгнанник Евнутий, покровительствуемый Россиею, мог безопасно возвратиться в отечество: братья дали ему Удел в Минской области.

В то время, когда Государь Польский веселился и торжествовал свои успехи в Кракове, Литовские Князья в тишине собирали войско, имели тайные сношения с жителями Волынии и, желая еще более усыпить Казимира, обещали ему принять Римскую Веру, так, что Папа, Климент VI, уже готовился послать им знаки Королевского сана. Но хитрость обнаружилась: уверенные в дружбе Московского Князя и пользуясь его содействием для умножения своих ревностных доброжелателей в юго-западной России, Ольгерд, Кестутий и Любарт ударили на Поляков и выгнали их из

Волынии. — С сего времени *четыре* народа спорили о древнем достоянии нашего отечества: о Галиции, Подолии и земле Волынской. *Моголы*, по сказанию Флорентийского современного Историка, изгнанные из своих жилищ голодом, около 1351 года ворвались в землю Брацлавскую, где властвовал один из Российских Князей. Людовик, Король Венгерский, его покровитель, старался вытеснить их оттуда: в 1354 году, вместе с Казимиром Великим, перешел за Буг и взял в плен юного Князя Татарского. Однако ж *Моголы* еще несколько лет держались в окрестностях Днестра. *Венгрия* хотела присвоить себе Галицию и наконец должна была уступить оную *Польше*, а *Князья Литовские* удерживали в своем подданстве большую часть других западных областей Российских, до самого XVI века, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Несмотря на союз Гедиминовых сыновей с Великим Князем, Псковитяне сделались неприятелями Литвы. Наместником Андрея Ольгердовича был у них Вельможа Княжеского рода, именем Юрий Витовтович. в 1349 го-

ду убитый Немцами, в нечаянном набеге, под стенами Изборска: муж храбрый и благочестивый Христианин, оплаканный народом и погребенный в Соборной церкви. Его кончина прервала связь граждан Псковских с Литвою. Взяв крепость, заложенную Немцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велели сказать Князю Андрею: «Ты не хотел сам управлять нами: мы же не хотим теперь ни твоих Наместников, ни тебя». Вследствие чего Ольгерд задержал купцев Псковских, отняв у них товары; а сын его, Андрей, княживший тогда в Полоцке, опустошил несколько сел на реке Великой.

[1352 г.] Но хитрый Ольгерд пользовался дружбою Симеона. Сведав, что Великий Князь, недовольный Смоленским Владетелем, союзником Литвы, намерен объявить ему войну, Ольгерд желал быть их миротворцем. Послы Литовские нашли Симеона, провождаемого братьями и другими Князьями, в Вышегороде, на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вместе с дружеским письмом от своего Государя. Великий Князь уважил его ходатайство, но шел далее к реке Угре: там, встре-

тив Послов Смоленских, он заключил мир и возвратился в Москву быть свидетелем и, как вероятно, жертвою ужасного гнева Небесного.

Еще в 1346 году был мор в странах Каспийских, Черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Леской и Черкесской, в Орне при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сарае. Пишут, что сия жестокая язва, известная в летописях под именем *черной смерти*, началась в Китае, истребила там около тринадцати миллионов людей и достигла Греции, Сирии, Египта. Генуэзские корабли привезли оную в Италию, где, равно как и во Франции, в Англии, в Германии, целые города опустели. В Лондоне на одном кладбище было схоронено 50000 человек. В Париже отчаянный народ требовал казни всех Жидов, думая, что они сыплют яд в колодези. В 1349 году началась зараза и в Скандинавии; оттуда или из Немецкой земли перешла она во Псков и Новгород: в первом открылась весною 1352 года и свирепствовала до зимы с такою силою, что едва осталась треть жителей. Болезнь обнаруживалась железами в мягких впадинах тела; человек харкал кровию и на другой или на

третий день издыхал. Нельзя, говорят Летописцы, вообразить зрелища столь ужасного: юноши и старцы, супруги, дети лежали в гробах друг подле друга; в один день исчезали семейства многочисленные. Каждый Иерей поутру находил в своей церкви 30 усопших и более; отпевали всех вместе, и на кладбищах уже не было места для новых могил: погребали за городом, в лесах. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающим, в надежде пользоваться их наследством; когда же увидели, что язва сообщается прикосновением и что в самом имуществе зараженных таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сын убегал отца, брат брата. Напротив того некоторые изъявляли великодушные: не только своих, но и чужих мертвцов носили в церковь; служили Панихиды и с усердием молились среди гробов. Другие спешили оставить мир и заключались в монастырях или отказывали церквам свое богатство, села, рыбные ловли; питали, одевали нищих и благодеяниями готовились к вечной жизни. Одним словом, думали, что всем умереть должно. — В сих обстоятельствах

несчастные Псковитяне звали к себе Архиепископа Василия благословить их и вместе с ними принести жертву моления Всевышнему: как достойный Пастырь Церкви он спешил их утешить, презирая опасность. Встреченный народом со изъявлениями живейшей благодарности, Василий облачился в ризы Святительские; взял крест и, провождаемый Духовенством, всеми гражданами, самыми младенцами, обошел вокруг города. Иереи пели Божественные песни; Иноки несли мощи; народ молился громогласно, и не было такого каменного сердца, по словам летописи, которое не изливалось бы в слезах пред Всевидящим Оком. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архиепископ успокоил души, и Псковитяне, вкусив сладость Христианского умиления, терпеливее ожидали конца своему бедствию: оно прекратилось в начале зимы [1352 г.].

Василий, без сомнения зараженный язвою, на возвратном пути скончался, к великому сожалению Новгородцев и примиренных с ними Псковитян. Сей Архиепископ был отменно любим первыми: брал всегда ревност-

ное участие в делах правления; строил не только храмы, но и мосты, нужные для удобного сообщения людей, и собственными руками заложил новую городскую стену на другой стороне Волхова; украсил Софийскую церковь медными, вызолоченными воротами и живописью Греческою; славился также разумом: был учителем крестного сына своего, Михаила Александровича Тверского, и в образец тогдашних богословских понятий оставил нам письмо к Епископу Тверскому Феодору, доказывая в оном, что «рай и ад действительно существуют на земле вопреки мнению новых еретиков, которые признают их *мысленными* или *Духовными*». Уважая гражданские и пастырские достоинства Василия, великодушно умершего для облегчения страждущих Псковитян, осудим ли сего знаменитого мужа за то, что он искал рая на Белом море и верил, что некоторые путешественники Новгородские видели оный издали? — Василий первый из Архиепископов получил от Митрополита *крещатые ризы* в знак отличия и *белый клобук*, как пишут, от Патриарха Цареградского, донныне хранимый в Новгородской Со-

фийской ризнице и прежде носимый в Греции теми Святителями, которые были поставляемы из Белого Духовенства.

Скоро язва посетила и Новгород, где от 15 августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и в других областях Российских: в Киеве, Чернигове, Смоленске, Суздале. В Глухове и Белозерске не осталось ни одного жителя. Таким образом от Пекина до берегов Евфрата и Ладоги недра земные наполнились миллионами трупов, и Государства опустели. Иностранные Историки сего бедствия сообщают нам два примечания: 1) везде гибло более молодых людей, нежели старых; 2) везде, когда зараза миновалась, род человеческий необыкновенно размножился: столь чудесна Природа, всегда готовая заменять убыль в ее царствах новою деятельностью плодотворной силы!

[1353 г.] Летописцы наши сказывают, что вся *Россия* испытала тогда гнев Небесный: следственно и Москва, хотя они не упоминают об ней в особенности. Сие тем вероятнее, что в короткое время скончались там Митрополит Феогност, Великий Князь, два сына его

и брат Андрей Иоаннович. Симеон имел не более тридцати шести лет от рождения. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять раз ездил в Орду, чтобы соблюсти тишину в государстве; пользуясь отменною благосклонностию Хана, исходатайствовал для разоренного Тверского Княжения свободу не платить дани Моголам, и первый, кажется, именовал себя великим Князем *всёя Руси*, как то вырезано на его печати. Видя внезапную смерть пред собою, он постригся (названный именем Созонта) и Духовным завещанием распорядил свое достояние. По кончине первой супруги в 1345 году Симеон сочетался браком с Евпраксиєю, дочью одного из Смоленских Князей. Феодора Святославича, управлявшего Волоком в сане Наместника; но чрез несколько месяцев отослал ее к отцу, будто бы для того, что «она на свадьбе была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецом». К общему неудовольствию и соблазну правоверных, Евпраксия вышла за Князя Фоминского, Феодора Красного; а Симеон женился в третий раз на Княжне Тверской, Марии Александровне, прижил с нею четырех сыновей,

умерших в детстве, и в знак любви отказал ей наследственные и купленные им волости, Можайск, Коломну, все сокровища, золото, жемчуг и *пятьдесят верховых* коней. «Кто из Бояр, — пишет Великий Князь, — захочет служить моей Княгине, тот, владея нашими селами, обязан давать ей половину дохода. Всем людям, купленным или за вину взятым мною в рабство: сельским Тиунам (прикащикам), старостам, ключникам или женатым на их дочерях, объявляю вечную свободу. — Вам, любезные братья» (ибо Андрей жил еще около шести недель) «поручаю супругу и Бояр моих и приказываю то же, что нам отец приказывал: живите согласно, не переменяйте уставленного мною в делах государственных или судебных; не внимайте клеветникам и ссорщикам; слушайтесь добрых, старых Бояр и нашего Владыки *Алексия* ». Сей знаменитый Святитель был крестник Иоанна Данииловича, сын Черниговского Боярина, Феодора Бяконта, служившего еще отцу его, и назывался мирским именем Елевферия: в самой цветущей юности возненавидев свет, к огорчению родителей он постригся в Московской

Обители Св. Богоявления, за добродетель свою получил сан Митрополитова Наместника и жил в одном доме с Феогностом, 12 лет управляя всеми делами церковными, между тем как Митрополит ездил в Царьград, в Орду и в отдаленные Епархии Российские. Сии путешествия иногда не делали чести Феогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверх угощения, весьма для них тягостного. Но Алексей не думал о мзде и с неутомимою деятельностью занимался только общим церковным благоустройством. Поставленный Епископом Владимиру, он гласом народа и Двора Княжеского был назначен заступить место Феогноста, который, готовясь к смерти, писал о том к Патриарху, а Симеон к Императору, Иоанну Кантакузину. Митрополит отправил Послами в Царь-град Артемия Коробьина и Михаила Грека, Симеон Дементия Давидовича и Юрия Воробьина: они возвратились уже по кончине Великого Князя с благоприятным ответом, чтобы Алексей ехал в столицу Империи для поставления. Еще при жизни Феогноста Терновский Патриарх самовольно объявил Митрополитом России како-

го-то Инока Феодорита и прислал его в Киев с грамотою; но тамошнее Духовенство не хотело иметь никакого дела с сим новым Патриархом и единодушно отвергнуло Феодорита как самозванца.

Хотя Симеон умел быть действительно Главою Князей Удельных, однако ж власть его не могла отвратить некоторых раздоров между ими. Константин Тверской ссорился с невесткою Анастасиею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыном ее. Всеволодом Холмским, насильственно захватывая их Бояр и доходы. Огорченный Всеволод поехал с жалобами к великому Князю и в Орду, вслед за дядею, который там и скончался. Хан — согласно, может быть, с волею Симеона — отдал Всеволоду Тверское Княжение, а Василий Михайлович Кашинский, брат Константинов, взяв дань с Холма, спешил к Моголам с богатыми дарами. Дядя и племянник встретились в городе Бездеже как неприятели: второй ограбил первого и, зная, что никто с пустыми руками не бывает прав в Орде, покойно сел на престоле Тверского княжения; но тамошний Епископ Феодор убедил его при-

мириться с дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмом. Тишина восстановилась: Симеон равно покровительствовал того и другого Князя, будучи зятем Всеволода и тестем Михаила, сына Василиева; однако ж Василий не мог забыть своей обиды, изъявлял ненависть к племяннику и теснил его владение.

В государственное Симеона Князь Юрий Ярославич Муромский обновил *древний* Муром, издавна запустевший, как сказывают летописцы: то есть он перенес сей город на его древнее место (в 1351 году), построив там дворец и многие церкви; Бояре, купцы начали селиться вокруг дворца, и народ следовал их примеру. Сей Юрий, по Святом Глебе, есть достопамятнейший из Муромских Князей, о которых наша история говорит мало: ибо они жили тихо от недостатка в силах и со времен Андрея Боголюбского зависели более от Великих Князей Владимирских, нежели от Рязанских, хотя их Удел издревле был областью Рязани.

К церковным достопамятностям сего времени принадлежит начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важным государствен-

ным делам, коих она была феатром. Один из Бояр Ростовских, Кирилл, с неудовольствием видя уничижение своего Князя и самовольство Московских чиновников в его земле при Калите, не хотел быть свидетелем оного и переехал в городок Радонеж, Удел меньшего брата Симеонова, Андрея. Там охотно селились люди неизбыточные: ибо Наместник Княжеский давал им льготу и выгоды: Кирилл же, некогда богатый, от разных несчастий оскудел. Двое из юных сыновей его, Стефан и Варфоломей (названный в монашестве Сергием) искали убежища от мирских печалей в трудах святости: первый сделался Игуменом Богоявленской обители в Москве, а второй, жив долго пустынником в лесах дремучих, среди безмолвного уединения и диких зверей, близ деревянной церкви Св. Троицы, им созданной, основал нынешнюю Лавру: ибо слава о добродетели его привлекла к нему многих Иноков. Строгая набожность и Христианское смирение возвеличили Св. Сергия между современниками: Митрополит, Князь, Бояре изъявляли к нему отменное уважение, и мы увидим сего благочестивого мужа

исполнителем трудных государственных поручений.

Чем реже находим в летописях известия о состоянии художеств в древней России, тем оные любопытнее для Историка. В Княжение Симеоново были расписаны в Москве три церкви: собор Успенский, Архангельский и храм Преображения; первый Греческими живописцами Феогноста Митрополита, второй *Российскими придворными, Захариею, Иосифом и Николаем* с товарищами, а третий иностранцем *Гойтаном*. В сие же время отличался в литейном искусстве Россиянин Борис: он лил колокола в Москве и Новгороде для церквей Соборных. Греция все еще имела тесную связь с Россиею, присылая нам не только Митрополитов, но и художников, которые учили Русских. Образованная Германия могла также способствовать успеху гражданских искусств в нашем отечестве. Заметим, что при Симеоне начали употреблять в России бумагу, на коей писан договор его с братьями и Духовное завещание. Вероятно, что она шла к нам из Немецкой земли чрез Новгород.

Глава XI

Великий князь Иоанн II Иоаннович. 1353—1359 г.

Характер Великого Князя. Жестокость Олега. Властолюбие Ольгерда. Междоусобия. Действия духовной власти в Новгороде. Убийство в Москве. Дела церковные. Добродетели Св. Алексия. Слова юного Дмитрия. Смерть и завещание Великого Князя. Начало Княжества Молдавского и Волошского.

Все Князья Российские поехали в Орду узнать, кто будет их Главою; а Новгородцы особенно послали туда Боярина своего Судюкова просить Хана, чтобы он удостоил сей чести Константина Суздальского, благоразумного и твердого. Вопреки им, Чанибек избрал Иоанна Иоанновича Московского, тихого, миролюбивого и слабого.

Еще новый Государь не возвратился из Орды, когда юный Олег Рязанский, сын Коротопола, овладев всем Княжением своего отца,

дерзнул восстать на Московское. Он хотел быть совершенно независимым; хотел также отмстить за убиение в Москве предка его, Константина, и снова присоединить к Рязани берега Лопасни, где уже давно и бесспорно господствовали Калитины наследники. Сей предлог войны мог казаться отчасти справедливым; но юноша Олег, преждевременно зрелый в пороках жестокого сердца, действовал как будущий достойный союзник Мамаев: жег, грабил и, пленив Лопаснинского Наместника Иоаннова, не устыдился мучить его телесно; наконец дал ему свободу, взяв окуп и заслужив ненависть Москвитян, хвалился любовью Рязанцев, которые, приметив в нем смелость и решительность, в самом деле ожидали от него геройских подвигов.

Кроткий Иоанн уклонился от войны с Олегом, довольный освобождением своего Наместника, и терпеливо сносил послушание Новгородцев, не хотевших быть ему подчиненными, до самого того времени, как Суздальский Князь, Константин Васильевич, ими любимый, скончался: тогда, уже не видя достойного соперника для Великого Князя, они при-

няли Наместников Иоанновых; а Чанибек утвердил Нижний, Городец и Суздаль за сыном Константиновым, Андреем: ибо самое ближайшее право наследственное для Владетелей Российских не имело силы без Ханского согласия. Так Иоанн Феодорович Стародубский по кончине старшего брата, Димитрия, ждал целый год грамоты Чанибековой, без коей он не мог назваться Князем сего Удела.

[1354—1359 гг.] Время Государей тихих редко бывает спокойно: ибо мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и мятежников внутренних. Ольгерд, выдав дочь свою за Бориса Константиновича Суздальского, брата Андреева, и женив племянника, Димитрия Кориядовича, на дочери Великого Князя, старался, несмотря на то, более и более стеснять Россию. Смоленск и Брянск уже давно зависели некоторым образом от Литовского Княжения, как союзник слабый обыкновенно зависит от сильного: еще не довольный сим правом, Ольгерд хотел совершенно овладеть ими и взял в плен юного Князя Иоанна Васильевича, коего отец получил тогда от Хана грамоту на Удел Брян-

ский. Василий скоро умер, и сей несчастный город, быв долгое время жертвою мятежного безначалия, наконец (в 1356 году) поддался Литве. Чтобы открыть себе путь к Тверскому и Московскому Княжению, Ольгерд занял было своим войском и городок Ржев; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опасным намерением, спешили вооружиться и выгнали оттуда Литовцев. С другой стороны Андрей Ольгердович, Князь Полоцкий, все еще злобствовал на Псковитян, называя их вероломными изменниками: они также мстили ему за разбой разбоями в его области, предводимые мужественным Евстафием Изборским.

Внутри России Муром, Тверь и Новгород страдали от междоусобия. Мы упоминали о Князе Юрии Ярославиче Муромском: родственник его Феодор Глебович, собрав многочисленную толпу людей (в 1355 году), изгнал Юрия, обольстив Бояр и вместе с знатнейшими из них поехал искать милости Ханской. Князь Юрий чрез неделю возвратился в Муром, взял остальных Бояр и также отправился к Чанибеку. В Орде был торжественный суд

между ими. Феодор превозмог: Хан отдал ему не только Княжение, но и самого Юрия, скоро умершего в несчастии. Сим первым и последним раздором Князей Муромских заключилась их краткая история; род оных исчез, и столица, как увидим, присоединилась к Великому Княжению.

Вражда между Василием Михайловичем Тверским и племянником его, Всеволодом Александровичем Холмским, не могла быть прекращена ни Великим Князем, ни Митрополитом Алексием, желавшим усовестить их в Владимире, где они для того съезжались (в 1357 году). Василий, особенно покровительствуемый Иоанном, угнетал Всеволода, к огорчению доброго Тверского Епископа Феодора, хотевшего даже оставить свою Епархию, чтобы не быть свидетелем сей несправедливости. Дядя требовал суда в Орде, узнав, что племянник, остановленный на пути Великокняжескими Наместниками, проехал туда через Литву — и Хан (в 1358 году) без всякого исследования выдал бедного Всеволода Послам Василия, который уже обходился с ним как с невольником, отнимал имение у Бояр

Холмских и налагал тяжкие дани на чернь.

В Новгороде был великий мятеж по случаю смены Посадника. Мы видели, что и Симеон мало входил в дела тамошнего внутреннего правления: Иоанн еще менее, и народ тем более самовольствовал, не уважая Наместников Княжеских. Граждане конца Славянского, из всех пяти знаменитейшего, вопреки общей воле оставили Посадника Андреяна; пришли в доспехах на Двор Ярославов, разогнали других граждан невооруженных, даже умертвили некоторых Бояр, и выбрали Сильвестра на место Андреяново. Софийская сторона хотела отмстить Славянской: обе готовились к войне. В таких случаях одна духовная власть еще не теряла прав своих и могла смягчать сердца, ожесточенные злобою. Владыко Моисей, Схимник, просьбою народа изведенный из двадцатилетнего уединения, чтобы вторично править церкви, и за болезнь принужденный возвратиться в оное; новый Архиепископ Алексей, по жребию избранный из Ключников Софийских; Архимандрит Юрьевский, Игумены явились среди шумного стана воинского: ибо таковым

казался весь город. Старец Моисей, опасностию отечества как бы вызванный уже из гроба, благословлял народ, именуя всех своими любезными детьми духовными, и молил их не проливать крови братьев. Мятеж утих; самые неистовые с умилением внимали гласу святого отшельника, стоявшего на Праге смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновников действия насильственного и незаконного: села честолюбивого Сильвестра и других Вельмож Славянского Конца были *взяты на щит*, то есть разорены по определению Веча. Пострадали и невинные: ибо осторожная рассматрительность не свойственна мятежному суду народному. На место Сильвестра избрали нового Посадника, и город успокоился.

В самой тихой Москве, не знакомой с бурями гражданского своевольтва, открылось дерзкое злодеяние, и дремлющее Правительство оставило виновников под завесою тайны. Тысячский столицы, именем Алексей Петрович, важнейший из чиновников и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, был в час заутрени най-

ден мертвый среди городской площади, со всеми признаками убиенного — кем? неизвестно. Говорили явно, что он имел участь Андрея Боголюбского и что ближние Бояре, подобно Кучковичам, умертвили его вследствие заговора. Народ встревожился: угадывали злодеев; именовали их и требовали суда. В самое то время некоторые из Московских Вельмож — опасаясь, как вероятно, торжественного обвинения — уехали с семействами в Рязань к Олегу, врагу их Государя, и слабый Иоанн, дав время умолкнуть общему негодованию, снова перезвал оных к себе в службу.

Даже и Церковь Российская в Иоанново время представляла зрелище неустройства и соблазна для Христиан верных. В год Симеоновой кончины Архиепископ Новгородский, Моисей, отправил Посольство к Греческому Царю и к Патриарху жаловаться на незаконное самовластие Митрополита: вероятно, что дело шло о церковных сборах, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивым именем даров. Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились с дру-

жественными грамотами от Императора Иоанна Кантакузина и Патриарха Филофея, украшенными *златою печатаю*, как сказано в летописи. Содержание грамот нам неизвестно; но кажется, что Филофей, как хитрый Грек, отделался только ласковыми словами: ибо не хотел ссориться с Российскими Митрополитами, которые никогда не ездили в Царьград без даров богатых. В знак особенного уважения к святителю Моисею он прислал ему *крещатые ризы* или *Полиставрион*.

Сия жалоба Новгородского Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбием предместника Алексиева, Феогноста — оскорбляла достоинство Митрополитов. Другое происшествие сделало еще больше соблазна. Патриарх Филофей, вместо одного законного Митрополита для России, поставил в Константинополе двух: Св. Алексия, избранного Великим Князем, и какого-то Романа (вероятно, Грека). Сия новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою: Роман же, обязанный Святительством действию корысти, всего более думал о своих

доходах и требовал серебра от Епископов. Св. Алексий — *не искав чести*, по словам летописи, *но от чести взысканный* — вторично отправился в Константинополь с жалобами на беспорядок дел церковных, и Филофей, желая примирить совместников, объявил его Митрополитом Киевским и Владимирским, а Романа Литовским и Волынским. Несмотря на то, сей последний без дозволения Алексиева жил несколько времени в Твери и вмешивался в дела Епархии, призванный, кажется, Всеволодом Холмским, который сам ездил тогда в Литву. Роман заслужил его благодарность, убедив (в 1360 году) Князя Василия Михайловича отдать племянникам третью часть Тверского Княжения; был осыпан почестями и дарами при дворе, но не мог склонить на свою сторону Епископа Феодора, не хотевшего иметь с ним никакого сношения.

Алексий же, более и более славясь добродетелями, имел случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдавшая в тяжкой болезни, требовала его помощи. Хан писал к Великому Князю: «Мы слышали, что Небо ни в чем не отказывает молитве

главного *Попа* вашего: да испросит же он здравие моей супруге!» Св. Алексей поехал в Орду с надеждою на Бога и не обманулся: Тайдула выздоровела и старалась всячески изъяснить свою благодарность. В сие время Ханский посол Кошак обременял Российских Князей незаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибек — как называют его наши Летописцы — жил недолго. Завоевав в Персии город Таврис (основанный любимую супругою славного калифа, Гарун-Алрашида, Зебеидою) и навьючив 400 вельблюдов взятыми в добычу драгоценностями, сей Хан был (в 1357 году) злодейски убит сыном Бердибеком, который, следуя внушениям Вельможи Товлубия, умертвил и 12 братьев. Митрополит, очевидец столь ужасного происшествия, едва успел возвратиться в Москву, когда Бердибек прислал Вельможу Иткара с угрозами и с насильственными требованиями ко всем Князьям Российским. Они трепетали, слыша о жестоком нраве его: Св. Алексей взял на себя укротить сего тигра; снова поехал в столицу Капчакскую и посредством матери Бердибековой, Тайдулы, исхода-

тайствовал милость для Государства и Церкви. Великий Князь, его семейство, Бояре, народ встретили добродетельного Митрополита как утешителя Небесного, и — что было всего трогательнее — осьмилетний сын Иоаннов, Димитрий, в коем расцветала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви к Алексею, проливая слезы, говорил ему с необыкновенною для своего нежного возраста силою: «О Владыко! Ты даровал нам *жизние мирное* : чем изъясним тебе свою признательность?» Столь рано открылась в Димитрии чувствительность к заслугам и к благодеяниям государственным! — Успокоив Россию, Митрополит жил два года в Киеве, оставленном его предместниками, среди развалин и печальных следов долговременного запустения стараясь обновить церковное устройство и велелепие храмов.

Иоанн надеялся княжить мирно; но скоро Царевич Татарский, Мамат-Хожа, приехал в Рязань и велел объявить ему, что время утвердить законный рубеж между Княжением Олеговым и Московским: то есть корыстолюбивый Царевич, уже славный злодеяния-

ми насилия, хотел грабить в обеих землях под видом размежевания оных. Великий Князь, ссылаясь на грамоты Ханские, отвечал, что он не впустит посла в Московские области, коих границы известны и несомнительны. Ответ смелый; но Иоанн знал, что Мамат-Хожа действует самовольно, без особенного Ханского повеления; знал, может быть и то, что Бердибек уже недоволен сим Вельможею, который скоро долженствовал возвратиться в Орду и заплатил там жизнь за убийство какого-то любимца Царева.

Княжив 6 лет, Иоанн скончался Монахом на тридцать третьем году от рождения [13 ноября 1359 г.], оставив по себе имя *Кроткого*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено с иными правами на общее уважение. — Подобно отцу и брату, он написал Духовную, в коей приказывает Москву двум юным сыновьям, Димитрию и Иоанну, уступая треть ее доходов шестилетнему племяннику, Владимиру Андреевичу, и веля им вообще блюсти, судить и рядить земледельцев свободных, или *численных* людей; отдает супруге Александре разные волости и часть

Московских доходов, а Димитрию Можайск и Коломну с селами, Иоанну Звенигород и Рузу; утверждает за Владимиром Андреевичем Удел отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именем Иулианиею, данные им от супругов волости, с тем, чтобы после Иулиании наследовали сыновья великого Князя и Владимир Андреевич, а после Марии один Димитрий. Из драгоценностей оставляет Димитрию икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, саблю и шишак золотые; Иоанну также саблю и шишак, жемчужную серьгу, стакан Цареградский, а двум будущим зятьям по золотой цепи и поясу; отказывает, вместо *руги*, некоторую долю Княжеских прибитков церквам Богоматери на Крутицах, Успенской и Архангельской в Москве; дает волю Казначеям своим, сельским Тиунам, Дьякам, всем купленным людям, и проч.

Достопамятным случаем Иоанновых времен, связанным с нашею историею, было происхождение нынешней Молдавской области, где в течение семи веков, от третьего до десятого, толпились полудикие народы Азии и Ев-

ропы, изгоняя друг друга и стремясь грабить Империю Греческую.

Нестор говорит, что Славяне Российские, Лутичи и Тивирцы, издавна жили по Днестру до самого моря и Дуная, имея селения и *города*. Князья Галицкие во XII веке без сомнения владели частью Бессарабии и Молдавии, где обитали тогда, под именем Волохов, остатки древних Гетов, смешанных с Римскими поселенцами первого столетия, также некоторые Печенеги и Половцы. Заметим еще, что в Российской Географии XIV века именованы Белгород (или Акерман), Романов, Сучава, Серет, Хотин, в числе *наших старинных* городов. Падение Галицкого Княжения оставило Молдавию в жертву Татарам, и сия земля, граждански образованная Россиянами, снова обратилась в печальную степь: города и селения опустели. Когда же Моголы, уstraшенные счастливым оружием Людовика Венгерского, около половины XIV века удалились от Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданом или Драгошем, жив прежде в Венгрии, в Мармаросском Графстве, явились на берегах Прута, нашли там еще многих *Россиян* и посели-

лись между ими на реке *Молдове* , сперва угождали им и сообразовались с их гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконец же сии гости столь размножились, что вытеснили хозяев и, возобновив древние наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавию* , кою управляли наследники Богдановы под именем Воевод и где язык наш до самого XVII века был не только церковным, но и судебным, как то свидетельствуют подлинныя грамоты Молдавских Господарей. Таким же образом произошло и Княжение Волошское, но еще ранее: Нигер, если верить преданию, во XII или в XIII столетии вышедши из Трансильвании со многими своими единоплеменниками, Волохами, основал Терговисто, Бухарест и властвовал там до конца жизни; преемниками его были другие, избираемые народом Воеводы, которые зависели иногда от сильных Государей Венгерских.

Глава XII

Великий князь Димитрий Константинович. 1359—1362 г.

Царевичи Могольские Христианской Веры. Наследственное право. Приобретения Ольгердовы. Мятежи в Орде. Суд Князей с Болгарами. Москва удерживает право Великого Княжения. Отрок Димитрий.

В одно время с Великим Князем Иоанном Иоанновичем умер и Хан Бердибек, быв жертвою своего гнусного распутства, и Кульпа, родственник его, воцарился, имея двух сыновей Христианской Веры, Иоанна и Михаила, обращенных, может быть, Римскими Миссионерами или нашим Епископом Сарайским. Сие важное обстоятельство казалось весьма благоприятным для Христиан; но Кульпа властвовал только 5 месяцев и погиб вместе с сыновьями, убитый Наврусом, одним из потомков Чингисова сына, Туши-хана. Князья

России явились в Орде с дарами, и новый Царь дал Великое Княжение Димитрию Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, как сказано в некоторых летописях, не захотел сей чести. Современники удивились такой несправедливости, рассуждая, что сын, и еще меньший, не может требовать достоинства, коего не имели ни отец, ни дед его, и что оно принадлежит роду Князей Московских: мнение, основанное единственно на обычае; в самом же деле Андрей и Димитрий Константиновичи были коленом ближе к Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолетство последних также удаляло их от главного престола Российского, окруженного опасностями и заботами.

Избранный Ханом Великий Князь въехал [22 июня 1360 г.] в Владимир, к удовольствию жителей обещая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Он надеялся, как вероятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексей, благословив его на княжение, возвратился в Москву, чтобы исполнить обет Святителя Петра и жить близ его чудотворного гроба. — Новгород, не любя и боясь само-

властия Князей Московских, охотно принял Наместников Димитрия Константиновича; а Димитрий, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на все предложенные ему там условия. — В сие время Новгородцы не имели войны, однако ж старались более и более укреплять столицу: взяли казну Софийскую, собранную Архиепископом Моисеем, и поправили каменные городские стены. Духовенство не роптало на такое употребление церковного серебра, рассуждая разумно, что отечество и Святая София нераздельны и что безопасность первого утверждает благосостояние церкви. Немцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгерд устрашал его и всю Россию, непрестанно думая о завоеваниях. По кончине Иоанна Александровича Смоленского он взял город Мстиславль и Ржев; овладел еще прежде Белым, осаждал даже в Смоленске Иоаннова сына, Енязя Святослава, и беспокоил Тверскую область. Россия, с тайным удовольствием видя междоусобие Моголов, в то же время опасалась быть жертвою Литовского завоевателя.

[1361 г.] Царство Капчакское явно клони-

лось к падению: смятение, измены, убийства изнуряли его внутренние силы. Один из Полководцев, именем Хидырь, кочевав за рекою Уралом, пришел на берега Волги, обольстил Вельмож Ординских, убил Навруса, Царицу Тайдулу и сделался Великим Ханом. Еще Князья наши рабски повиновались сим хищникам: Константин Ростовский выходил в Орде грамоту на всю наследственную область свою, а Димитрий Иоаннович, внук Давида Галицкого, на *Галич*, хотя сей Удел был куплен Иоанном Данииловичем Калитою. Великий Князь, брат его Андрей Нижегородский и Константин Ростовский должныствовали пред Ханским Послом судиться в Костроме с Болгарами, ограбленными шайкою наших разбойников: Князья, отыскав виновных, выдали их и сами поехали в Орду с данию. Но Хидырь уже плавал в крови своей, убиенный сыном Темирхожею. Сей злодей царствовал спокойно только шесть дней; в седьмой открылся бунт: Темник Мамай, сильный и грозный, возмутил Орду, умертвил Темирхожу, перешел с луговой на правую сторону Волги и назвал Ханом какого-то Авдула. Явились и

другие цари: Кальдибек, мнимый сын Чанибеков, хотел заступить место отца, но скоро погиб; многие Вельможи заключились в Сарае с Ханом Мурутом, братом Хидыревым; Князь Булактемир овладел землею Болгарскою, а Тагай Бездежский Мордовскою (где ныне город Наровчат). Они резались между собою в ужасном остервенении; тысячи падали в битвах или гибли в степях от голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителем или тираном России, и спешили удалиться от феатра убийств; некоторые были ограблены в столице Ханской, другие на возвратном пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрий Иоаннович Московский также находился в Орде, но успел выехать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополит Алексей и верные Бояре пеклись о благе отечества и Государя: действуя по их внушениям, сей отрок объявил себя тогда соперником Димитрия Суздальского в достоинстве Великокняжеском и звал его на Ханский суд, чтобы решить дело без кровопролития. Царство Капчакское уже разделилось; но кто

господствовал в Сарае, тот казался еще законным Ханом Орды, и Бояре Московские вместе с Суздальскими отправились к Муруту. Вероятно, что сия честь удивила его: угрожаемый со всех сторон опасностями, теснимый свирепым Мамаем и будучи на троне Батыевом только призраком могущества, имел ли он право располагать иными Державами? Однако ж, представляя лицо древних Ханов, Мурут судил Послов и признал малолетнего Дмитрия Иоанновича Главою Князей Российских, для того, как вероятно, что, соединяя знаменитую Московскую Державу с областями Великого Княжения, надеялся воспользоваться его силами для утверждения собственного престола.

Но как сей Хан мог послать только грамоту, а не войско в Россию, то Князь Суздальский не уважил его суда и не хотел выехать ни из Владимира, ни из Переславля Залесского. Надлежало прибегнуть к оружию. Все Бояре Московские, одушевленные ревностью, сели на коней и выступили под начальством трех юных Князей, Дмитрия Иоанновича, меньшего брата его и Владимира Андрееви-

ча. Бывший Великий Князь не ожидал того: по крайней мере не дерзнул обнажить меча и бежал в Суздаль; а Димитрий Московский занял Переславль, с обыкновенными обрядами сел на трон Андрея Боголюбского в Владимире, жил там несколько дней и, возвратясь в Москву, распустил войско: ибо не думал гнать своего предместника, оставив его спокойно княжить в Уделе наследственном.

Таким образом слабая рука двенадцатилетнего отрока взяла кормило Государства раздробленного, теснимого извне, возмущаемого междоусобием внутри. Иоанн Калита и Симеон Гордый начали спасительное дело Единодержавия: Иоанн Иоаннович и Димитрий Суздальский остановили успехи одного и снова дали частным владетелям надежду быть независимыми от престола Великокняжеского. Надлежало поправить расстроенное сими двумя Князьями и действовать с тем осторожным благоразумием, с тою смелюю, решительностию коими не многие Государи славятся в Истории. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось немало времени для приведения их в

зрелость, и Государство успело бы между тем погибнуть, если бы Провидение не даровало Димитрию пестунов и советников мудрых, воспитавших и юного Князя и величие России.